

ISSN 1857– 4580

СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 5 (11)

Кишинэу
2015

CZU 082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

С 47

Решением Национального Совета по аттестации Республики Молдова (CNAА) № 151 от 21 июля 2014 г. журнал «Славянские чтения» зарегистрирован в качестве научно – теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, педагогики, искусствоведения (категория «С»).

Печатается по постановлению Бюро Сената Славянского университета (протокол № 2 от 23 апреля 2015 года)

Координатор издательских проектов Славянского университета - доктор философии, профессор **Бабенко О.А.**

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ СУ:

- Млечко Т.П., доктор хабилитат филологии, профессор, ректор СУ – председатель РИСа СУ;
- Катан П.И., доктор хабилитат экономики, профессор, проректор по научной работе – зам. председателя РИСа СУ;
- Репида В.Б., доктор истории, профессор, проректор по учебно-методической работе – зам. председателя РИСа СУ;
- Дубровский А.Д., доктор истории, конференциар университар, декан гуманитарного факультета, зав. кафедрой журналистики СУ;
- Чумак Л. Г., доктор философии, конференциар университар – заведующий издательским отделом СУ;
- Жаравина Л.В., доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально- педагогический университет;
- Лелис Е.И., доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения;
- Самаль С.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Белорусского института правоведения;
- Шаклеин В.М., доктор филологических наук, профессор, Академик РАЕН, ответственный секретарь РОПРЯЛ, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания РУДН.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ионова И.А.б доктор хабилитат филологии, профессор университет, заведующий кафедрой славянской филологии - **ответственный редактор:**

Дубровский А.Д., доктор истории, конференциар университет, декан гуманитарного факультета; заведующий кафедрой журналистики - зам. ответственного редактора

Балина И.В., доктор экономики, **технический редактор:**

Рецензент: Зайковская Т.В., доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АН РМ

Члены редколлегии:

Чумак Л.Г., доктор философии, конференциар, Славянский университет;

Руднева Л.Н., доктор филологии, конференциар, Славянский университет;

Визитей Е.Б., доктор философии, конференциар, Славянский университет

Жигзэ Е.И., доктор психологии, конференциар, Славянский университет;

Балина И.В., доктор экономики конференциар, Славянский университет;

Квилинкова Е.Н., доктор хабилитат истории, конференциар, Институт культурного наследия Академии наук Молдовы;

Волковская М.А., доктор филологии, конференциар; Институт педагогики РМ;

Цвик И.О., доктор педагогики, старший преподаватель, Кишиневский государственный педагогический университет им. Иона Крянгэ; РМ;

Жаравина Л. В., доктор филологических наук, профессор; Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Лелис Е.И., доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения;

Яроцкая Г.С., доктор филологических наук, доцент; Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова;

Беженару Л.Е., доктор филологии, действительный член Академии педагогических и социальных наук Российской Федерации; Ясский государственный университет им. Ал. И. Кузэ

Статьи, публикуемые в журнале «Славянские чтения», отражают результаты исследований молдавских и зарубежных ученых в области литературоведения, языкознания, культурологии, философии, искусствоведения и дидактики. Тематически приоритетными для журнала являются исследования, связанные с функционированием в Молдове славянских языков, славянскими духовными и материальными составляющими культуры страны. В специальных разделах помещена информация о международных научных связях Славянского университета и других вузов Молдовы. В частности, журнал отражает деятельность Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ). Читатели могут познакомиться с новыми книгами по проблематике журнала, изданными в Молдове и за ее пределами.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Славянские чтения: научно-теоретический журнал / Славян. ун-т; ред.-изд. совет: Бабенко О.А., Млечко Т.П. [et al.]; отв. ред. Ионова И.А.; пер. с англ. яз.: Бучкова О.Н.; пер. на рум. яз.: Дубровский А.Д. – К.: Славян. ун-т, 2015. (Tipogr. Asociației lucrătorilor instituțiilor de învățământ slavone din Republica Moldova) – 20 cm. – ISBN 978-9975-68-037-0 - ISSN 1857-4580.

(Вып. 5/11). – 2015. – 340 p. – Texte: lb. rom., rusă, ucr. – Bibliogr. la sfârșitul art. – 200 ex. – ISBN 978-9975-117-03-6.

082:378.4(478)=135.1=161.1=161.2

ISBN 978-9975-68-037-0

ISBN 978-9975-117-03-6

© Славянский университет, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В МОЛДОВЕ 6

<i>МУХАМЕТШИН Ф.М.</i> РОССИЙСКО-МОЛДАВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: РАЗВИТИЕ И ПОИСК НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ.....	6
<i>ДУБРОВСКИЙ А.Д.</i> НАСЕЛЕНИЕ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО И ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНОВ В НЕОЛИТЕ	30
<i>ГАРУСОВА О.А.</i> РУССКИЙ ТЕАТР В ЗЕРКАЛЕ БЕССАРАБСКОЙ ПРЕССЫ МЕЖВОЕННЫХ ЛЕТ	59

ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ МОЛДОВЫ: КОНСТАНТЫ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ 75

<i>ИОНОВА И.А.</i> ОТЧЕСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ МОЛДОВЫ	75
<i>ДРУМЯ Л.Х., ЗАЙКОВСКАЯ Т.В.</i> АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	92
<i>ЛЕОНТЬЕВА Е.А.</i> ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕННОГО ПРЕДИКАТА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КВАНТИТАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ).....	129

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОПОЭТИКА: ПОЛИЛОГ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ..... 143

<i>ЖАРАВИНА Л.В.</i> АПОФАТИКА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: PRO ET CONTRA	143
<i>ЛЕВИЦЬКА Т.О.</i> РЕЛІГІЙНІ ІМАГОТИПИ ІУДЕЯ: ВІД ВАЛЬТЕРА СКОТТА ДО МИКОЛИ ГОГОЛЯ	156
<i>КОЛЕСНИК Л.А.</i> ПОЭТИКА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН И ФАМИЛИЙ В РУССКОЙ КЛАССИКЕ XIX ВЕКА	170
<i>ТОПОР Г.Г.</i> ОБРАЗ ОТЦА В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА	177
<i>КАРЧА В.Г.</i> ОБРАЗ УСАДЬБЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА	188
<i>СКОРОБОГАТОВА Е.А.</i> МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ	198
<i>СУДЕЦЬ Н.А.</i> ЛАНЦЮЖКОВІ ЕПІТЕТНІ СТРУКТУРИ В РАННІХ ПОЕТИЧНИХ ТЕКСТАХ І. ФРАНКА І Я. КАСПРОВИЧА	211

<i>Устиян И.Г.</i> ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА».....	222
МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ ..	243
<i>Батыр Т.Б.</i> ИДЕИ Н.Ф. ФЕДОРОВА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЭТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА.....	243
<i>Руднева Л.Н.</i> СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА <i>ВЕТЕРАН</i>	251
<i>Демченко Л.И.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ	258
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	275
<i>Врачу М., Вэрару А.Е., Кобылэ О., Рудь А.</i> ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ СЛАВИСТИКИ ЯССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА «АЛЕКСАНДРУ ИОАН КУЗА»	275
РЕЦЕНЗИИ.....	302
<i>Ионова И.А.</i> О МОНОГРАФИИ С.Л. ПОПОВА «РУССКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В КОГНИТИВНО- ЭВОЛЮЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ (ХАРЬКОВ, 2014)	302
ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ	308
<i>Млечко Т.П.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛДАВСКИХ РУСИСТОВ.....	308
<i>Репида В.Б.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	317
<i>Ионова И.А.</i> СЕТЕВОЙ УНИВЕРСИТЕТ СНГ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ВУЗОВ МОЛДОВЫ	324
ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»	332
НАШИ АВТОРЫ.....	336

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР В МОЛДОВЕ

РОССИЙСКО-МОЛДАВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: РАЗВИТИЕ И ПОИСК НОВЫХ ПЕРСПЕКТИВ

*Мухаметшин Фарит Мубаракшевич,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
Российской Федерации в Республике Молдова;
доктор политических наук*

В апреле 2015 года исполняется 23 года со дня установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Молдова. 19 ноября 2001 года в Москве был подписан и 13 мая 2002 года вступил в силу базовый Договор о дружбе и сотрудничестве между нашими странами. В общей сложности за время развития партнерства было подписано более 170 совместных документов. Правовая база постоянно обновляется.

На фоне динамично меняющегося геополитического ландшафта в регионе все более актуальной для двусторонней повестки дня становится задача оценки современного состояния и места российско-молдавских отношений в системе внешнеполитических координат наших стран. Показателен анализ российско-молдавского сотрудничества в различных сферах именно в 2013-2014 гг., в период интенсивного закрепления проевропейского направления во внешней политике РМ.

Россия с уважением относится к суверенному выбору Молдавии в пользу приоритетности для нее

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

сотрудничества со странами Евросоюза. Сотрудничество с Европейским Союзом важно и для нашей страны: ЕС остается первым по объемам торговым партнером России (более 48% внешнеторгового оборота РФ в 2014 г.). Но считаем нецелесообразным создание в Европе разделительных линий, деление континента на «своих» и «чужих».

Признавая наличие у Молдавии и Евросоюза заинтересованности в развитии взаимного сотрудничества, Россия не хотела бы, чтобы при этом пострадали российско-молдавские отношения, существующие между народами наших стран тесные межчеловеческие контакты, традиционные хозяйственные и торговые связи. Пагубными являются попытки трактовать отношения России и Молдавии в контексте устаревшей логики противостояния Востока и Запада исходя из ложного принципа «или-или». Необходимо осмыслить происходящие перемены с целью совместной выработки «формулы» дальнейшего развития исторически сложившихся связей между нашими странами.

* * *

Основной площадкой для российско-молдавского политического диалога в последние годы остается Содружество Независимых Государств. В 2013-2014 гг. Президент Молдовы Николай Тимофти принял участие в заседаниях Совета глав государств СНГ. Премьер-министр и спикер Парламента Молдавии представляли республику на заседаниях, соответственно, Совета глав правительств и Межпарламентской ассамблеи СНГ в Санкт-Петербурге. Как эффективная платформа для диалога были задействованы заседания Экономического совета Содружества. На площадке СНГ имели место

политические контакты глав МИДов России и Молдавии Сергея Лаврова и Натальи Герман в рамках заседаний Совета Министров иностранных дел, за последние два года состоялись их встречи и на других международных форумах, включая Генассамблею ООН, СМИД ОБСЕ.

Помимо эффективной площадки для политических контактов, СНГ предлагает перспективные форматы сотрудничества в гуманитарной сфере. В 2014 году в Молдавии были завершены внутригосударственные процедуры, необходимые для присоединения к Договору о создании Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС). За последние годы МФГС реализовал более 40 проектов с участием Республики Молдова, в том числе оказывал финансовую поддержку организации Международного музыкального фестиваля «Мэрцишор», семинаров для музееведов, реставраторов и археологов, Молодежных дельфийских игр, способствовал проведению в Кишиневе Форума интеллигенции стран СНГ. Присоединение к МФГС придаст импульс как сотрудничеству в многостороннем формате со странами СНГ, так и перспективным двусторонним контактам.

* * *

Активное использование нашими странами многосторонних форматов СНГ для актуализации российско-молдавских контактов не умаляет значимости взаимных обменов визитами, которые позволяют более детально подойти к развитию двустороннего сотрудничества в самых разных сферах.

Настоящим событием в жизни республики стал пастырский визит Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 7-9 сентября 2013 г. в Кишинев и Тирасполь. Визит был проведен при поддержке молдавских властей и

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

Молдавской митрополии на высоком организационном уровне. Глава РПЦ был принят руководством страны, провел в Кишиневе и Тирасполе богослужения, собравшие тысячи верующих, принял участие в торжествах по случаю 200-летия Кишиневской епархии. Теплый прием, оказанный Предстоятелю РПЦ в Молдавии, показал непреходящую ценность духовных связей в рамках общего православного пространства, частью которого являются наши страны.

Благотворное влияние на весь спектр двусторонних отношений оказывают межмидовские контакты. В этом плане стоит особо отметить встречу глав внешнеполитических ведомств России и Молдавии в июле 2013 г. во время визита Натальи Герман в Москву. В ходе переговоров была подтверждена приоритетность для российской стороны поддержки Республики Молдова в становлении суверенного, демократического, правового, нейтрального государства.

Регулярные консультации на уровне заместителей министров иностранных дел наших стран, не реже двух раз в год, позволяют актуализировать двустороннюю повестку дня, провести оценку перспектив российско-молдавских отношений на различных направлениях.

В плане двустороннего взаимодействия требует дополнительного импульса межпарламентский диалог. Так, после шестилетнего перерыва востребовано возобновление работы российско-молдавской межпарламентской комиссии и активизация деятельности парламентских групп дружбы и контактов между профильными комитетами. Парламентская дипломатия могла бы содействовать конструктивному обмену мнениями по значимым для граждан наших стран вопросам.

Требует импульса и межведомственный диалог, который помог бы по-новому «настроить» взаимодействие во многих чувствительных на сегодняшний день областях, с учетом региональных изменений, вызванных развитием ситуации на Украине.

* * *

Подписание и предварительная имплементация молдавской стороной договоренностей о создании зоны свободной торговли с Евросоюзом создали новые условия для взаимодействия России и Молдавии в торгово-экономической сфере. Молдавская сторона исходит из того, что эти договоренности никоим образом не противоречат Договору о зоне свободной торговли СНГ, подписанному восемью странами Содружества, в том числе Россией и Молдавией. Российская же сторона полагает, что одновременное участие Молдавии в двух зонах свободной торговли – ЕС и СНГ – чревато рисками для российской экономики. Поскольку «формула» дальнейшего взаимодействия с учетом новых условий не была выработана заранее, несмотря на инициирование С.В. Лавровым соответствующих консультаций, Россия была вынуждена с сентября 2014 года ввести таможенные пошлины на ряд молдавских товаров.

Преодоление этих расхождений в оценке перспектив торгово-экономического сотрудничества особенно востребовано на фоне некоторого снижения товарооборота. В 2013 г. он составил 1,738 млрд. долларов США (83,3% от показателей за 2012 г.), в 2014 г. – 1,796 млрд. долларов США (вырос на 3,3% по сравнению с 2013 г. за счет увеличения российского экспорта в Молдову – на 12,1%).

При этом не подлежит сомнению, что резервы взаимного освоения рынков производителями и

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

экспортерами наших стран огромны. Выработка взаимовыгодных подходов в двусторонней торговле вкупе с внедрением в республике более высоких стандартов и систем оценки качества обеспечат молдавской продукции высокий потенциал на российском рынке, где потребитель ее хорошо знает и любит. Потому, невзирая на текущие затруднения, с российско-молдавской повестки дня не снимается потребность в поддержании конструктивных дискуссий на уровне экспертов и представителей органов власти по экономическим вопросам.

В этом плане показательны проведенные в Кишиневе в августе 2014 г. двусторонние консультации представителей различных ведомств, делегации которых возглавили сопредседатели российско-молдавской Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству (МПК), заместители председателей правительств наших стран: Д.О. Рогозин со стороны Российской Федерации и А. Канду – со стороны Республики Молдова. Встречи показали обоюдный настрой преодолеть расхождения в подходах, востребованность диалога в рамках МПК.

Именно на МПК возложена задача по устранению «узких мест» и приданию импульса двусторонним отношениям в торгово-экономической и инвестиционной сферах. Многоплановая повестка заседаний, открытость к диалогу с бизнес-сообществом и постоянный поиск новых идей делают Межправительственную комиссию важным инструментом укрепления двустороннего сотрудничества.

Контакты сопредседателей между заседаниями МПК позволяют наметить ключевые направления дальнейшего взаимодействия. (В прошлом году такие встречи состоялись дважды – в августе и сентябре). Стороны отслеживают исполнение договоренностей по итогам

последнего заседания МПК и разрабатывают повестку дня на перспективу.

Далеко не исчерпан потенциал на направлении российско-молдавского сотрудничества в сфере взаимных инвестиций. Согласно данным Государственной регистрационной палаты РМ, в стране зарегистрировано 863 предприятия с участием российского капитала. Но заинтересованность инвесторов из России наталкивается на объективные проблемы местной деловой среды, связанные с излишней бюрократизацией, коррупцией, в том числе в судебной системе, что вынуждает некоторые компании принимать решение об отказе даже от запущенных в Молдавии инвестиционных проектов. В этой связи рассматриваем как одно из приоритетных направлений совместной работы – поиск способов обеспечения гарантий сохранения и защиты российских инвестиций в республике.

Крупнейшим инвестором и партнером молдавской стороны является ОАО «Газпром». Несмотря на множество недобросовестных попыток спекулировать на теме «давления» России на Молдавию посредством угроз прекращения поставок газа, 11 ноября 2014 года контракты между ОАО «Газпром» и АО «Молдовагаз» на поставку и транзит природного газа были продлены на год. Вместе с тем, по-прежнему актуальным остается вопрос выработки долгосрочных договоренностей в области газового энергетического сотрудничества.

Приоритетом российской стороны на данном этапе остается диверсификация экономического сотрудничества путем наращивания межрегиональных связей между субъектами РФ и районами РМ. Наибольший удельный вес в торговле между Россией и Молдавией сегодня занимают Москва, Белгородская, Ростовская, Брянская, Московская

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

области и Санкт-Петербург. Посольство, торгпредство и представительство Россотрудничества в Молдавии прилагают усилия по стимулированию интереса российских и молдавских регионов к налаживанию взаимных контактов в целях расширения географии такого рода связей, причем не только в торгово-экономической, но и в гуманитарной сфере. Заметную нишу в рамках данного формата взаимодействия занимают побратимские связи городов.

В этой связи нельзя не отметить активность развития межрегионального сотрудничества со стороны Гагаузии. Например, в 2014 году автономией было заключено межрегиональное Соглашение о сотрудничестве с Правительством Санкт-Петербурга, подписаны три Плана мероприятий по реализации Соглашений, заключенных Гагаузией с Санкт-Петербургом, Брянской и Нижегородской областями, а также три Договора о побратимстве между регионами и населенными пунктами АТО Гагаузия и Российской Федерации. Четыре документа о межрегиональном сотрудничестве находятся на стадии согласования и еще три – в проработке. Налаживание межрегиональных связей продолжилось в 2015 году. В феврале было подписано соглашение о сотрудничестве между Московской областью и Гагаузией.

Благодаря прямым межрегиональным связям в последние годы реализован ряд локальных гуманитарных проектов, в том числе по оснащению с помощью российских регионов районных учебных заведений Молдавии и школьных библиотек компьютерами, учебной и художественной литературой. Устанавливаются прямые деловые контакты, ведется обмен специалистами.

* * *

Одним из животрепещущих вопросов российско-молдавской повестки дня является создание эффективных механизмов двустороннего сотрудничества в сфере трудовой миграции. Наведение должного порядка в данной сфере является одной из актуальных задач как для российской, так и для молдавской стороны.

Об остроте этой проблематики в российско-молдавских отношениях красноречиво свидетельствует статистика ФМС России: за 2014 год в Россию въехало около 625 тыс. молдавских граждан. Это на 27% меньше, чем в 2013 году, но все равно – очень большое количество. Отметим, что в указанный период порядка 243 тыс. граждан РМ, фактически работая на территории России, не получали соответствующих разрешений и нарушили сроки и правила пребывания в нашей стране. Здесь нужно учесть, что недавно были ужесточены меры в отношении злостных нарушителей российского миграционного законодательства. Если иностранный гражданин непрерывно пребывал в России от 180 до 270 дней сверх разрешенного срока (90 дней), въезд закрывается на 5 лет. Те, кто нелегально находился на территории РФ свыше 1 года, подпадают под десятилетний запрет на въезд в Россию.

При этом, однако, стоит отметить позитивные тенденции. В 2014 году больше, чем в два раза, выросло количество граждан Молдовы, получивших патенты и разрешения на трудовую деятельность в Российской Федерации: их число составило уже 220 тыс. (по сравнению со 100,1 тыс. в 2013 году).

К числу последних нововведений в российское миграционное законодательство относится и отмена квот на трудовых мигрантов и разрешений на работу, введение единого патента, по которому мигранты смогут работать

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

не только у физических лиц, как это было прежде, но и в компаниях. Кроме того, с 2015 г. все иностранцы, желающие получить в России разрешение на временное проживание, вид на жительство либо патент (кроме высококвалифицированных специалистов, участников Госпрограммы переселения и ряда других категорий), должны будут подтверждать знание языка, истории и законодательства РФ. Предусмотрена подготовка к данному экзамену и его прохождение также в странах проживания потенциальных мигрантов. В Молдавии экзамен принимается в представительстве Россотрудничества и Славянском университете.

Обо всех изменениях российского миграционного законодательства консульский отдел посольства оперативно информирует профильные ведомства республики и молдавских граждан.

Важное место в текущей повестке дня занимает продолжение совместной с молдавскими партнерами работы по подготовке пакета трех межправительственных соглашений: о сотрудничестве в области трудовой миграции, о реадмиссии и о борьбе с нелегальной миграцией. Подписание этого пакета создает серьезную правовую основу для регулирования вопросов трудовой миграции в российско-молдавских отношениях. В рамках переговоров по согласованию текста соглашения о реадмиссии российская сторона придерживается необходимости учета в нем обязательств нашего государства по защите прав и интересов российских граждан, в том числе проживающих в приднестровском регионе.

* * *

Переходя к обзору гуманитарной составляющей российско-молдавского сотрудничества, следует отметить,

что в силу особенностей географического положения молдавская земля на протяжении всей своей истории поддерживала тесные связи со славянским миром и была подключена к его культурным процессам.

Осенью 2013 года в Республике Молдова были проведены Дни российской духовной культуры. Интерес к мероприятиям, прошедшим в Кишиневе, Бельцах, Комрате, Тирасполе, лишний раз подтвердил глубокую симпатию и взаимное притяжение наших народов друг к другу. На очереди – проведение традиционных Дней молдавской культуры в России.

Сохранению общей исторической памяти народов России и Молдавии, целостности нашего общего культурно-цивилизационного пространства должно способствовать пресечение попыток некоторых историков, политиков и общественных деятелей фальсифицировать историю и преподнести в ложном свете положительные моменты в отношениях наших стран.

Общая российско-молдавская история требует сегодня бережного отношения. Прочным фундаментом наших отношений остаются исторические связи и традиции дружбы и взаимопомощи, установившиеся между народами России и Молдавии за многие столетия. Поскольку будущее этих отношений зависит, прежде всего, от нового поколения, важно обратить особое внимание на его воспитание, образование, формирование у него исторического сознания. Здесь положительную роль могла бы сыграть работа совместной комиссии историков на базе Института всеобщей истории РАН и Института истории, государства и права Академии наук Молдавии как инструмент борьбы против фальсификации общей истории народов наших стран. Задача ученых – вместе

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

выработать взвешенный подход к единому наследию народов России и Молдавии.

Знаковым для истории наших стран событием стало празднование в 2014 году 70-летия освобождения Молдавии от фашистских захватчиков. При поддержке Посольства и представительства Россотрудничества и при активном участии организаций соотечественников этот юбилей был отмечен достойно и ярко. В республике прошла акция, посвященная 70-летию освобождения, которая в марте-апреле охватила населенные пункты по маршруту Сороки, Дрокия, Флорешты, Бельцы, Оргеев, а также в Приднестровье – Тирасполь, Дубоссары, Рыбницу. В разных городах республики были проведены научные круглые столы, молодежные форумы, концерты, фотовыставки, показы фильмов, вышел ряд книг о Яско-Кишиневской операции.

В настоящее время готовимся к празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Эту дату, важнейшую для народов наших стран, следует отметить, отдав дань глубокого уважения ветеранам–защитникам Родины и победителям фашизма. Совместные усилия по сохранению уважительного отношения к ратному подвигу советских солдат станут конкретным вкладом в воспитание подрастающего поколения и укрепление дружбы народов – наследников Великой Победы.

Решением Совета глав государств СНГ 2015 год был объявлен Годом ветеранов. В рамках реализации решения Совета глав государств СНГ «О подготовке к празднованию 70-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне» в декабре 2013 г. Парламент РМ принял постановление, в котором Правительству было поручено разработать и представить

план действий по подготовке и празднованию 70-й годовщины Победы над фашизмом.

Отрадно, что большую активность в подготовке праздничных мероприятий проявляют молдавские общественные организации. Благодаря вниманию местных властей и инициативе молдавской общественности, особенно молодежи, восстанавливаются захоронения советских солдат, организуются поисковые работы и перезахоронения останков павших воинов.

С российской стороны в год 70-ой годовщины Победы будут продолжены акции по оказанию гуманитарной и материальной помощи ветеранам Великой Отечественной войны и труженикам тыла. С февраля по поручению Президента Российской Федерации посольство начало вручение юбилейных медалей «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» проживающим в Молдавии ветеранам войны – гражданам России.

Конечно, особое внимание продолжим уделять ремонту и реставрации, а также паспортизации памятников и могил бойцов, павших за освобождение молдавской земли от фашистских захватчиков. Большой вклад вносят своей работой Славянская правозащитная организация «Вече», Русский историко-патриотический клуб. В прошлом году – в год 70-летия освобождения Молдавии от фашистских захватчиков – были отреставрированы пять памятников, в этом году будут отремонтированы еще три (в селах Царьград, Кунича и Грэдиница). Активное участие в реконструкции принимают российские регионы и органы местной власти. Поддержку в прошлом году оказали Москва, Санкт-Петербург, Тюменская и Омская области, в

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

этом году помощь поступила от Томской, Тюменской и Новосибирской областей.

В 2014 году по случаю 70-летия освобождения Молдавии от фашистских захватчиков при поддержке российско-молдавского предприятия «Молдовагаз» на мемориале Шерпенского плацдарма был зажжен постоянно действующий «вечный огонь». А в 2015 году он появится в знак памяти о подвиге советского солдата на мемориалах в Бельцах, Кагуле, Леова, Комрате и Сороках.

* * *

Молдавия – **многонациональная страна**, и эта земля всегда сохраняла уважительное отношение к языкам и культурам всех проживающих здесь этнических сообществ. В Конституции и действующем законодательстве Молдовы отражены эти складывавшиеся веками традиции взаимопонимания между людьми, закреплены основные гарантии прав нацменьшинств на защиту со стороны государства, недопущение им дискриминации. Молдова также присоединилась к основным международным правовым актам в области прав человека, в том числе к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств.

Исторически сложившееся **многоязычие** народов, населяющих Молдавию, является преимуществом в условиях постоянно меняющегося современного мира, требующего от любого человека коммуникативной и языковой мобильности. По данным переписи населения 2004 г., Молдова является домом для многих народов: 2,56 млн. молдаван, 282,4 тыс. украинцев, 201,2 тыс. русских, 147,5 тыс. гагаузов, 73,28 тыс. румын, 65,66 тыс. болгар и др.

На фоне этнического многообразия важную функцию выполняет **русский язык** как средство межнационального общения. В этой связи не только для этнических русских важен вопрос о сохранении русского культурного и языкового поля в Молдове.

С одной стороны, положительным является тот факт, что в Молдове в период с 1989 по 2003 год была создана нормативная база для использования русского языка практически во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, что соответствует не только традициям, но и реальным потребностям многих жителей республики. Несомненно, такая правовая основа должна была стать надежным фундаментом для сохранения русского языка, русской культуры и, в конечном итоге, способствовать облегчению положения российских соотечественников, проживающих в Молдавии.

С другой стороны, к сожалению, в последнее время наблюдается тенденция к постепенному пересмотру правовых норм, регулирующих использование языков нацменьшинств на территории Молдовы, особенно в сфере СМИ и образования, что напрямую затрагивает положение и статус русского языка в стране. К несоблюдению конституционного права на уважение и охрану частной жизни могут быть отнесены, например, изменения законодательства, согласно которым в настоящее время удостоверения личности гражданина РМ оформляются только на государственном языке и без указания отчества. А отчество – важная составная часть имени у ряда славянских народов.

Вызывают тревогу изменения законодательства, касающиеся порядка обеспечения права учащихся на выбор языка обучения. По новому Кодексу об образовании РМ, вступившему в силу 23 ноября 2014 года, русский

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

язык в сфере образования будет использоваться как иностранный (в школах с обучением на государственном языке), а как язык обучения – лишь для национальных меньшинств при достаточной потребности и наличии возможности. При этом, как обратили внимание многие эксперты, в Кодексе не урегулирован вопрос, каким органом и по каким критериям будут определяться упомянутые «пределы возможностей», позволяющие обучение на другом, кроме государственного, языке.

В Кодексе об образовании РМ русский язык даже не упомянут как язык преподавания, несмотря на его высокую востребованность у населения, о чем свидетельствует то, что сегодня в республике действует 246 школ с обучением на русском языке.

В контексте российско-молдавских отношений подчеркнем, что данное новшество противоречит статье 20 Договора о дружбе и сотрудничестве между Республикой Молдова и Российской Федерацией от 19 ноября 2001 года, которая гласит: *«Учитывая роль и значимость русского языка, Молдавская Сторона в соответствии с национальным законодательством обеспечит надлежащие условия для удовлетворения потребностей в обучении на русском языке в системе образования Республики Молдова».*

Отрадно, что Министерство просвещения РМ отреагировало на нашу озабоченность, дав заверения, что школы с русским языком обучения продолжают свою работу, как и прежде, и что принятие Кодекса об образовании не вносит изменений в их нынешнее положение. Остается надеяться, что данное обязательство будет соблюдено, и ситуация не будет развиваться в сторону сокращения образования на русском языке.

Российская дипмиссия и представительство Россотрудничества внимательно отслеживают положение русских школ, реагируют на сигналы об их положении, поступающие от учебных заведений, общественных организаций, родителей учащихся, СМИ. Помогаем им дидактическими материалами, книгами для школьных библиотек и др. По линии Россотрудничества оказывается содействие проведению состязаний чтецов, конкурсов творческих работ, олимпиад по русскому языку в школах с обучением как на русском, так и на молдавском языке.

Именно поддержку русского языка в Молдавии российская сторона видит одним из приоритетов разрабатываемой профильными ведомствами новой межправительственной программы двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере.

Между тем, считаем нужным и налаживание в Молдавии эффективного обучения государственному языку в школах с преподаванием на русском. Это помогло бы интеграции русскоязычного населения в молдавское общество и созданию возможностей его самореализации в своей стране. Данный вопрос обсуждается в рамках российско-молдавского диалога по гуманитарной проблематике.

Принимает участие в дискуссии по тематике обучения русскому языку Молдавское общество преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ), которое представляет Молдавию на международном уровне в Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Деятельность МОПРЯЛ значима в плане поддержания внимания местной общественности к проблемам положения и преподавания русского языка в стране.

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

Важную роль в российско-молдавском диалоге в образовательной сфере играет высшая школа. С 2009 года на обучение в вузах России на бюджетной основе было отправлено 2700 выпускников из Республики Молдова. В 2014 году было принято 750 абитуриентов, включая тех, кто прошел по квотам Правительства России, и поступивших на бюджетные места по квоте Высшей школы экономики, Костромской сельхозакадемии и ряда других вузов.

В 2015 году для Республики Молдова по правительственной квоте выделено 580 бюджетных мест, в том числе в бакалавриате, специалитете, магистратуре, аспирантуре и ординатуре. В дополнение к этому в Молдавии самостоятельный набор провели Высшая школа экономики, Костромская сельхозакадемия, Финансовый университет при Правительстве России и др.

Вне зависимости от того, где учатся молодые люди из Молдовы, мы рекомендуем, чтобы они возвращались на родину и принимали самое непосредственное участие в ее развитии. В перспективе мы надеемся, что для молодежи Молдовы будет создано больше рабочих мест в их родной стране, чему мы, в свою очередь, будем содействовать.

* * *

Многоплановую работу по развитию **культурных и научных связей** между нашими странами проводит Представительство Россотрудничества в Молдавии (Российский центр науки и культуры). Речь идет и об организации выступлений российских исполнителей и творческих коллективов в Молдавии, и о поддержке молдавских артистов, и о помощи местным театрам – Русскому драматическому театру им. А. Чехова, который в 2014 г. отметил 80-летний юбилей, и Государственному

молодежному драматическому театру «С улицы Роз». Важным направлением работы РЦНК является поддержка местных конкурсов и фестивалей и участия в них российских исполнителей. По всем этим вопросам Посольство и РЦНК конструктивно взаимодействуют с Министерством просвещения и Министерством культуры РМ. В области науки РЦНК работает в контакте с Академией наук Молдовы и научно-образовательными учреждениями республики. Представительство проводит презентации российских НИИ, содействует установлению контактов между научными учреждениями наших стран, направлению молдавских ученых на стажировку в Россию.

* * *

Россия продолжит оказывать поддержку соотечественникам – всем тем, кому близки ценности Русского мира. Кроме дипломатических усилий, торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества, многовековая дружба народов России и Молдавии скреплена неразрывными межчеловеческими связями: людскими судьбами, их любовью, дружбой, симпатией.

Русские, проживающие в Молдавии, учатся жить в состоянии так называемой автохтонной диаспоры. В этой ситуации как никогда важны консолидация общественных организаций соотечественников, недопущение случаев противостояния, тесное взаимодействие с другими национальными общинами для решения общих задач сохранения русского языка, сложившейся системы образования, сотрудничество с властями по вопросам поддержания межнационального мира и согласия на молдавской земле.

Российские соотечественники, проживающие в республике, являются опорой в поддержании и развитии связей Молдавии с Русским миром. Сохранение и «живая

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

жизнь», то есть органичное существование в молдавском контексте русской культуры, русского языка и образования на нем, православных духовных традиций и исторической памяти предков на этой земле, – один из приоритетов оказываемой поддержки.

В 2014 году благодаря помощи российского Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, в Кишиневе был открыт Информационно-аналитический правозащитный центр, куда соотечественники могут обращаться за консультацией и помощью в ситуациях, когда, по их мнению, были нарушены их права и законные интересы как представителей нацменьшинств.

На фоне сохраняющейся привязанности соотечественников к нашей стране и желания способствовать укреплению дружбы между Молдавией и Россией обращает на себя внимание ряд проблем. В первую очередь, речь идет о разобщенности организаций российской диаспоры в Молдавии, что препятствует их скоординированным действиям. Не идет им на пользу и деятельность так называемых «профессиональных» соотечественников, которые, демонстрируя зачастую в весьма гротескной форме любовь к России, подспудно используют выделяемую помощь в корыстных целях. Недобросовестное поведение этих предприимчивых людей бросает тень на всю российскую диаспору в глазах местных властей и общества.

Нам представляется очень важным, чтобы российские соотечественники чувствовали себя на молдавской земле защищенными в правовом и социальном отношении. Решение этой задачи зависит во многом от общей ситуации в государстве. Ее реализация представляется залогом укрепления мира, согласия и

терпимости в молдавском обществе. Со своей стороны Посольство и представительство Россотрудничества продолжают поддержку российских соотечественников как одно из приоритетных направлений внешней политики России.

* * *

В контексте широкой и многоплановой российско-молдавской повестки дня особое место занимает приднестровское урегулирование, в рамках которого Россия со всей ответственностью нацелена на дальнейшее выполнение своей роли гаранта и посредника. Однако наблюдаемый в последнее время дефицит доверия между Кишиневом и Тирасполем, связанный с их односторонними действиями, тормозит продвижение вперед. Доверие – не естественная данность, его нужно формировать. А это требует добровольных усилий обеих сторон и является абсолютно необходимым условием для нахождения жизнеспособного решения приднестровской проблемы, которым может стать только продуманный и взвешенный компромисс, выработанный сторонами в ходе равноправных переговоров. При этом поиск конкретной формулы урегулирования – исключительная прерогатива Кишинева и Тирасполя.

Существующий уровень доверия между сторонами не позволяет перейти к обсуждению чувствительных вопросов статуса Приднестровья. В рамках переговорного процесса пока была принята тактика «малых шагов», заключающаяся в поэтапном решении конкретных вопросов облучения жизни населения на обоих берегах Днестра. Между тем, отсутствие у сторон подлинной готовности проявить волю, сделав шаг в сторону компромисса, требующего взаимных уступок во имя достижения общей цели, по сути «консервирует»

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

неурегулированный конфликт и препятствует налаживанию нормальной жизни населения в Приднестровье.

С сожалением констатируем, что на фоне нынешнего обострения ситуации на Украине западные и украинские партнеры искусственно и безосновательно нагнетают тревожную атмосферу вокруг Приднестровья. Склонны рассматривать это как недопустимую провокацию. Не поддерживаем ограничение прав жителей региона на свободу передвижения и развитие внешнеэкономической деятельности. При этом право Приднестровья самостоятельно устанавливать и поддерживать международные контакты в экономической области закреплено в Меморандуме об основах нормализации отношений, подписанном Республикой Молдова и Приднестровьем 8 мая 1997 года. И гарантом исполнения этих обязательств выступают как Российская Федерация, так и Украина.

Отметим здесь еще один момент, осложняющий отношения Кишинева и Тирасполя. Невзирая на неурегулированность приднестровской проблемы, в Соглашении об ассоциации, ускоренно подписанном ЕС и Молдавией в 2014 году, не были учтены интересы Приднестровья. В результате в добавление ко всей гамме существовавших до этого противоречий стороны были поставлены перед необходимостью поспешно решать еще один далеко не простой вопрос. Речь о том, каким образом Приднестровье со всем комплексом проблем, существующих вокруг его нерешенного статуса, сможет вписаться в реалии зоны свободной торговли с ЕС, как это повлияет на обстановку в регионе в целом.

Со своей стороны Россия продолжает оказывать гуманитарную помощь региону, в том числе через

специально созданную АНО «Евразийская интеграция». Это включает строительство 13 социально значимых проектов, включая 5 объектов здравоохранения, 5 детских садов, 2 школы и новый корпус медицинского факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г.Шевченко. Это конкретный вклад нашего государства в обеспечение социальной стабильности в регионе. В рамках реализации этих проектов в 2013-2014 гг. запланированные расходы составляют порядка 120 млн. долларов.

Наряду с этими программами Российская Федерация продолжает выделение Приднестровью гуманитарной помощи, направляемой руководством региона на выплату ежемесячной надбавки к пенсиям и организацию питания школьников, воспитанников детских домов, реабилитационных центров, людей, содержащихся в домах ветеранов, престарелых и инвалидов. Так, в 2014 году Российская Федерация перевела в рамках оказания гуманитарной помощи Приднестровью порядка 925,4 млн. российских рублей, в 2013 году - 894,4 млн. рублей.

На левом берегу Днестра проживает более 180 тысяч наших сограждан, которым российское диппредставительство обязано предоставлять консульское сопровождение. Ввиду отсутствия согласия Кишинева на открытие консульства в Тирасполе, данные услуги оказываются сотрудниками консульского отдела посольства на базе пункта выездного обслуживания граждан. Посольство, пользуясь поддержкой руководства Приднестровья, использовало все доступные инструменты обеспечения максимально возможной эффективности обслуживания наших граждан, включая расширение помещений выездного консульского пункта, улучшение информационной работы и услуг с целью минимизировать

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

потребность выезда граждан в Кишинев, что особенно важно для пожилых людей, родителей с маленькими детьми.

Всего за 2014 год консульским отделом посольства принято более 180 тыс. посетителей, оформлен 31 751 загранпаспорт, рассмотрено около 15 тыс. дел по вопросам гражданства (при этом российское гражданство оформлено более 5 тыс. человек), произведено 3 177 нотариальных действий. Традиционно «львиная доля» работы пришлась на Приднестровье.

И сегодня посольство отмечает большую нагрузку на консульский отдел российской дипмиссии, который работает буквально на пределе возможностей, сочетая труд в Кишиневе с регулярными выездами в Приднестровье. В этой связи открытие полноценного Генконсульства в Приднестровье продолжает занимать важное место в повестке дня российско-молдавских межмидовских консультаций.

* * *

С учетом интеграционных процессов, набирающих темпы в регионе, обеспечение позитивной динамики российско-молдавских отношений предъявляет ряд вызовов и сложных задач, требующих сбалансированного подхода и открытого конструктивного диалога о перспективах дальнейшего сотрудничества. Речь идет не об «игре с нулевой суммой», а о сложном процессе обеспечения эффективных механизмов сохранения и обогащения нашими странами исторически сложившихся, устоявшихся связей и установления новых в условиях меняющейся геополитической ситуации в регионе.

НАСЕЛЕНИЕ КАРПАТО-ДУНАЙСКОГО И ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНОВ В НЕОЛИТЕ

*Дубровский Анатолий Дмитриевич,
доктор истории, конференциар университета
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье анализируются сенсационные результаты археологических и антропологических открытий конца XX и начала XXI веков в Карпато-Дунайском и Днестровском регионах, заставивших изменить устоявшиеся представления о рассматриваемых регионах как периферии древневосточных цивилизаций в V-IV тысячелетиях до н.э. Впервые на Балканском полуострове и северо-дунайских землях образовалась бесклассовое общество. В свете этих открытий Юго-Восточная Европа в ареале распространения археологических культур Винча, Старчево-Криш, Кукутень-Триполье и Буго-Днестровской может быть названа одним из древнейших очагов цивилизации, более древним, чем цивилизации Месопотамии, долины Нила и Инда.

Ключевые слова: неолит, балкано-дунайские археологические культуры Турдаш-Винча, Старчево, Криш, Кёреш, Кукутень-Триполье, Буго-Днестровская, миграция населения и взаимовлияние культур.

POPULATION OF THE CARPATHO-DANUBIAN AND THE TRANSNISTRIAN REGIONS IN THE NEOLITHIC ERA

Abstract. The article analyzes the results of sensational archaeological and anthropological discoveries of the late XX and early XXI century in the Carpathian-Danube and Dniester regions, which forced to change the established notions of these regions of the ancient eastern civilizations in the V-IV millennium BC as provincial ones. For the first time a classless society was formed in the Balkans and north-Danubian lands. In light of these findings the South-Eastern Europe in the area of the archaeological cultures Vinca, Starcevo-Cris, Cucuteni-Tripoli and Bug-Dniester can be called one of the oldest centers of civilization, older than the civilization of Mesopotamia, the Nile Valley and the Indus.

Key words: Neolithic, Balkan-Danubian archaeological cultures of Turdash-Vinca, Starcevo, Krish, Këresh, Cucuteni-Tripoli, Bug-Dniester, migration and interaction of cultures.

POPULAȚIA PREINDOEUROPEANĂ DIN REGIUNILE CARPATO-DUNĂRENE ȘI NISTRENE DIN PERIOADA NEOLITULUI

Adnotare. În articol sînt analizate rezultatele senzaționale a descoperirilor arheologilor și antropologilor din ultimele decenii ale secolului XX și începutul secolului XXI obținute în baza cercetării monumentelor preistorice, mileniile V și IV de pînă la e.n., descoperite pe teritoriile Carpato-Dunăreano-Nistrene. Aceste descoperiri precizate chronologic în baza datelor coloanei radiocarbon stabilite pentru neolitul Europei au impus schimbarea opiniilor formate deja care tratau aceste regiuni drept periferii înapoiate ale civilizațiilor orientale. În baza acestor descoperiri Europa de Sud-Est în arealul cuprins de culturile arheologice Vincea, Starcevo, Criș, Cucuteni-Tripolie și Bugo-Nistreană poate fi tratată drept una dintre centrele vechii civilizații.

Cuvinte-cheie: Neolit, culturile arheologice balcano-dunărene: Terdaș-Vincea, Starcevo, Criș, Cucuteni-Tripolie, Bugo-Nistreană, migrația populației și influența culturală.

Термин «неолит» (новый каменный век) обозначил исторический период, в начале которого люди научились делать глиняную посуду, а также шлифовать и сверлить каменные орудия. Как известно, в конце мезолита и начале неолита завершается ледниковый период и наступает потепление климата. Это привело к таянию снегов и льда, вода покрыла значительные территории Европы. Равнины Роны, Рейна, Дуная, Тисы, Днестра, Дона превращаются в гигантские реки. По-видимому, именно это колоссальное наводнение осталось в памяти потомства как сказание о «всемирном потопе». По поводу причин потепления существует множество гипотез, в том числе о наклоне земной оси, о возможном столкновении Земли с астероидом или кометой и появлении Гольфстрима, согревшего Европу [5, 245-335]. Из многих гипотез явствует, что переход от древнего к новому каменному веку связан с катаклизмом и происходит приблизительно в период с XII по X тыс. до н.э. Так или иначе, но на протяжении приблизительно трех тысячелетий, несмотря на улучшение климата, численность населения падает и

наблюдается регресс в каменной индустрии и художественном творчестве [10, 29]. Лишь к IX-VIII тыс. до н.э., с началом неолита, происходит постепенное оживление социальной и культурной жизни, но не на Западе, слишком близко расположенному к предполагаемому центру катастрофы, а на Переднем Востоке и в Малой Азии, для жителей которых земледелие и скотоводство стали основным занятием. В «плодородном полумесяце» (нынешние Ливан, Израиль, Палестина, Египет, Сирия, Иордания, Ирак и Малая Азия) возникли первые неолитические культуры [6,70]. Этот качественный скачок часто называют «неолитической революцией» (термин принадлежит крупнейшему археологу XX века Гордону Чайлду), которая на Ближнем востоке и в Малой Азии завершилась уже к рубежу VII-VI тысячелетий до н.э. Создание принципиально иной экономики было длительным и очень сложным процессом, который проходил самостоятельно и независимо в нескольких мировых центрах. Европа не входила в число этих центров, но находилась достаточно близко к переднеазиатскому и малоазийскому древнейшим центрам возникновения земледелия и скотоводства. Именно в этих регионах земного шара появились отличительные признаки неолита.

Английский археолог Джеймс Мелларт, ведя раскопки в Малой Азии (которую в древние времена именовали Анатолией), обнаружил поселение древнейших земледельцев, датированное второй половиной VII – началом VI тыс. до н.э. [13, 80-81]. Об этом ясно свидетельствовали обмазанные глиной хранилища для зерна, каменные вкладыши для серпов, зерна ячменя, пшеницы-эммера, дикой однозернянки и чечевицы. Здешние люди не знали керамики и использовали сосуды из мрамора и дерева, о чем свидетельствуют находки в самых древних слоях. На

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

территории стоянки встречаются кости овец, коз, быков и оленей. При этом в пределах поселения не найдено ни одного человеческого погребения. Это маленькое селение с прямоугольными домами из сырцового кирпича на каменных фундаментах пережило до своего запустения семь периодов. Дома обычно состояли из одной большой комнаты без внутреннего убранства, но с тщательно обмазанными глиной полами и стенами, покоящимися на основаниях из булыжников. Обмазка часто покрывалась красной краской и украшалась простым геометрическим орнаментом. На полу помещений иногда устанавливали человеческие черепа, что позволяет предполагать существование в Хаджиларе культа предков. Главную комнату окружали меньшие помещения, иногда с очагами и печами. Обычно же тщательно выложенные очаги и печи устраивались в открытых дворах. Ямы от столбов говорят о существовавших во дворах навесах и заборах.

Чтобы проверить свои умозаключения, Джеймс Мелларт раскопал еще один холм – Чатал-Хююк, расположенный в долине Кония, примерно в 320 км к востоку от Хаджилара. И здесь он сделал новое открытие: под холмом Чатал-Хююк ученый нашел развалины огромного «агророда», настоящей столицы древней Анатолии, время возникновения которой относится ко второй половине VII – первой половине VI тыс. до н.э. В эпоху своего расцвета этот «агрородок», занимающий площадь 13 га, являлся самым большим неолитическим поселением на Ближнем Востоке. На Конийской равнине в то время существовало более 20 небольших оседлых поселений, и Чатал-Хююк играл роль столицы для целой группы раннеземледельческих племен. Поселения такого типа стоят обычно у истоков формирования городов – процесса, связанного с длительной культурной и

социально-экономической эволюцией. Население Чатал-Хююка насчитывало до 10 тысяч человек. Его жители занимались преимущественно земледелием, здесь культивировалось 14 видов растений, причем предпочтение отдавалось пшенице, а также голозерному ячменю и гороху. Найденные при раскопках косточки фисташек и миндаля, возможно, свидетельствуют о получении из них растительных масел. Было обнаружено также много семян крапивного дерева – из него, по видимому, изготавливали вино, которое в поздние времена было распространено в Малой Азии и о котором упоминает древнеримский историк Плиний.

Жители Чатал-Хююка занимались также скотоводством и охотой. Они разводили овец и охотились на диких быков, ослов, кабанов, благородного оленя, волка и леопарда. Вероятно, к этому времени собака уже была одомашнена, о чем свидетельствуют сцены охоты, часто встречающихся среди стенных росписей в постройках этого древнего «протогорода». Рыболовство играло незначительную роль, но археологам встретилось много костей птиц, яичная скорлупа. Еще одним источником дохода обитателей Чатал-Хююка была торговля обсидианом. Эта горная порода, иначе называемая вулканическим стеклом, чрезвычайно ценилась в эпоху неолита. Чатал-Хююк располагался неподалеку от крупного месторождения обсидиана, образовавшегося вследствие извержений вулканов Кара Даг и Хасан Даг. Благодаря этому опасному соседству город имел в своем распоряжении неограниченные запасы обсидиана и, как полагают некоторые исследователи, даже обладал монополией на торговлю им. В обмен на обсидиан в Чатал-Хююк из Сирии доставляли кремень, из которого делались кинжалы и другие орудия.

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

С побережья Средиземного моря привозили раковины для бус, а также камень различных пород – алебастр, мрамор, черный и коричневый известняк. Из него изготовляли великолепные сосуды, бусы и подвески, ложила, зернотерки, ступки и песты, небольшие культовые статуэтки. Основные орудия жители Чатал-Хююка изготовляли из камня, преимущественно из обсидиана. В долине Кония обитатели Чатал-Хююка добывали диорит, из которого делали шлифованные топоры и топоры. На окружающих долину холмах добывались охра и другие минеральные краски, окаменелые раковины, лигнит, самородная медь, киноварь и свинец. Все эти материалы обрабатывались в небольших семейных мастерских. Здешние мастера умели делать изумительные, не имеющие равных в то время наконечники копий и стрел из обсидиана, кремневые кинжалы с прекрасной отжимной ретушью. Из полированного обсидиана изготовляли зеркала и аккуратно закрепляли их в рукоятке при помощи известковой массы. Синие и зеленые апатиты служили материалом для бус, причем мастера ухитрились просверливать в бусах такие тонкие отверстия, что в них едва проходит современная швейная игла. Такие же отверстия просверливались и в обсидиановых подвесках. Несколько позднее появляются медные и свинцовые бусы, подвески и другие украшения, изготовленные из самородного металла.

Прекрасные ткани (возможно, даже шерстяные) были высокого качества. Деревянная и плетеная посуда самых разнообразных форм свидетельствует о техническом мастерстве и изысканном вкусе мастеров, подобных которым не было в то время на всем Ближнем Востоке. Керамика в Чатал-Хююке впервые появилась около 6500-6400 годов до н.э., но первые гончарные изделия были

примитивными и не шли в сравнение с деревянными, костяными и роговыми сосудами.

Одной из самых драгоценных находок Чатал-Хююка стали многочисленные святилища – их насчитывается более сорока. Украшенные стенными росписями и глиняными рельефами, они явили исследователям огромный, дотоле абсолютно неизведанный мир религиозных верований, мифологий и культуры первых земледельцев. В этих первобытных храмах археологи нашли множество статуэток из камня или обожженной глины, изображающих людей и животных. Эти фигурки вставлялись в специальные углубления в стенах и, вероятно, играли роль жертв, принесенных божеству. Главной фигурой в пантеоне была Богиня-Мать, олицетворяющая плодородие, она же Мать-Земля, она же покровительница зверей и охоты. Встречаются и свидетельства культа быка.

Примерно в 7200 г. до н.э. в Чатал-Хююке произошла социальная революция, уничтожившая все господствующие авторитарные и иерархические социальные структуры и породившая бесклассовое общество равенства, с равноправием женщин и мужчин. Социальные изменения почти одновременно распространились на всю Анатолию, Балканы и северодунайские земли и просуществовало в течение трех тысяч лет.

Предпосылки формирования данных обществ достаточно полно освещены в ряде специальных работ Массона, Мелларта и др. исследователей [11]. Влияние выдающихся очагов культуры Хаджилар и Чатал-Хююк прослеживается далеко за пределами Анатолии – вплоть до Месопотамии, поэтому нас интересует проникновение земледелия из Малой Азии на Балканский полуостров и

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

далее в Европу. На самой ранней стадии неолита люди Карпато-Дунайского и Днестровского регионов еще не умели изготавливать керамику. Здесь существовал докерамического неолит (конец VIII – начало VII тыс. до н.э.). В пещере Ла Адам в Добрудже на юго-востоке Румынии нижний мезолитический культурный слой перекрыт слоем с микролитическими орудиями и костями одомашненной собаки, но без керамики. Выше идет слой с керамикой, в котором уже имелись все остальные признаки неолита [15, 36].

Примерно в конце VII тыс. до н.э. часть населения культуры Хаджилар, после нашествия очередных завоевателей, несколькими волнами миграции переселяется из Малой Азии на Балканский полуостров и далее на северо-дунайские земли. Одновременно миграция осуществлялась вдоль побережья Эгейского и Адриатического морей и всего западного побережья средиземноморья [8, 108]. Отсюда на Балканы поступали исходные виды домашних животных и злаков. Новые импульсы с Малой Азии способствовали становлению на Балканах и в Подунавье культур, достигших высоких ступеней экономического, социального и духовного развития. Связи с Малой Азией и Восточным средиземноморьем в V-IV тыс. до н.э. стали интенсивнее.

Древнейшими представителями этого юго-восточного центра можно считать такие археологические культуры, как Сескло в Фессалии (конец VI – первая половина V тысячелетия) и Димини (конец V и начало IV тысячелетия). Во второй половине V тысячелетия до н.э. на Балканах и в Карпатском бассейне сложилась высокоразвитая культура Винча, во Фракии – культура Караново III-Веселиново, в Нижнем Подунавье – культура Дудешть и Хаманджия. Основное распространение

производящей экономики в Европе осуществлялось с юга Балкан на северо-запад, север и северо-восток. Уже на рубеже третьей и четвертой четвертей VI тысячелетия земледельческо-скотоводческая экономика охватывает Балканы, Нижнее Подунавье, проникает в Среднее Подунавье, Трансильванию. Это связано с возникновением ряда раннеолитических культур с расписной керамикой, таких, как Старчево (Сербия), Криш (Румыния), Кёрёш Венгрия), Караново I (Болгария) и др. В этом же тысячелетии в Греции, Болгарии, Румынии, Венгрии, Молдове и в Украине складывается целый блок древних культур, который получил название Балкано-Дунайского [11, 67]. Для этих культур характерны благоустроенные долговременные жилища, богато орнаментированная глиняная посуда и мелкие статуэтки, преимущественно женщин и различных животных. Сам этот набор предметов явно следует анатолийским традициям памятников типа культуры Хаджилара. Скорее всего, эти культурные традиции были привнесены в регион группами первопоселенцев, а специфика местного исполнения предметов свидетельствует о многочисленных временных и пространственных вариациях. Процветающие культуры Балкано-Дунайского блока образовали в VI-IV тыс. до н.э. наиболее развитую зону культурного прогресса древней Европы [12, 67].

В середине V тыс. от меридионального течения Дуная на запад (территории венгерского Задунавья, Моравии, юго-западной Словакии, Нижней Австрии) последовала новая волна «балканцев», достигшая нижнего Рейна. Это были уже носители новой культуры или группы культур, по типу орнаментированной керамики названных линейно-ленточными. Однако новые мигранты те же геометрические узоры не рисовали краской на горшках,

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

как это делали представители культуры Старчево-Криш, а прорезали. Носители культуры линейно-ленточной керамики не только продвигают производящее хозяйство в западную часть Карпатского бассейна, но и распространяют его из среднего Подунавья по большим водным артериям Центральной и Восточной Европы. Параллельно, в VI – V тыс. до н.э., экспансия средиземноморцев развивалась вдоль адриатического побережья, а затем – Тирренского моря, и в итоге дошла до востока Пиренейского полуострова [3, 37].

Перемещаясь на северо-восток, «балканцы» распространили свою культуру на территорию современных Болгарии, Румынии, Молдову, юго-восток и юго-запад Украины. Экспансия «балканцев» практически совпала по времени с важнейшими климатическими изменениями в Европе. На смену достаточно холодному постледниковому периоду (VII-VI тыс. до н.э.) пришел теплый атлантический (V – середина III тыс. до н.э.). На большей части Скандинавии и в Карпатах окончательно исчез ледниковый покров. Хвойные полутаежные и березовые леса в центральной части континента быстро вытеснялись и заменялись широколиственными. Изменилась и фауна. В эту знакомую природную среду вдоль долин больших рек – Дуная, Эльбы, Рейна – стали продвигаться балканские колонисты. По средиземноморскому побережью и через Карпато-Дунайский и Днестровский регионы неолитические культуры Анатолии распространили технологию возделывания сельскохозяйственных культур по всей Европе, положив начало земледелию, скотоводству и культу Богини-матери – основам европейской цивилизации [14, 57-61].

К северу от этой зоны располагался другой, достаточно обширный блок культур линейно-ленточной керамики. Эти северные соседи Балкано-Дунайского центра были распространены от севера Молдовы до юга Франции. В целом по уровню материальной обеспеченности повседневного бытия они заметно уступают культурам Балкано-Дунайского блока.

Уже в VI тыс. до н.э. в районах Балкано-Подунавья формируется ряд раннеземледельческих культур, ставших исходным пластом для дальнейшего развития этого центра. Они охватывают территорию Балкан, Нижнего Подунавья, проникают в Среднее Подунавье и Трансильванию. Это были ранненеолитические культуры с расписной керамикой – Старчево в Сербии, та же культура в Румынии получила название Криш, в восточной части Венгрии – Кёрёш. На территории Молдовы эта культура смыкается с распространенной на юго-западе Украины Буго-Днестровской культурой. Все эти культуры, сложившиеся в основном на местной мезолитической основе под влиянием неолитических цивилизаций Западной Анатолии и Средиземноморья, имеют явные черты сходства с малоазийскими памятниками культуры Хаджиларь [4, 37].

Большинство специалистов склонно считать, что отправной точкой миграции довольно многочисленного населения из Восточного Средиземноморья является, по всей вероятности, Малая Азия. В пользу этого объяснения говорит распространение в рамках данных культур оседлого земледелия. Антропологический облик местного населения, отличавшегося узколицестью в сочетании с умеренной долихо-кранией и мезокранией, относится к средиземноморскому типу. Несмотря на общие черты сходства, у каждой из этих культур есть свои

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

отличительные черты. Некоторые поселения существовали долго и образовали многослойные телли, позволяющие проследить развитие культуры в течение сотен, а иногда и тысячи лет. В неолитических слоях Каранова обнаружены жилища прямоугольной формы длиной в 6-8 м и шириной 4-7 м. Стены построены из кольев, оплетенных прутьями, и обмазаны глиной. Около одной из стен находилась глинобитная печь, а у другой – помещение для хранения зерна. Орудия труда (мотыги, топоры, молотки) сделаны из камня, серпы – из оленьего рога с вкладышами из кремня. В нижнем слое обнаружена керамика с белой росписью по красному фону, во втором слое – матовая или блестящая керамика черного цвета, украшенная резными полосками и инкрустированная белой пастой. Встречаются глиняные женские фигурки и фигурки животных, в верхних слоях – женские фигурки, сделанные также из кости и мрамора. В Болгарии имеется и несколько других памятников этой культуры.

Ранний неолит охватывает отрезок времени от середины VI до начала IV тыс. до н.э. К нему относятся археологические культуры: Старчево-Криш, расписной керамики в Закарпатье, Буго-Днестровская, линейно-ленточной керамики, Сурская или Сурско-Днепровская. Средний неолит – это первая половина III тыс. до н.э., когда возникают археологические культуры эпохи меди: Триполье, Кукутень, Гумельница, Полгар, Днепро-Донецкая, ямочно-гребенчатой керамики, Среднепестовская.

Старчево-Кришская культура возникла в VII тысячелетии до н.э. на территориях Сербии (Старчево), Болгарии, Македонии (в области рек Морава, Дунай, Тиса и притока последней Криша). В конце VI тысячелетия до н.э. она распространилась в Румынии (Криш) и Венгрии

(Кёрёш), а также в Закарпатской области Украины и в Словакии. Эта культура представляет собой часть большого культурного комплекса раннеолитической культуры Юго-Восточной Европы [14, 36]. На территории Республики Молдова данная культура смыкается с распространенной на юго-западе Украины Буго-Днестровской археологической культурой [7, 189].

Основу хозяйства носителей культуры Старчево-Криш (Кёрёш) составляли разведение крупного рогатого скота, коз, овец и свиней, земледелие, охота и рыболовство. Поселения представляли собой группы землянок и хижин, сделанных из плетневых каркасов, обмазанных глиной, перемежавшихся ямами самого различного назначения. Обычно поселения располагались на берегах рек и водоемов. Орудия труда – микролитические ножевидные пластины и скребки – делались из кремня и обсидиана. Из вулканических пород камня изготавливались плоские шлифованные топоры вытянутой трапециевидной или прямоугольной формы, гораздо реже встречаются топоры с одной плоской и другой выпуклой стороной, так называемые колодковидные, напоминающие сапожную колодку. О существовании прядения свидетельствуют, как уже отмечалось, находки больших глиняных пряслиц для веретена, имеющих форму розетки. На поселении Вербица (на юго-западе Румынии) найдено шило из меди. Кухонная керамика представлена грубыми горшками ручной лепки из глины с примесью половы и шамота. Столовые сосуды – миски, чашки – имеют полые низкие ножки (подставки). Посуду украшали налепами в виде шишечек, резьбой, рядами косых лунок, росписью красной и черной краской по черному фону меандровидным и зигзагообразным орнаментом. Характерны глиняные сосуды шаровидной

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

или полусферической формы на кольцевых поддонах или четырех соскообразных ножках. Своеобразные бутылки, плоские с одной стороны и выпуклые с другой, с несколькими ушками, предназначались, очевидно, для ношения за спиной. Обычным украшением поверхности сосуда были ее искусственная неровность, а также налеты в виде шишечек, резной или зачищенный пальцами орнамент. Для культуры Старчево-Криш типичны также монокромная полированная или лощеная керамика коричневого цвета. В более позднее время сосуды расписывали белой краской по красному фону и темной – по желтому меандровидным, зигзагообразным и другими орнаментами. Встречаются антропоморфные и зооморфные статуэтки из кости и глины, связанные с земледельческо-скотоводческими культурами матери-прародительницы.

Люди культуры Старчево-Криш вели оседлый образ жизни, еще не очень прочный, так как земледелие и скотоводство находились на низком уровне развития, а, судя по многочисленным находкам костей животных, охота все еще играла большую роль в хозяйстве. Носители данной культуры хоронили своих покойников в поселениях между жилищами в грунтовых могилах лежа на боку в скорченном положении. Такие погребенья найдены в Трансильвании в местности Бедехаза. Антропологический тип погребенной здесь 45-летней женщины – средиземноморский с примесью европеоидного-кроманьонского, известного здесь еще с верхнего палеолита [15, 38]. Судьбы племен культуры Криш на обширной территории ее распространения сложились по-разному. На позднем этапе ее существования, видимо, из-за этнокультурных изменений на широких территориях Карпато-Дунайского региона,

стали нарушаться связи между отдельными кришскими племенами и под влиянием новых этнических импульсов складываться новые культуры. Так, примерно с V тыс. до н.э. несколькими волнами через Балканы на значительной территории долины Дуная и Рейна распространяется неолитическая культура линейно-ленточной керамики, названная так по характерному орнаменту на сосудах, а в среднедунайских областях появляется население культуры Винча.

Культуры линейно-ленточной керамики распространились на огромном пространстве Европы от территории нынешних Бельгии, Голландии и Восточной Франции и до Западной Украины на востоке. В период расцвета культуры, на средних этапах ее развития, эти племена из Польши и Западной Украины проникли на территорию восточной части Карпат и Прута, вплоть до реки Яломица, а впоследствии перешли через Карпаты на Трансильванское плато, где известны два района, заселенные ими. Носители этой культуры, как и культуры Криш, жили в неукрепленных поселениях, располагавшихся в поймах рек или на их нижних террасах.

Тонкий культурный слой поселений говорит о недолговременности обитания. На территории Румынии, Украины и Молдовы известны два типа жилищ носителей данной культуры: первый – жилища типа шалашей со стенами из плетневого каркаса, обмазанного глиной, и второй – полуземлянки. На поселениях исследуемой культуры в Украине, Польше, Молдове и Румынии не обнаружены наземные жилища характерной столбовой конструкции, хорошо известные в других районах распространения этих памятников (например, в Чехии и Словакии более 100 таких поселений) [1,128]. Эта культура не только стимулирует производящее хозяйство,

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

но и распространяет его из Среднего Подунавья по большим водным артериям Дуная, Вислы, Эльбы, Рейна и Прута на огромную территорию – от Мааса (на западе Европы) до Днестра (на востоке), от междуречья Савы и Дравы (на юге) до Одера (на севере). Вычислили и скорость распространения племен культуры линейно-ленточной керамики в Европе – она равна 5,5 км в год. Предполагается, что в течение жизни шести-девяти поколений эти племена покрыли расстояние примерно в 1 тысячу км от Будапешта до Элслоо (юг Нидерландов), проходя за одно поколение от 111 до 167 км [6, 71]. Цифры говорят, что перед нами крайне медленное расселение земледельцев, а не экспансия. Это расселение, видимо, осуществлялось не на пустых территориях, а на землях, заселенных охотниками и собирателями, стоявшими на уровне развития мезолита. Следов столкновений с представителями других культур археологи не нашли. Охотники-собиратели жили преимущественно в районах песчаных почв, племена культуры линейно-ленточной керамики выбирали для поселений и полей вокруг них лёссовые и другие плодородные почвы. Кремневые орудия труда, как и в культуре Криш, представлены микролитическими ножевидными пластинками и скребками на пластинках. Имеются орудия, изготовленные из обсидиана, вулканических пород камня (характерные для этой культуры колодковидные, а также прямоугольные топоры) и кости. Obsidian в северо-восточную часть Карпатской зоны доставляли из Трансильвании, что свидетельствует о зарождавшихся уже в ту эпоху межплеменных связях. находки круглых и биконических пряслиц и грузил для вертикального ткацкого станка доказывают существование прядения и ткачества. Кухонная керамика вылеплена из грубого глиняного теста

с примесью половы, столовая – из хорошо подготовленного тонкого теста. Обжиг производился в яме на костре, он неравномерный и неполный. Поверхность сосудов серого и черного цвета. Кухонные горшки и сосуды для хранения припасов украшены рельефными налепами и ямками. Столовая керамика не только лучше обожжена, но вообще сделана гораздо тщательнее. Лощеная поверхность ее украшена спиральным и меандровидным орнаментом из лент, врезных параллельных линий с нанесенными на них углублениями. Этот орнамент напоминает изображение нот. Отсюда и происходит название «орнамент с нотными знаками». Полова в тесте сосудов, отпечатки зерен пшеницы в изломе черепков, примесь соломы в обломках глиняных стен шалашей – все это свидетельствует о развитии земледелия. В качестве серпов служили ножевидные каменные пластины со следами полировки на одном краю. В жилищах стоянок близ Глэвэнештий Векъ найдены каменные зернотерки. Люди данной культуры занимались и скотоводством, о чем свидетельствуют найденные кости свиней, овец или коз, а также крупного рогатого скота. Однако значительную роль в хозяйстве продолжала играть охота. Костей диких животных – зубра, оленя, дикого кабана, косули – найдено не меньше, чем костей домашних животных. Считается, что племена культуры линейно-ленточной керамики практиковали подсечно-огневое земледелие, для которого характерна маломасштабность: поля редко превышали 1 га и очень редко достигали 4 га. Их обрабатывают лишь короткое время, затем забрасывали. Вследствие этого возникала необходимость в значительных количествах земель, находящихся под паром, а это, в свою очередь, требует обилия свободных

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

земель. Именно поэтому племена постоянно передвигались [6,73].

В поздний период существования культуры Старчево-Криш на территорию Румынии с юга, из-за Дуная, проникли племена археологической культуры, получившая название Дудешть, очень близкой к несколько более поздней культуре Турдаш-Винча. Эта культура, по-видимому, продвинулась на север Балканского полуострова из западной части Малой Азии. Культура Дудешть распространилась в юго-восточной Трансильвании и на юг Молдовы. Для этой культуры, как и для других ранненеолитических культур, характерно большое количество кремневых микролитических орудий, маленькие плоские трапециевидные каменные топоры, а также гораздо реже встречаются колодковидные топоры, орудия из кости, глиняные пряслица, зоо- и антропоморфные фигурки. Часть керамики изготовлена из грубого глиняного теста с половой, но снаружи покрыта ровным слоем чистой глины, поверхность тщательно заглажена и залощена. Другая часть керамики сделана из более тонкого теста с примесью песка. После обжига сосуды приобретали черный или пепельно-черный цвет. Сосуды разнообразных форм (много чаш на высокой ножке, большие грушевидные сосуды и др.), декорированные канелюрами и врезным орнаментом, находят близкие аналоги в керамике неолитических поселений V века до н.э. в Анатолии (Кан-Хасан, Чатал-Гуюк) и Болгарии (Караново, Яса-Тепе) [15, 40]. Как из культуры Криш, так и, по-видимому, из культуры линейно-ленточной керамики выросли в Карпато-Дунайском регионе более поздние неолитические культуры.

Культура Винча (Сербия) (V-III тыс. до н.э.) распространена в северных частях Греции, Албании и

Венгрии, а также на территории Македонии, Болгарии, Сербии и Румынии. Культура Криш послужила основой для развития культур Турдаш-Винча (Олтения, юго-западная Мунтения) и Чумешть (северо-западная часть Румынии). На северо-западе и в центре Румынии – в Трансильвании – распространилась культура Тиса, впитавшая в себя как традиции линейно-ленточной керамики, так и пережиточные элементы культуры Криш, линейно-ленточной керамики и Хаманджия. Исследователь В.А. Сафронов считает культуру Турдаш-Винча *«древнейшей цивилизацией Старого Света, более древней, чем культуры Месопотамии, Нила и Инда»* [16].

Винча была первым протогородом в Европе, ее поселения достигли высокого уровня развития, имела сложную архитектуру, прикладное и сакральное искусство, до сих пор не расшифрованную письменность, развитую религию, классовую иерархию и обширную систему внешних связей. Как отмечал Сафронов, *«В истории Европы культура Винча имела значение, сравнимое лишь с ролью Греции с ее воздействием на “варварский мир”»* [16]. В ходе раскопок археологам удалось обнаружить искусно выполненные древние статуэтки, изображающие женщин. Анализ этих и других артефактов позволил ученым предположить, что они обнаружили город неолит-энеолитической культуры Винча, считающейся древнейшей праиндоевропейской культурой в Европе. Что касается артефактов, найденных при раскопках, то искусность их выделки говорит о том, что город мог считаться интеллектуальным центром культуры, поскольку его обитатели, похоже, знали толк в моде и обладали чувством прекрасного. Однако мастерство представителей племени этим не заканчивалось. Есть основания утверждать, что ремесленники, обитавшие на этой

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

территории Сербии, на 500 лет раньше остальных известных культур стали изготавливать медные орудия труда и оружие. Как отметили археологи, это означает, что медный век, или энеолит, в Европе начался раньше, чем считалось до сих пор. Одним из важнейших открытий стало обнаружение металлургической мастерской, в которой когда-то находилась печь и инструменты, такие, как медное долото, молот и топор. Это свидетельствует, что культура Винча ничуть не отставала от культурных центров Передней и Малой Азии, давших начало цивилизациям. ... Уже в 5400-4700 годах до н.э. данная культура переживала свой расцвет и, соответственно, знала орудия из меди. Наряду с земледелием и скотоводством важными занятиями населения культуры Винчи были охота и рыболовство. Рыбу на Дунае ловили сетями, на крючок и с помощью гарпунов из оленьего рога. В качестве плотничьего инструмента служило каменное тесло с одной выпуклой стороной, встречаются мотыги и тесла из оленьего рога, орудия из обсидиана и мелкие предметы из меди. Оружие (наконечники стрел и булавы) встречается редко. Жилищем служили землянки, а позже длинные столбовые дома с плетеными и обмазанными глиной стенами. Дома обогревались сводчатыми печами. Погребения открыты как в поселениях, так и на настоящих кладбищах. Покойники лежат в скорченном виде. Керамика удивительно разнообразна. В нижних слоях находят посуду с искусственно неровной поверхностью. Черная и красная лощеная керамика (кубки на высоких поддонах и острорезренные чаши, украшенные ребристым и углубленным орнаментом, ручки в виде голов животных) встречается почти во всех слоях телля. Широко распространена посуда, покрытая красным ангобом, расписанная по красному фону. Украшение керамики с

течением времени усложняется. Наиболее характерный элемент орнамента – лента, заполненная точками и образующая обычно спиральные и меандровые узоры. В нижних слоях культуры Винча найдены фигурки нагих женщин, в более высоких слоях – одетых, некоторые женщины сидят, иногда кормят грудью ребенка. Еще выше появляются мужские фигурки, а также сосуды в виде людей и животных. Культура Винча в целом неолитическая, но верхние слои телля Винча доходят до бронзового и раннего железного веков. Ученые считают, что долины рек Вардара и Моравы были в эпоху неолита путем, по которому проникали в бассейн Среднего Дуная южные культуры Средиземноморья, а на юг – влияния культур Подунавья. Ученые признают, что на обширных территориях к северу от Среднего и Верхнего Дуная в неолите возникла целая группа родственных археологических культур. Культура Криш послужила основой для развития культур Турдаш-Винча (Олтения, юго-западная Мунтения) и Чумешть (северо-западная часть Румынии). На северо-западе и в центре Румынии – в Трансильвании – распространилась культура Тиса, впитавшая в себе как традиции линейно-ленточной керамики, так и пережиточные элементы культуры Криш.

Между всеми этими культурами очень много общего. Люди, создавшие их, занимались примитивным земледелием и скотоводством. Так же, как и в предшествующее время, на начальных этапах развития этих культур, их создатели из-за быстрого истощения обрабатываемых земель и пастбищ вынуждены были относительно часто менять места обитания. По мере развития культур поселения все чаще поднимались из пойм и нижних террас на возвышенные места. Жилища – землянки и шалаши – располагались в поселениях

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

компактнее, а позже начали уступать место более прочным наземным жилищам. Такие жилища особенно хорошо представлены в культуре Турдаш на поселениях Вербичоара и Раст в Олтении. По мере того, как эти культуры вступали в стадию развитого неолита, происходили серьезные сдвиги в развитии их техники. Микролитические орудия из кремня и обсидиана постепенно вытеснялись сравнительно крупными кремневыми орудиями с костяной или деревянной рукояткой. Костяные рукоятки были найдены на поселениях культуры Тиса у села Чангей и города Девы.

Серьезным техническим достижением в развитом неолите было распространение полировки и сверления каменных орудий. На поздних поселениях культуры Турдаш-Винча и Тиса часты находки топоров с просверленным для рукоятки отверстием. Усовершенствование каменных орудий позволило также улучшить качество изготавливаемых костяных, роговых и деревянных орудий и изделий, расширить их ассортимент. Люди развитого неолита постепенно начинают употреблять медные изделия. Правда, количество их крайне невелико, и это скорее всего привозные предметы. Так, на территории поселения Вербичоара культуры Турдаш-Винча найден медный рыболовный крючок. Среди прочих медных предметов в культуре Тиса встречаются характерные топоры-молотки. На местах многих поселений этих культур найдены глиняные грузила и пряслица для ткацких станков, указывающие на развитие прядения и ткачества. В керамике развиваются традиции керамического производства культур Криш и линейно-ленточной керамики, но и в технике, и в формах, и в орнаментации появляются новые черты. Наряду с прежними врезным и наlepным орнаментом под влиянием

культур юга Балканского полуострова начинает применяться орнамент из мелких каннелюр, так называемых плиссе. Раньше всего этот способ орнаментации появился на керамике культуры Дудешть. Серая и черная поверхность лощеных столовых сосудов покрывалась нарядным орнаментом.

Буго–Днестровская культура (6500-4700 годы до н.э.) получила распространение в Молдове и на юго-востоке Украины. Здесь жили потомки местного мезолитического населения, смешавшиеся с племенами, проникшими из Карпато-Балканского региона. Местонахождений буго-днестровской культуры имеется более десяти на среднем Днестре в пределах Молдовы и 60 в междуречье Днестра и Буга в Украине. Эти племена частично занимали и территорию современных Кировоградской и Одесской областей. Памятников этой культуры сохранилось немного, и преобладающее большинство их имеет сравнительно небольшие размеры. Буго-Днестровская культура в целом характеризуется рядом общих признаков, прежде всего особым составом остродонной и плоскодонной керамики, орнаментированной меандровым и геометрическим орнаментом. Выполнен он прочерченными линиями и разного рода штампами. Кремень микролитический, хорошо представлены костяные изделия – наконечники палок-копалок, рыболовные крючки, роговые мотыги-кайла и др. Буго-Днестровская культура существовала в течение длительного времени – с VI до начала IV тыс. до н.э. В своем развитии она прошла три периода: ранний, средний и поздний, каждый из которых может быть разделен на несколько фаз.

Раннеолитический период в развитии данной культуры был достаточно длительным. Для его начальных

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

памятников характерны связи с местным мезолитом, а также с «кукрекским» культурным комплексом, который продвинулся с востока. Этот период характеризуется, во-первых, архаическим типом глиняной посуды, шиподонными и остродонными горшками с прямыми и даже слегка загнутыми в верхней части стенками; во-вторых, сосудами в виде глубоких мисок и горшков S-видного профиля. Все они в основном украшались проглаженными криволинейными и вертикально-зигзагообразными рисунками. Эти черты ранней Буго-Днестровской керамики указывают на ее восточные генетические связи. Следует подчеркнуть, что в ареале нижнедунайских и балканских земледельческих культур комплексов с остродонной керамикой до сих пор не выявлено. В то же время первый период местного неолита характеризуется усилением контактов с дунайско-балканскими культурами неолитической эпохи, в частности, с придунайской культурой Кереш. На втором этапе заметны контакты с Днепро-Донецкой культурой. Замена культурно-исторического комплекса Буго-Днестровской культуры произошла в связи с проникновением на ее территорию северных элементов. Это проникновение было не локальным явлением, а частью более широкого процесса, который охватил значительные территории Восточной Европы. Заключительный период Буго-Днестровской культуры характеризуется возобновлением традиционных форм развития, которые не были простым возрождения старого. Он связан с установлением контактов с балкано-дунайскими культурами Бутмир, Турдаш-Винча Караново 3, Дудешти, Хаманджия. Именно этим можно объяснить появление четырех-пяти форм керамики и, особенно, возобновление специфического сложного криволинейного

орнамента. На этом же этапе выделяются черты земледельческого элемента Буго-Днестровской культуры, когда в ее керамическом комплексе приобрели распространение разнообразные широко открытые миски, а также вазы на ножках [1, 126]. Далее наступил период господства остродонной посуды (также, очевидно, восточного происхождения) и, наконец, период дальнейшего автохтонного развития, усложненный внешними влияниями, о которых свидетельствует появление и распространение серолощеной посуды средиземноморско-балканского типа.

Далее на территории Молдавии и Западной Украины, то есть в Закарпатье, на Западной Волыни, в Верхнем и Среднем Поднестровье распространяется Дунайская культура линейно-ленточной керамики, которая сложилась в Центральной Европе в Подунавье (5500-4500). По мнению большинства археологов, она формировалась на базе местного мезолитического населения, воспринявшего многие черты более развитых раннеземледельческих обществ среднего Подунавья. На поселениях культуры линейно-ленточной керамики найдено много вкладышей к серпам, а также зернотерки. Это доказывает, что экономика дунайских племен уже почти полностью базировалась на земледелии и скотоводстве. Данная культура была одной из «классических» земледельческо-скотоводческих неолитических культур Европы. По антропологическим признакам дунайские племена, как упоминалось, принадлежали к средиземноморскому антропологическому типу [9, 64]. Дунайское население с высокоразвитым земледельческо-скотоводческим хозяйством долгое время соседствовало с племенами Буго-Днестровской культуры. Носители обеих культур вступали в межплеменные контакты, о чем свидетельствует находки

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

керамических импортов: Буго-Днестровских на стоянках дунайских племен и наоборот, линейно-ленточной керамики на поселениях Буго-Днестровских племен.

Просуществовавшая около тысячелетия, культура этого населения включала несколько фаз развития и распространялась на значительную территорию от Рейна до Днестра и от южного побережья Балтийского моря до Верхнего и Среднего Дуная. Распространение носителей этой культуры на восток приходится на более поздний период ее развития, когда в ее ареал были включены значительные территории Верхнего и Среднего Поднестровья, Попрутья и Сирета. Проникнув на территорию Молдовы, носители этой культуры сосуществовали определенное время с населением Буго-Днестровской культуры, но вскоре последние были ассимилированы более развитым пришлыми племенами.

В Карпато-Дунайском регионе в неолите развивается культура Хаманджия (4000 г. до н.э.), которая в процессе развития прошла несколько фаз. Глиняная посуда очень изящна. Характерны стаканообразные и банкообразные сосуды, миски на полый круглой ножке, чашки. Орнамент, покрывающий почти весь корпус сосудов, обычно углубленный, из многорядных точек или линий, инкрустированных белой пастой. Эта посуда связывает людей культуры Хаманджия с создателями культур Средиземного моря. Контакты с культурами Средиземноморья проявились и в прикладном искусстве: в распространении массивных мраморных и медных браслетов и бус, браслетов и бус на средиземноморских раковин, в характерной глиняной антропоморфной пластике.

Удивительны по лаконичности и выразительности средств, по безупречному художественному чутью

мастеров скульптуры Хаманджи, изображающие людей: резкие, как бы граненые линии, подчеркивающие мускулатуру тела, сосредоточенные лица, головы, посаженные на высокие стройные шеи. Каждая линия сделана так, чтобы подчеркнуть самое главное. Две неолитические скульптуры, являющиеся шедеврами мирового искусства, – знаменитые статуэтки мужчины и женщины, сделанные из глины, с коричневой лощеной поверхностью, известные под названием «Мыслитель» и «Мыслящая». На маленькой скамеечке, уперев локти в колена и подперев лицо ладонями, сидит широкогрудый, сильный мужчина, устремивший задумчивый взор вдаль. Сколько сосредоточенности во всей его позе, во внимательном взгляде широко раскрытых глаз, как проста, естественна и в то же время выразительна его поза! Невольно понимаешь, что мысль этого человека, который работал еще каменным топором, способна уже дерзко проникать и в тайны человеческого бытия, жизни и смерти, и в законы мироздания. Под стать ему и вторая скульптура – «Мыслящая», которую художник, по-видимому, хотел представить как символ плодородия, символ материнства [15, 45]. Большой интерес представляют стилизованные орнаментированные статуэтки, как глиняные, так и мраморные. По стилю скульптуры культуры Хаманджия входят в круг эгеосредиземноморской пластики.

У людей культуры Хаманджия, впервые в неолитических культурах Карпато-Дунайского и Днестровского регионов, появляются не одиночные погребения, а могильники, что свидетельствует о такой стадии организации общества, когда процесс погребения становится уже общинным делом, когда община создает погребальные культы и руководит ими. В это время

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

формировалось мировоззрение людей энеолита, считавших, что существование человека в какой-то иной форме продолжается и после его физической смерти.

Раннее появление могильников, керамика средиземноморского типа, влияние средиземноморской пластики, мраморные браслеты, браслеты из средиземноморских раковин связывают культуру Хаманджия со Средиземноморьем – одним из древнейших центров цивилизации. Люди данной культуры контактировали со многими другими культурами, например, Северного Причерноморья. Интересно, что и антропологический облик их был неоднородным. Население представлено протоевропейцами, ранними атлантосредиземноморцами, вариантами арменоидов, альпийскими типами.

Представители культур дунайского неолита, или, как их еще называют, «балканцы», несли с собой в Европу более высокий уровень культуры и экономики. Письменность была лишь одним из их достижений. Уже в начале V тыс. до н.э., раньше, чем в Египте и Шумере, в центральных Балканах было освоено производство бронзы. Изготовление совершенной по тем временам расписной керамики началось здесь еще раньше, также знаменовало переход к неолиту. И, конечно, главное: «балканцы» практически одновременно с передовыми районами Переднего и Среднего Востока перешли от присваивающей экономики к скотоводству, а затем и к земледелию. Их поселки с большими, до 40 метров длиной, деревянными домами, помещениями для скота и концентрическими изгородями постепенно распространились по всему пространству до верховий Дуная и его главных притоков. Двигаясь с юго-востока со скоростью примерно километр в год, к началу IV тыс. до

н.э. дунайцы – представители культур линейно-ленточной керамики – вышли на северо-западе в район Ла-Манша и Рейна. «Дунайские» средиземноморцы вытеснили или ассимилировали немногочисленных представителей древней европейских рас, заняв территорию нынешних Бельгии, южной и средней Германии, Венгрии, Чехии, Словакии и вплоть до центральной Польши (культуры Винча и Лендьел). На юго-востоке Европы средиземноморская экспансия (в частности, трипольская культура) доходила до центральной и юго-западной Украины. На протяжении почти трех тысячелетий зона раннеземледельческих обществ Балкано-Дунайского типа оставалась наиболее ярким центром на территории европейского материка. Стабильное земледельческо-скотоводческое хозяйство было подкреплено использованием тягловой силы крупного рогатого скота и плуга при проведении борозд. Правда, сама обработка полей по-прежнему велась каменными и костяными мотыгами.

Литература

1. Археология Украинской ССР. В 3-х т. Т. 1. Первобытная археология // Ответственный редактор Д.Я.Телегин. Киев: Наукова думка, 1985.
2. Бернхард Брозиус. Открытие высокоразвитой культуры в Анатолии / А.Г.Маленков. Формирование исторического мышления. Книга первая. М.: MAGERIC, 2013.
3. Виноградов А.Е. Откуда пришел князь Рюрик? М.: Алгоритм, 2013.
4. Добровольская М.В., Можайский А.Ю. Археология: Учеб. пособие. М.: Прометей, 2012.
5. Зайдлер Л. Атлантида. М., 1966.
6. История Европы с древнейших времен. Т.1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988.
7. Istoria Moldovei: Epoca preistorică și antică (pînă în sec V) / Academia de Științe a Moldovei / Red. șt. Valentin Dergaciov. Chișinău; 2010.
8. Istoria Românilor. Ed. 2-a, rev.-București: editura Enciclopedică, Vol.1, 2010.

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

---

9. История Украинской ССР. В 9 т. Т.1. Первобытнообщинный строй и зарождение классового общества. Киевская Русь (до второй половины XIII в.) / Отв. ред. И.И.Артеменко. Киев: Наукова думка, 1981.

10. Лаевская Э.Л. Мир мегалитов и Мир керамики. Две художественные традиции в искусстве до античной Европы. М., 1997.

11. Массон В.М. Первые цивилизации. М.: Наука, 1989; Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982; Аверинцев С.С., Алексеев В.П., Ардзинба В.Г. Древние цивилизации. М.: Мысль, 1989.

12. Массон В.М. Первые цивилизации и всемирная история: Учеб. Пособие / В.М.Массон. Изд. 2-е доп. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005.

13. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982.

14. Низовский А.Ю. 100 Великих археологических открытий. М.: ВЕЧЕ, 2002.

15. Федоров Г.Б. Полевой Л.Л. Археология Румынии. М.: Наука, 1973.

16. <http://www.istorya.ru/book/safronov/index.php>

РУССКИЙ ТЕАТР В ЗЕРКАЛЕ БЕССАРАБСКОЙ ПРЕССЫ МЕЖВОЕННЫХ ЛЕТ

Гарусова Ольга Андреевна,
научный сотрудник
(Кишинев, Республика Молдова)

Аннотация. Впервые в театроведческом аспекте ставится проблема театральной критики в межвоенные годы в Бессарабии. Отражение в периодической печати деятельности бессарабских и зарубежных русских трупп рассматривается в историческом срезе. Основное внимание уделено авторам, определявшим театральное самосознание времени (В. Лашков, Л. Добронравов, В. Недзельский и др.).

Ключевые слова: русский театр, газетная театральная критика, межвоенный период.

RUSIAN THEATRE REFLECTED IN THE BASARABIAN PRESS OF THE INTER-WAR PERIOD

Abstract. For the first time from the point of view of the theatre science here is researched a problem of cooperation between theatre and critics during those

two World Wars. Activity of the Basarabian and foreign theatre companies, reflected in the local press, is studied in the historical context. The main attention is paid to the authors who have determined the theatrical consciousness of that time (V. Lashkov, L. Dobronravov, V. Nedzelski etc.).

Key words: Russian theatre, theatre critics in the periodical press, the Inter-War Period.

TEATRUL RUS REFLECTAT ÎN PRESA BASARABEANĂ DIN PERIODA INTERBELICĂ

Adnotare. Pentru prima dată din punctul de vedere teatrolologic este evidențiată problema cooperării dintre teatrul și critica în perioada interbelică. Activitatea trupelor ruse din Basarabia și din străinătate, reflectate în presă, este cercetată într-un context istoric. Principală atenție se acordă autorilor care au determinat conștiința teatrală a timpului (V. Lashkov, L. Dobronravov, V. Nedzelski ș. a.).

Cuvinte-cheie: teatrul rus, critica teatrală din presă, perioada interbelică.

О театре той или иной эпохи мы судим по современной ему критике. Каким предстает русский театр на страницах газет в период нахождения Бессарабии в составе Королевской Румынии? Как складывались отношения рецензентов и театральных трупп? Чего ждали зрители от русской сцены? Все эти вопросы требуют серьезного исследования. В данной статье мы попробуем лишь приоткрыть дверь в малознакомый мир бессарабской театральной журналистики, обозначив наиболее важные моменты в ее существовании.

Особенности нового и значимого этапа жизни русского театра Бессарабии и сопутствующей ему критики были обусловлены как изменившейся политической, экономической, социальной реальностью, так и внутренней логикой развития театральной культуры в крае. Особенно ощутимо сказалась на развитии русской сцены эмиграция из послереволюционной России. Среди вернувшихся на родину местных уроженцев и осевших на короткое или длительное время эмигрантов было большое

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

число людей с высшим образованием и свободных профессий – журналистов, актеров, музыкантов, литераторов... Представители беженской интеллигенции существенно влияли, а во многом и выражали содержание кишиневской творческой среды.

Специально театральных изданий в 1920-1930 гг., как и ранее, не было. Затеянное в 1922 г. издание еженедельника «Жизнь и сцена» ограничилось тремя номерами. Текущий театральный процесс по-прежнему регулярно освещался газетами, которые в той или иной форме фиксировали все сценические факты. Имеются в виду одновременно выходившие в Кишиневе «Наше слово», «Бессарабия», «Бессарабская почта», «Бессарабское слово», «Голос Бессарабии» и другие, а также эмигрантская «Наша речь», издававшаяся в Бухаресте с декабря 1922 г. до июня 1938 г. О русском театре, хотя и нечасто, писала румынская пресса, в частности бухарестская «Ramra», но это – особый сюжет. Таким образом, ежедневная печать до известной степени выполняла функции журнала.

Театральная журналистика была неоднородной, пестрой, разномасштабной. О театре писали не только штатные рецензенты, но обычные зрители и просвещенные театралы, скрывая свои имена под псевдонимами «Зритель», «Любитель», «Гость», «Изгнанник». Наряду с профессиональными суждениями, глубокими наблюдениями нередко встречаются откровенно дилетантские или невнятные отзывы о спектаклях. На общем неровном фоне выделяется круг авторов, чья критическая деятельность определяла профессиональный уровень отделов театра в кишиневских газетах.

Демократические традиции дореволюционной критики продолжил в 1920-е гг. известный бессарабский

литератор Василий Лашков. Многолетний театральный обозреватель газеты «Бессарабская жизнь», кишиневский корреспондент известного петербургского журнала «Театр и искусство», «Лукич» (один из лашковских псевдонимов) рецензировал не только заметные спектакли, но весь репертуар работавших в Кишиневе сезонных трупп.

После закрытия в 1919 г. «Бессарабской жизни» Лашков печатается редко и с большими перерывами. Инициировал и редактировал недолговечный «цеховой» проект – «Жизнь и сцена». Итогом деятельности яркого театрального публициста воспринимается цикл статей, напечатанных в 1923 г. в газете «Бессарабия». Оценивая состояние современной ему кишиневской русской сцены, Лашков почти дословно цитирует свою же публикацию 1917 года:

«Театр отшатнул меня от себя. Тот, с позволения сказать, театр, который калечит живых авторов и оскверняет могилы давно почивших. Театр, в котором полтора актера и дюжина беспомощных статистов, чертова дюжина добровольцев, которые выползают на подмостки, бог весть, зачем... Театр, в котором опошляется искусство, коверкаются пьесы, уродуются вкусы, театр – лавочка, в котором сбывается за хорошую цену явно недоброкачественный товар».

Столь неутешительный диагноз продиктован разочарованностью критика, утратившего надежды на появление свободного от коммерческого диктата театра со «строгим идейным репертуаром», на существовании которого он всегда настаивал. Упадок сцены он теперь относит на счет современных общественных настроений: *«Мы вяло и забито смотрим, как роняется и топчется в грязи все, что было когда-то так дорого людям»* [7, 3].

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

Для Лашкова, чей зрительский опыт и взгляды на сценическое искусство складывались в эпоху демократических общественных веяний, под влиянием выдающихся провинциальных и столичных артистов (ими созданные образы «на всю жизнь запомнил»), театр начала 20-х гг. казался малозначительным, недостойным серьезного внимания. Предметом критической рефлексии становится канувшая в Лету театральная жизнь Кишинева. Но ностальгируя по прежним временам, критик обращает свой критический пафос к современности. Вспоминая «тогдашнюю аудиторию», которая бойкотировала *«антрепризы и товарищества, рисковавшие создать двум-трем актерам и актрисам антураж из десятков полезностей и посредственностей»*, он недвусмысленно адресует к всеядной, «анемичной», апатичной публике 20-х гг.

К возникавшим и распадавшимся, подобно карточным домикам, антрепризам Лашков предъявлял художественные, воспитательные и просветительные требования, которым те не могли объективно соответствовать. Применяя выработанные за четверть века критерии, он словно не замечал реально тяжелых материальных, организационных, правовых проблем русских трупп, составленных из «занесенных войной и революцией» в Бессарабию профессионалов-премьеров и местных любителей. Однако стойкая и принципиальная позиция критика напоминала о непреложном в искусстве «гамбургском счете».

«Театр всегда и везде играл громадную первенствующую роль в деле просвещения именно масс, в деле развития народного ума и духа <...> с его подмостков люди слышали о правах человека о равенстве и братстве и даже о свободе», – варьировал Лашков

любимую мысль в разгоревшейся на страницах «Бессарабии» довольно продолжительной дискуссии. Поводом к ней послужила публикация подвизавшегося в качестве рецензента «оперного певца и артиста “Летучей мыши”» Михаила Пинчевского, который театру Благородного собрания отвел роль «центра» театральной жизни Кишинева начала XX века [11,3]. Свидетель полувековой истории кишиневского театра, Лашков парировал с присущей ему полемической резкостью, утверждая, что лучшее в топографическом отношении здание, «рассчитанное на публику партера и лож» и «недоступное массе», всегда являлось «буржуазным» театром. Осуждение коммерческого подхода к искусству, превалирования развлекательных антреприз с засильем комедийно-фарсового репертуара он выразил в категоричной форме: *«Буржуазное всегда неподвижно: оно в своих отложившихся формах не поддается никакому духовному влиянию»* [8,3].

В дискуссию вступил известный писатель Леонид Добронравов, вернувшийся после многолетнего отсутствия в родной город из Петрограда. Оскорбленный пренебрежительной оценкой «буржуазии», создавшей, по его словам, «искусство, литературу и науку», Добронравов на лашковские инвективы отвечал лично пережитым «аргументом»: *«Те, кто побывал в огне революции, знают, что с понятиями “буржуазия” и “массы” надо обращаться очень и очень осторожно»* [5, 2]. Спор был переведен в политическую плоскость, однако продолженный обмен репликами отражал различные позиции людей разных поколений и социального опыта. Если для Лашкова на первом плане была общественная польза театра как важнейшего средства морального

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

воспитания и просвещения, то его оппонент проповедовал романтическую теорию «чистого искусства».

Одна из самых значимой фигур культурной жизни Кишинева начала 20-х гг., Добронравов был хорошо осведомлен о театрально-музыкальной жизни Петербурга и Москвы, интересовался современными течениями. Он популяризировал в прессе и пытался применить на кишиневской сцене новаторские подходы к оперным и драматическим спектаклям, привлекая к ним широкое внимание творческой интеллигенции и получив репутацию «искателя новых путей в искусстве». Авторитет Добронравова очевидно влиял на позицию газеты, выразившейся, в частности, в широкой информационной поддержке творческих проектов, в которых он участвовал в качестве режиссера, драматурга, артиста. (Так, буквально «по дням» журналисты отслеживали деятельность Студии оперы, драмы и балета, Общедоступного театра).

В качестве штатного сотрудника, а затем редактора «Бессарабии» Добронравов писал много. Его статьи вводили в разнообразный круг вопросов театра, музыки, живописи, отличались пластичным образным языком, тонкостью суждений, меткими характеристиками. Это скорее эссе, в которых всегда и сильно ощущается личность автора, его мировосприятие, его эстетические пристрастия. Описывая спектакль, Добронравов обычно говорил лишь о бесспорно талантливых исполнителях, «избранных», по его мнению. Его субъективные предпочтения наглядны, восхищение, увлеченность талантом выражались избыточными эпитетами. Так он писал об игре Марии Космачевской в постановке «Ревности» М. Арцыбашева:

«В пьесе много рискованных положений, чересчур обнаженно-реалистичных, много вульгарных слов. Г-жа

Космачевская, благодаря своему такту, своему изящному дарованию и изысканному восприятию тонко чувствующей артистки, сумела сделать их и мягче и благороднее. <... > оттого трагедия любви и ревности – вечная тема мужчины и женщины – обрела более утонченный и углубленный смысл. Художественная заслуга и художественное достижение 2-жи Космачевской не только в том, что она создала пленительный образ героини, но и в ее вдумчивом, индивидуально-изысканном отношении к авторским намерениям» [6, 4].

Второй штатный рецензент «Бессарабии», бывший петербургский журналист Анатолий Вершховский освещал сценическую повседневность. Он обычно описывал в расхожем фельетонном духе колоритную кишиневскую публику, но давал и обзоры сезона, размышлял о состоянии актерской среды и ее проблемах. Незадолго до Добронравова Вершховский уехал в Париж, где издавал газету «Театр и жизнь».

К середине 20-х гг. беженская волна схлынула, и наступила пора театрального затишья. В прессе почти не появляются отрицательные отзывы на спектакли русских трупп. Общий характер рецензий этого времени более чем благожелательный, часто – откровенно рекламный. Порой журналисты непосредственно обращаются к читателям за поддержкой частных антреприз, существование которых находилось в прямой зависимости от зрительского успеха. Отсутствие постоянных помещений и высокая арендная плата, цензура, непростая процедура выдачи разрешений на показ спектаклей заведомо влияли на рецензентскую «оптику». Журналисты признавались, что, оценивая ту или иную постановку, учитывают, «что можно совершить в нашем богоспасаемом городе при нынешних условиях».

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

Писавших о театре можно разделить на репортеров и критиков. Ежедневная печать предполагала репортерский подход, при котором рецензии писались по трафарету: рассказывалось содержание пьесы, как правило, не отделявшейся от спектакля, давалась оценка в диапазоне – «проявлен максимум возможного», «пьеса была обставлена относительно хорошо», «прошла с огромным материальным и художественным успехом». Основное внимание уделялось главным исполнителям. Преимущественно актерский, театр предлагал рецензентам свои критерии оценки профессионального уровня постановки, прежде всего – наличие ансамбля или, по тогдашней терминологии, «сыгранность», «концертность» исполнения.

Репортеры часто выступали от имени публики, пользуясь распространенным тогда приемом наблюдения за зрительным залом, за его поведением и реакцией. Эти наблюдения, иногда скрывавшие профессиональную некомпетентность рецензента, позволяют судить о социальном составе публики тех лет, о ее вкусах и привычках, об особенностях восприятия, о действительном успехе спектакля или артиста. Зрительский успех заметно влиял на оценки газетчиков.

Среди репортеров бойким пером выделялся бывший одесский журналист Ной Бенони, сотрудник бухарестской «Нашей речи». В его хлестких, порой скандальных, фельетонах затрагивалась «злоба дня» русской сцены. В «Бессарабской почте» с театральными заметками выступал Владимир Мончинский. На протяжении всего периода активно писал о музыкальной и театральной жизни Андрей Гирля, печатавшийся под псевдонимом «Садко». Штатный сотрудник различных бессарабских газет, он оценивал спектакли благожелательно, но и беспристрастно, выделяя

действительно значимые события. Отслеживая турне бывших столичных актеров Елены Маршевой и Михаила Муратова, Садко замечал:

«Если эти гастролы – праздник для кишиневской публики, то еще, пожалуй, больший праздник они для кишиневского рецензента. Начиная с внешности спектаклей, все у наших гастролеров сделано в высшей степени тщательно. Сцена обставлена с вниманием и вкусом. Репетиция с монтировкой. Ансамбль спектаклей подобран и срепетирован очень тщательно».

Критик подробно рецензировал спектакли обширного репертуара, подчеркивая профессиональные достоинства постановок гастролеров, заставивших изменить мнение о непреодолимых трудностях в кишиневском театральном деле, показавших, что *«можно избежать всех тех обидных для театра дефектов, с которыми приучили мириться за последнее время»* [12,3].

Позднее ведущий театральный обозреватель газеты «Бессарабское слово» Владимир Недзельский в редкой для того времени проблемной статье так обрисовал положение русского актерства:

«Приходилось ютиться в невозможных залах и зальцах, играть на микроскопических сценах, бороться с тысячью препятствий. К тому же не было единения в самой артистической среде. Каждый видный актер хотел обязательно играть первую скрипку. В результате образовалась гибельная “гастрольная” система. Играли один-двое в спектакле, а остальные “подыгрывали”, как Бог на душу положит. В конце-концов, эти “труппы” после нескольких лет борьбы распались, и остался только один В.М. Вронский, вокруг которого сгруппировалась маленькая труппа» [5,2].

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

Со сменой в 1928 г. политического режима, отменившего цензуру, возникают и «прописываются» в Кишиневе различного жанра антрепризы, гастролируют актеры и театры из русского зарубежья. Активизация театральной жизни отразилась на критике. О русском театре пишут много, в контексте ранее запрещенных тем культурной самобытности Бессарабии и положения национальных меньшинств. Все спектакли получают оперативные отклики. Ставится вопрос о необходимости постоянного русского театра с классическим репертуаром. Попытки его создания широко освещаются в печати. Но и обилие комедийно-фарсовых пьес рецензентами оправдывалось не только вынужденной ориентацией частных антрепренеров на непритязательные вкусы массового зрителя. Говорится о «необходимости и ценности» смеха в кризисные времена. *«Публика хочет смеяться в театре – своего рода инстинктивный иммунитет против унылых будней»* [14,3].

Как особо значимые события в театральной жизни Бессарабии расценивались гастроли русских эмигрантов. В откликах на спектакли Пражской группы Московского Художественного театра, Рижского драматического театра, выдающейся трагической актрисы Елены Полевицкой зафиксированы новые грани взаимоотношений театра, критики и зрителя. Устойчивое мнение о «воистину ужасной» кишиневской публике – вечно опаздывавшей к началу спектакля, невоспитанной, чувствующей себя в театре по-домашнему вольготно – изменилось. На спектаклях русских гастролеров зрители казались «совсем особенными», не только внешне дисциплинированными. «Пражан» слушали так, «как никогда не слушают в Кишиневе», смотрели на сцену с «трогательным вниманием», «молитвенно-благоговейно». *«Присяжной*

рецензент никогда не почувствует того, что чувствует эта именно публика. Между публикой и сценой протянулись крепкие нити взаимной любви и взаимного понимания. Не мешайте, господа рецензенты...» – защищал зрителей прежний рьяный их обвинитель [9, 3].

В репортерских заметках не говорилось о сценическом образе спектакля, не анализировалось актерское исполнение. Выйти за границы привычного рецензионного подхода было трудно. Один из пристально наблюдавших за зрительным залом газетчиков честно признавался в том, что не берет на себя «смелость судить игру актеров Художественного театра».

Критики же восприняли приезд Пражской группы как счастливый случай редких художественных впечатлений и возможность профессиональной самореализации. Хорошо помнившие спектакли дореволюционного МХТ Садко, Боскович, Недзельский, «соблюдая старые традиции» и размышляя «о театре вообще», опубликовали серьезные интересные рецензии, в которых проникновенно и глубоко рассматривались эстетические особенности постановок. Благодаря этим статьям мы можем составить впечатление не только об эмоциональной атмосфере гастролей, но и о художественной стороне спектаклей.

В пражской версии пьесы «Бедность не порок» А.Н. Островского Садко увидел «новшества», публикой незамеченные и важные «для кишиневского театра»: *«постановка значительно модернизирована, <...> очень приближается к гротеску, в ней много нарочитой театральности»* [12, 3]. В статье Недзельского о «Битве жизни» Ч. Диккенса содержалась явная полемика с суждениями рецензента бухарестской «Нашей речи», которому постановка показалась «резкой противоположностью» классическим русским пьесам.

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

Кишиневского же критика пленило умение «проникнуться» бытом и атмосферой произведения английского автора. *«Художественники, – писал он, – с редкой точностью уловили и с удивительным мастерством передали ритм и тон диккенсовского рождественского рассказа, весь его мягкий юмор, всю благородную и наивную прелесть аромата уже отшумевшей жизни»* [1, 3]. Почти все спектакли вызывали у рецензентов личные ассоциации с прежней и далекой жизнью. Общим местом откликов прессы было акцентирование реалистичности исполнения («не играли, а жили на сцене»), «удивительной сыгранности» ансамбля, жизненной правды переживаний.

Спустя год Пражская группа вновь приехала на гастроли – в измененном составе. Недзельский, вновь рецензировавший гастрольные спектакли, так определил «успех редкий» «Вишневого сада» у кишиневцев: *«Пережитым за эти годы пьеса преобразилась, сделалась иносказанием, трагическим символом»*. Пражане сумели сохранить *«печальную и нежную музыку, которую <...> так изумительно уловил старый Художественный театр первого призыва»* [10, 3]. Но отметил, что не всем исполнителям удалось передать настроение и ритм чеховского спектакля. При всем пиетете к самой известной в эмиграции русской труппе, Недзельский стремился непредвзято и объективно оценивать постановки и актерскую игру. Так, судя по его детальному описанию, прославивший когда-то Первую студию МХТ «Сверчок на печи» Ч. Диккенса был тщательно воссоздан, сохранена «чудесная атмосфера» и настроение «рождественской сказки». А в новых постановках Пражской группы, интеллектуальной драме Л. Андреева «Мысль» и инсценировке романа Ф. Достоевского «Преступление и

наказание», критик заметил отход от ансамблевой игры, «общего тона» исполнения. Отметив, что исполнитель главных ролей Г. Хмара резко выделяется *«богатой техникой, глубоким проникновением в сущность создаваемого образа»*, он усматривал в этом особую, отличную от «художественников» первого призыва манеру игры. Эти наблюдения были уточнены и аргументированы Недзельским позднее. В отклике на последующие гастроли Хмары он размышлял о «трудном» вопросе взаимосвязи творческой индивидуальности актера и МХТ: *«Он сохранил и навсегда усвоил все художественные и идейные богатства Станиславского, но не пожертвовал ни единой йотой своего темперамента, своей силы и своей индивидуальности. И возможно ли, не разрушая великолепия московской постройки расширить и украсить ее?»* [2, 3].

К теме актерского творчества Недзельский будет обращаться еще не раз, рецензируя спектакли гастролеров и местных трупп. И это не случайно. Главным объектом театральных публикаций тех лет был актер. Исключительным вниманием и поддержкой прессы пользовался Василий Вронский, до эмиграции выступавший на сценах Петербурга и Одессы. Талантливому комедийному артисту, любимцу публики, деятельному антрепренеру посвящено наибольшее число газетных материалов. С именем Вронского современники связывали само существование русского театра в межвоенной Бессарабии.

С открытием в 1933 г. в Кишиневе общедоступного русского Театра драмы и комедии в газете «Бессарабское слово» появилась специальная рубрика, посвященная его деятельности. Уже сам факт объединения кишиневских актеров был воспринят как событие долгожданное и

Раздел I. Исторические контексты славянских культур в Молдове

незаурядное. Постановки рецензировались подробно и уважительно. Причины недолгой жизни этого, ориентированного на классический репертуар, бытово-реалистического плана, театра, Недзельский видел не только в последствиях «тяжелого экономического кризиса», ударившего по среднему слою, но и, прежде всего, в равнодушии к подлинно «художественным предприятиям» как «широких масс кишиневской публики», так и интеллигенции [4, 26-27]. Анализируя спектакли кишиневских русских трупп, он, подобно своим коллегам по критическому цеху, констатировал расхождение вкусов массового зрителя и просвещенной образованной публики, чьи взгляды выражал.

С усилением в середине 30-х гг. идеологического давления и связанных с ним ограничений на выступления русских трупп в прессе все реже и реже появляются публикации о театре; лишь иногда мелькают анонсы о случайных, единственных «гастрольных» спектаклях бессарабских артистов. Театральная журналистика исчезает раньше своего «героя».

В совокупности газетные материалы – от театральных объявлений, печатавшихся в каждой газете, до обзоров и проблемных статей – дают представление о свершениях и повседневной жизни, о способах общения с публикой, о положении театральных трупп в менявшихся социальных, политических, экономических условиях, позволяя выстроить цельную картину существования русского театра.

Первый подступ к теме предполагает вывод о том, что театрально-критические публикации не только служат основным источником изучения русского театра Бессарабии 1920-1930-х гг., но являются фактом

культурного самосознания. Стало быть – предметом специального исследования.

Литература

1. В. Н. Битва жизни. – Наша речь, 1928, 3 ноября.
2. В. Н. К гастролям Г. Хмары и Л. Потоцкой. – Бессарабское слово, 1930, 22 апреля.
3. В.Н. Пресса и театр. – Бессарабское слово, 1931, 10 октября
4. В.Н. Театр и искусство в Кишиневе. – Золотой петушок, 1934, № 1.
5. Добронравов Л. Буржуазия. – Бессарабия. 1923, 30 мая.
6. Добронравов Л. Елена Николаевна. – Бессарабия, 1920, 24 марта.
7. Лукич В. Около театра. – Бессарабия, 1923, 28 февраля.
8. Лукич В. Театральное. – Бессарабия, 1923, 23 мая.
9. Н.Б. Художественники. – Бессарабское слово, 1928, 24 декабря.
10. Недзельский В. «Вишневый сад». – Бессарабское слово, 1929, 25 октября.
11. Пинчевский Л. В Поисках живой струи. – Бессарабия, 1923, 16 мая.
12. Садко. Гастроли Е. Маршевой, М. Муратова и Г. Свободы. – Бессарабское слово, 1927, 9 июня.
13. Садко. «Бедность не порок». – Бессарабское слово, 1928, 2 декабря.
14. Театр. – Бессарабское слово, 1930, 17 февраля.

**ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ МОЛДОВЫ:
КОНСТАНТЫ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ**

**ОТЧЕСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ
РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ МОЛДОВЫ**

*Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии,
профессор университета
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье с культурологических и социолингвистических позиций комментируются изменения в Законе о документах национальной паспортной системы, предусматривающие дальнейшее оформление удостоверений личности граждан Республики Молдова только на государственном языке и без указания отчества.

Ключевые слова: отчество, русский язык в Республике Молдова.

**PATRONYMIC AS A CULTURAL CONCEPT
IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE RUSSIAN CITIZENS IN MOLDOVA**

Abstract. The article comments on the changes in the Law on the National Passport System from the cultural and socio-linguistic positions. The Law warrants further drawing-up of identity cards for Moldovan citizens only in the national language and without patronymic.

Key words: patronymic, the Russian language in the Republic of Moldova.

**PATRIA ÎN CALITATE DE CONCEPT CULTURAL
ÎN CONȘTIINȚA LINGVICĂ
A POPULAȚIEI RUSE DIN MOLDOVA**

Adnotare. În articol de pe poziții culturologice și sociolingvistice sînt comentate modificările în Lege și documentația sistemii de pașapoarte, care prevăd completarea buletinului de identitate a cetățenilor Republicii Moldova doar în limba de stat fără a indica patronimicul.

Cuvinte-cheie: patronimicul, limba rusă în Republica Moldova.

Социолингвистическая проблема, о которой идет речь, существовала в молдавском обществе давно, но стала очевидной и злободневной в начале 90-годов прошлого века, когда после обретения государственной независимости в Республике Молдова встал вопрос о выдаче гражданам страны документов, удостоверяющих личность.

Равнение на европейские нормы в разработке нового образца паспортов проявилось, в частности, в намерении компетентных органов исключить отчества из трехчленной антропонимической системы. Это вызвало негодование русскоязычного населения, вопрос остро обсуждался в прессе [8]. Объяснения политиков и служащих соответствующего департамента были предсказуемыми: паспорта будут заполняться на нескольких языках, а в английском и молдавском отчеств не существует.

Действительно, международная практика предполагает указание в документе только имени и фамилии. Однако национальные антропонимические особенности также принимаются во внимание, ибо, по определению Европейского суда по правам человека, *«имя является не только важным элементом самоидентификации, но также важным средством идентификации личности в обществе в целом»* [15].

В разных странах в связи с этим возникают свои трудности, связанные со спецификой структуры имени собственного. Если говорить об отчествах, то многие народы их не знают, хотя компонент-патроним может присутствовать в имени в другой форме. У арабов употребительны не только именованья, соотносительные с русскими отчествами, но и именованья по сыну или дочери. У исландцев фамилий вообще нет, но то, что мы воспринимаем у них как фамилии, – фактически

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

патронимы. В германских же языках, родственных исландскому, патронимы превратились в фамилии, а собственно отчеств эти народы не употребляют.

Приведенные примеры, разумеется, не исчерпывают всего многообразия антропонимических систем, существующих в мире.

Проблема «именования по отцу» стала актуальной для постсоветских государств. В Республике Молдова антропонимический конфликт был благополучно урегулирован с принятием в 1995 году закона «Об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы», который, предусматривая заполнение документов на молдавском, русском и английском языках, регламентирует и употребление патронимов. Статья 3 (часть 7) гласит, что «При заполнении удостоверений личности на русском языке по желанию лица, принадлежащего к национальному меньшинству, указывается его отчество в соответствии с нормами родного языка» [1].

Однако проблемы, связанные с правом этнических меньшинств на сохранение национальной самобытности, которое декларируется в Республике Молдова, остаются нерешенными. К сожалению, это объясняется отчасти субъективным отношением некоторых облеченных большой или малой властью личностей к рассматриваемым вопросам. Отсюда наше желание проанализировать эмоциональную составляющую дискуссии об отчествах, которая всколыхнула молдавское общество, по крайней мере заинтересованную часть его, два десятилетия назад.

Неравнодушие обеих сторон объяснимо, потому что в мировидении людей любой национальности имя

концептуально значимо, это *«нежнейшая, а потому наиболее адекватная плоть личности»* [14, 351]. В составе русского полного имени отчество – это выражение духовной связи с отцом и через него – со всем родом. О том, насколько эта связь важна для национального самосознания, П. Флоренский сказал так: *«Жизненная задача всякого – познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего – познать собственное свое место в роде и собственную свою задачу, не индивидуально свою, поставленную себе, а свою как члена рода, как органа великого целого, только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества»* [14, 351].

Отчества являются для русских социальным достоянием и символом человеческого достоинства. Напомним ключевые этапы в их многовековой, полной драматизма истории.

Притяжательные прилагательные, превратившиеся потом в отчества, встречаются уже в самых первых памятниках письменности Киевской Руси – в XI-XII веках. Сначала это образования с суффиксом -j- (сын володимерь), потом в такой функции используются суффиксы притяжательности -ов (-ев) или -ин: сын Иванов, сын Ильин. В княжеской среде предпочтительным стал суффикс -ичь (Ярославичь).

Московские великие князья (а впоследствии цари) «вичили» только себя и своих родственников, а также лиц, пользовавшихся особой милостью. Даже к иностранным именам (фамилиям) лиц в знак почета в московских документах прибавляли суффикс -ович, например, Радзивиллович, Довгердович. В то же время гетману

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Богдану Хмельницкому из московских приказов шли неоднократные замечания, что он, де, «непристойно величается», приписывая «ович» к своему имени в письмах.

С конца XVI века отчества с «вичем» расценивались как чрезвычайная государева награда. Реформы Петра I, упорядочивая весь государственный аппарат, закрепили также и сословные антропонимические нормы: всеобщую официальную обязательность церковного имени, трехчленность именовании для привилегированных лиц, в том числе отчества на -ович (-евич) для высших чинов и избранных. Кого писать с «вичем», определял сам государь.

Характерная сцена есть в романе Алексея Толстого «Петр I». Царь, разгневанный жульничеством иностранных купцов, встретившись с незаурядным отечественным «коммерциентратом» – купцом из простонародья, помором Жигулиным, оформляет для него разрешение на торговлю с заграницей:

« – Как тебя, – Жигулин Иван, а по батюшке?..

Жигулин раскрыл рот, поднялся, глаза вылезли, борода задралась.

– Так с отчеством будешь писать нас?.. Да за это – что хошь!

И как перед спасом, коему молился об удаче дел, повалился к царским ножкам...»

При Екатерине II круг людей, которые имели право писаться с «вичем», был формально расширен, но по существу оставался ограниченным: в него входили лица только первых пяти (из четырнадцати) классов в табели о рангах. В конце XVIII века такой тип отчества был распространен на все дворянство. Но только в XIX веке

отчества на -ович получили возможность иметь все граждане России.

Современный русский язык обладает гибкой, вариативной в функционально-стилевом отношении антропонимической системой, хорошо приспособленной к различным сферам жизнедеятельности человека. Ивана Ивановича Иванова в разных ситуациях называют Иваном, Ванечкой, Ванюшей, Ванькой, Иваном Ивановичем, Иванычем и просто Ивановым.

Однако выбор варианта имени – это вопрос стилистики. Традиция, предусматривающая трехчленное именование русских в официальных сферах, остается незыблемой.

Лишение отчества для русского человека весьма чувствительно. Вспомним, как в рассказе Л. Андреева босяк Гараська, приглашенный городовым Баргамотом разговеться по случаю Пасхи, реагирует на обращение хозяйки дома, которая, проявляя максимум пасхального радушия и вежливости, назвала его «по батюшке» – Герасим Андреич. В отрепьях, грязный, пьяный, скверный, он потрясен, стыдится самого себя и рыдает:

« – По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл».

Прочитав этот рассказ, Горький признался: *«Черт знает, что такое... Я довольно знаю писательские штучки, как вогнать в слезу читателя, а тут сам попался на удочку: нехотя слеза прошибает»* [Цит. по: 4].

«Прочерк» в соответствующей графе свидетельства о рождении или иного удостоверении личности воспринимается русскими как признак безотцовщины, социальной неполноценности. Поэтому попытка отлучения от отчества в РМ была воспринята людьми, для которых

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Этот компонент имени является исконным и духовно значимым, как дискриминационная.

Однако следует признать, что любое собственное имя в инокультурной среде видоизменяется. Основоположник идей выживаемости в экстремальных условиях Робинзон так рассказывал о своей немецкой родословной: *«отцовскую фамилию Крейцер англичане, по обычаю своему коверкать иностранные слова, переделали в Крузо».*

Обычай людей «коверкать», приспособливать «под себя» инокультурные имена отразился даже в фантастической литературе. В романе Фрэнсиса Корсака «Пришельцы ниоткуда» в состав межзвездной экспедиции входят представители разных «человечеств» – иссы, синзуны и др. В экипаже корабля были два р'бена с непроницаемыми для землян именами: Бейшитинсианторепансерозет и ее друг Сеферантозинансерозет. *«С общего согласия (выделено нами – И.И.) мы решительно усекли эти слишком длинные имена и в дальнейшем звали их просто Бейшит и Сефер»* [9, 231], – повествует герой-землянин. О том, как воспринимали р'бены имена коллег со всех концов вселенной, в романе ничего не говорится.

Русские также приспособливают к себе чужие имена, в частности, снабжая их отчествами или преобразуя фамилии с помощью специфических суффиксов. Будь в романе Ф. Корсака русские астронавты, они, пожалуй, «приделали» бы к инопланетным именам отчества.

Подобное произошло в Советском Союзе.

В детективе Д. Донцовой «Чудовище без красавицы» есть эпизод про «смешные» имена-отчества. Сотрудница художественного вуза, куда героиня одного из

детективных циклов Донцовой Виола Тараканова обратилась за информацией, сообщает, что у них есть мастерская профессора Зыкина Маврикия Маргиленовича. Сыщица подивилась такому забавному сочетанию, а сотрудница прокомментировала:

«Сразу и не выговорить, жуть! И ведь злится, если кто путается. А что такого, коли язык сломать можно. Вон на кафедре рисунка работает Хабибуллин Модрузин Нудриддинович, и что? Сделали из него Михаила Николаевича, он не обижается, ясно же, нормальному человеку такое ни за какие пряники не выговорить» [6, 91].

Приведенный эпизод никакого отношения к проводимому героиней расследованию не имеет. Писательница, определившая жанр своих книг как «иронический детектив», развлекает читателей разными средствами, в том числе – играя именами персонажей. Антропонимический дискомфорт, который испытывает Виола Тараканова усугубляется отчеством: ей постоянно приходится объяснять, что отца зовут не Леонид, а Ленинид...

Но в данном случае обратим внимание: русский, судя по контексту, Маврикий Маргиленович Зыкин сердится, если его имя произносят неправильно, а Модрузин Нудриддинович (судя по имени, выходец из среднеазиатской республики СССР) – привык отзываться на русскую интерпретацию имени. Ситуация, обычная в распавшемся многонациональном государстве, где жители союзных республик, живя в инокультурной для них среде, автоматически приобретали патроним в составе имени. Знаменитого советского ученого-физика Сагдеева, который родился в 1932 году, звали Роальд Зиннурович. Родители назвали его в честь пропавшего в Арктике

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

отважного исследователя Роальда Амундсена, чье имя тогда было у всех на устах. Отчество – по отцу-татарину.

Эмигранты же, чтобы стать своими в новом для них мире, могут сознательно и целенаправленно изменить имя. Для русских такая акклиматизация предполагает отказ от отчества.

В одном из романов Б. Акунина, где повествуется о приключениях сыщика Эраста Петровича Фандорина в Америке, есть персонаж Морис Стар. Русский по рождению, он вполне адаптировался на «диком западе» – стал миллионером, выглядит как «*“дядя Сэм” с плаката*», научился находить общий язык с местными гангстерами. Свое исконное имя Маврикий Христофорович Старовоздвиженский изменил потому, что *«в этой стране человека не могут звать Mavrikyi Christophorovich Starovozdvizhenskyi. Пока представишься, тебя уже обскакали, а то и пристрелили. Тут рассусоливать времени нет»* [2, 283].

Русские и молдаване обитают не на разных планетах и не на разных континентах. Они жили в одной стране, и унификация именования ее граждан для всех союзных республик была своего рода непредумышленным перегибом в области национальной политики. Процесс начался в XIX веке, а во второй половине XX коррекция структуры антропонимов осуществлялась в массовом порядке и самым естественным образом, без декретов или специальных постановлений. Вряд ли строителям нового города – героям повести Иосифа Гайсанюка «И здесь мы строим любовь свою...» пришлось бы в голову возражать против русификации имен: они выросли и получили образование, уже сопровождаемые пресловутым ФИО в документах.

В приведенном фрагменте главный инженер стройки Себастьян Рареш просматривает личные дела рабочих:

«Их было штук двести, личных дел. Неторопливо просматривая учетные карточки, Себастьян будто возвращался к самому себе, к своему “я” в юности. Он не знал еще имен рабочих, в лицо не всех помнил, но немало ему рассказали на первый взгляд бюрократические личные дела. Необоримое движение жизни, печать времени оцутима в них, ее не сотрешь. Фамилия... имя... отчество... родители... Себастьян Рареш по первым послевоенным стройкам мог знать их – Моканов, Пэдуларов, Чабанов, Плугарей, Дулгеров, деревенских переселенцев, подавших в город на заработки, а сегодня дети бывших крестьян пришли на новостройки, и в графе “образование” почти у каждого стоит “профессионально-техническое училище”, “школа механизации”, “техникум”. Отцы-матери их не умели расписываться, крестик ставили против своей фамилии в ведомости, получая зарплату, а молодые Моканы, Пэдулары, Чабаны, Плугари, Дулгеры – со средним и специальным образованием все, ядро стройки, рабочий класс нового типа, рабочая молодежь наших дней» [5, 154].

О происхождении молодых специалистов говорят их фамилии: это дети и внуки чабанов, лесников, пастухов, пахарей, плотников.

Отчество стало для молдаван социально значимым компонентом имени. В повести Влада Йовицэ «По ту сторону дождя» много персонажей – сельских жителей. Их зовут «баба Липа», «бадя Одоким», «Каллиопа, жена Одокима», «Филя-тракторист», «Василе Гацапук», «тетенька Параскива». И только героиню школьницы и

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

сельчане величают по имени-отчеству. Она уроженка другого села, здесь работает учительницей.

«Ее зовут Вика (не Виктория! – И.И.) Ивановна, и <...> девушка она серьезная. <...>Ведь что такое училка? – говорит один из сельских жителей. – Училка – это как бы поп нашего времени. И более того. Поп – это опиум для народа, а училка нашей эпохи просвещает головы наших детей и заодно наши» [7, 40-41].

Проблему именованя учительницы приходится решать даже ее супругу.

«Прошло три года, и вот она снова рядом со мной. Как ее теперь величать: Вика или Вика Ивановна? Наверно, Вика – все же она мне жена. С другой стороны, с отчеством как-то удобнее – записавшись в загсе, мы не прожили вместе и трех недель», – рассуждает сельский парень [7, 45].

Сегодня, перечитывая произведения молдавских прозаиков советского периода, замечаешь некоторую искусственность, нарочитость соединений имен с отчествами. Например, героями романа Алексея Марината «Следы на пороге» являются представители молдавской творческой интеллигенции – музыканты, педагоги, и зовут их Октавиан Григорьевич, Аурелиу Тиберьевич, Аглая Томовна, Сандина Октовиановна, Тудос Карпович... [11]. Писатель ни словом не обмолвился о своем отношении к проблеме, и только диковинность сочетаний позволяет предположить, что отношение это не было позитивным.

В повести Аурелиу Бусуйока «Один перед лицом любви» это отношение не просто выражено, но и подчеркнуто во множестве эпизодов, из которых здесь приводятся лишь некоторые.

Действие повести происходит, видимо, в начале 80-х годов XX в. В сельскую школу приезжает молодая учительница, ее зовут Виорика Врабие. Знакома девушку с коллективом и называя ее «товарищ Врабие», директор школы поучает: *«У нас здесь так: переступил порог школы, забывай о Виориках и Мариках. Виорика Ивановна, Мария Васильевна – так и только так... Ученики должны видеть перед собой достойные подражания образцы. И эти образцы – мы с вами. Мы, а не какие-то Марики...»* [3,11-12].

Учителя называют коллег по отчеству, совсем на русский манер. Герой, от имени которого ведется повествование, с очевидным сарказмом комментирует учительскую вечеринку.

«С торжественным выражением лица встал со своего места Пинтя. <...> сначала он дождал и с легким усилием проглотил объемистый кусок пищи, а потом поднял стакан:

– Позвольте обратиться к вам, Мирчевна! (Все эти два года я только и слышал в учительской: “Иванович” – то есть Спыну, “Ивановна” – возжатая, “Николаевич” – я, правда, никогда не отзывался, “Александровна”, “Васильевич”, “Менделевич”...) И заверить, что наш коллектив – дружный и сплоченный, и этот коллектив воспитал и меня, и Ивановну... <...> Вот тут с нами сидит и товарищ Спыну, Иванович, который сначала был моим учителем, а теперь мы с ним равноправные коллеги...» [3, 27].

У новой учительницы французского, видимо, есть своя жизненная позиция, которую она и выражает, представляя себя коллективу:

« – А я Виорика Мирчевна. Странно звучит, правда?» (выделено нами – И.И.) [3, 11-12].

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Далее, записывая в своем дневнике, что преподавательница ручного труда назвалась Отилией Октавиановной, девушка комментирует: «*Можно было лопнуть со смеху*» [3, 18].

Однако «странность звучания» не может быть причиной неприятия отчества, так очевидно проявившегося в молдавском обществе в начале 90-х. Приведенные выше цитаты из произведений молдавских писателей отражают отношение титульной интеллигенции к самому понятию «отчество» и объясняют эмоциональность законодателей в 90-х. Однако отказ от чужеродного патронима и равнение на европейские нормы не оправдывают пренебрежения ментальностью сограждан, представляющих значительную часть населения страны.

Что касается вызывающих улыбку сочетаний имени и отчества, то они не редкость и у русскокультурных «носителей концепта». Так, очевидно, что инокультурное отчество в составе трехчленного имени воспринимается как чужеродное вкрапление.

Забавный пример вспоминает знаменитый радиоконструктор, самолетостроитель Ф.П. Липсман. Нет надобности пояснять, каким национально-культурным ореолом обладает имя Богдан Хмельницкий. Именно так звали одного из трех с половиной тысяч подчиненных Липсмана. Узнать отчество этого «молодого, красивого, толкового конструктора» начальнику довелось, когда возникла необходимость направить его для консультации в конструкторское бюро А. Н. Туполева. Договаривались об этом по телефону. Далее цитируем.

«Я диктую, а приятель записывает данные для пропуска:

- Фамилия – Хмельницкий.
- Ясно, красиво, – говорит друг.
- Имя – Богдан, – продолжаю диктовать.
- Ого! – комментирует друг. – Давай отчество.

А отчества я не знаю. Богдан и Богдан. Он сидит против меня. Спрашиваю:

– Твое отчество?

И слышу в ответ:

– Израилевич.

Ойкнул от неожиданности, повторил по телефону. На том конце удар: упала телефонная трубка. Слышу, как мой друг пытается что-то сказать, давась от смеха. <...> Конструкторское бюро в тот день не работало: сотрудники приходили под разными предлогами в кабинет моего друга посмотреть на Богдана Израилевича Хмельницкого» [10].

Комический эффект производят отчества от экзотических, а также архаических имен. Например, в одном из романов Т. Устиновой диковинное отчество у домоправительницы – Фемистоклюсовна. Ее хозяйка – дама с чувством юмора – «сорок лет отчетливо его выговаривала, и никогда не позволяла себе говорить просто *Клавдия*». В диалогах пожилых женщин это звучит весело:

« – Тьфу на вас, Марфа Васильевна! (реакция на то, что хозяйка помянула черта – И.И.)

– На вас-то тьфу, Клавдия Фемистоклюсовна!» [13, 95].

В 90-е годы позиция государственных органов РМ в отношении отчеств при оформлении новых паспортов была естественной: молдавانه, прежде всего

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

интеллигенция, отказывались от навязанной им восточнославянской структуры антропонима. Попутно: а сколько было наломано дров с паспортизацией лиц женского пола! И сколько ходит по Молдове и за ее пределами девочек, милых дам и почтенных старушек с мужскими фамилиями Иванов, Сидоров или Козлов...

Анализ причин конфликта, возникшего в середине 90-х из-за решения, казалось бы, частного, но оказавшегося чувствительным для обеих сторон вопроса, показывает, с одной стороны, как важно для законодателей в полиэтничном государстве учитывать ментальность граждан и их отношение к злободневным в этом отношении проектам. Международные нормы, разумеется, необходимо соблюдать, но, как писал еще А.С.Грибоедов, «зачем же мнения чужие только святы?» И, с другой стороны, представители этнических меньшинств, в свою очередь, просто обязаны знать культуру народа той страны, гражданство которой обозначено в их паспорте, и, следовательно понимать побудительные мотивы принимаемых решений. Конфликты снимаются путем фактологически обеспеченных дискуссий.

В Молдове консенсус, вроде бы, был достигнут. С 1996 года удостоверения личности граждан заполнялись на трех языках: молдавском, русском и английском; по желанию лица, принадлежащего к национальному меньшинству, при записи на русском языке указывалось его отчество, что соответствовало статье 11 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств и статье 16 Закона о правах национальных меньшинств.

Но в 2012 году по инициативе Правительства Парламент РМ внес изменения в закон о документах национальной паспортной системы, предусматривающие

дальнейшее оформление удостоверений личности граждан Республики Молдова только на государственном языке и без указания отчества.

10 декабря 2014 г. в Кишиневе состоялась Республиканская конференция, посвященной Международному дню прав человека, которая была приурочена к 25-летию принятия Закона о функционировании языков на территории Молдавской ССР. Участники конференции квалифицировали это решение как посягательство на права национальных меньшинств. А руководитель Информационно-аналитического правозащитного центра М.И. Сидоров сообщил, какие меры были приняты для преодоления паспортного демарша властей.

«Принимая во внимание, что исключение отчества из удостоверения личности нарушает положения статьи 28 Конституции Республики Молдова и является вмешательством в частную жизнь индивида, затрагивающим интересы многих сотен тысяч жителей Молдавии, по предложению русской общины, поддержанному украинской, гагаузской, болгарской и белорусской общинами, парламентский адвокат (омбудсмен) направил в Конституционный суд республики обращение о признании внесенных изменений в вышеназванный закон неконституционными. Суд вынес весьма спорное решение о прекращении производства по данному обращению, указав, что граждане, считающие свое право на имя собственное нарушенным, должны обращаться в национальные судебные инстанции, и лишь после получения отказа в удовлетворении своих законных требований – могут обращаться за защитой нарушенных прав в Комитет ООН по правам человека или Европейский суд по правам человека» [12, 313].

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

В заключение с сожалением отметим, что очень трудно вести дискуссию, если одна из дискутирующих сторон не хочет слышать другую, даже если речь идет о принципиальных, культурно и общественно значимых вопросах.

Литература

1. Об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы. Закон РМ № 273 от 9.11.1994. В: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 9.02.1995. № 9
2. Акунин Б. Долина Мечты. // Нефритовые четки. – Москва, 2007.
3. Бусуйок А. Один перед лицом любви. Пер. В. Бжезовского. // Аурелиу Бусуйок. Один перед лицом любви. Мой парижский дядя. Пианистка и токарь. Кишинев: Литература артистикэ, 1986.
4. Богданов В.А. Писатель редкого таланта и мужества: вступ. ст. // Леонид Андреев. Избранное. Москва, 1988.
5. Гайсанюк И. И здесь мы строим любовь свою... Кишинев: Литература артистикэ, 1979.
6. Донцова Д. Чудовище без красавицы. М: ЭКСМО. 2002.
7. Иовицэ В. По ту сторону дождя. Повести и рассказы. (Современная молдавская проза). Кишинев: Литература артистикэ, 1981.
8. Ионова И. Прочерк в паспорте. Славянская газета, 1995, № 4-6 (68-70).
9. Корсак Ф. Пришельцы ниоткуда. Сб. научно-фантастических произведений. Пер. с фр. Ф. Мендельсона. Кишинев, 1992.
10. Липсман Ф.П. Ежемесячный международный еврейский журнал АЛЕФ. alefmagazine.com
11. Маринат А. Следы на пороге. Перевод М.Хазина. Кишинев: Литература артистикэ, 1978.
12. Сидоров М.И. Русский язык в Республике Молдова: правовое регулирование, перспективы сохранения, развития и функционирования. Славянские чтения, № 4/10. Кишинев, 2015.
13. Устинова Т. Закон обратного волшебства. Москва, 2007.
14. Флоренский П. А. Имена. Опыты. Литературно-философский ежегодник. Москва, 1990.
15. Thomas Hammarberg, Viewpoint “Language rights of national minorities must be respected – rights and causes inter-communal tensions” http://www.com.coe.int/t/commissioner/Viewpoint/100125_en.asp

**АНИМАЛИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ
МОЛДОВА**

*Друмя Луминица Харлампиевна,
доктор филологии,
старший научный сотрудник
(Кишинев, Республика Молдова);
Зайковская Татьяна Викторовна,
доктор филологии,
ведущий научный сотрудник
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текстов русского фольклора Республики Молдова (II половина XX – начало XXI вв.), в том числе собранных авторами настоящей публикации в селах Кунича, Покровка, Старая Добруджа, Егоровка и др. Исходя из того, что осмысление мира в древние времена в фольклорном сознании происходило сквозь призму осмысления животного мира, авторы отмечают, что в песенном фольклоре очень важное место занимают птицы – сокол, орел, кукушка, голубь и др., широко представлены, особенно в свадебных песнях, водоплавающие птицы – лебедь, гусь, утка, селезень. Среди образов животных, по нашим наблюдениям, доминирует конь. В зависимости от жанровой принадлежности также встречаются кот, баран и др. Анималистическая символика отличается разнообразием и своими корнями уходит в архаичные времена. Она тесно связана с фитосимволикой, что демонстрируется на многочисленных примерах, приведенных в статье.

Ключевые слова: русский фольклор Республики Молдова, фольклорное сознание, анималистическая символика, календарная обрядность, семейная обрядность, лирическая песня.

**ANIMALISTIC SYMBOLISM
OF THE RUSSIAN FOLKLORE IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA**

Abstract. The results of the analysis of the texts of the Russian folklore in the Republic of Moldova (second half of XX century - beginning of XXI century) are presented in this article. In this publication are also included the texts which were collected by the authors of this article in Moldavian villages Kunicea, Pocrovka, Old Dobrogea, Egorovka, etc. Bearing in mind that people in ancient time understood the world in folk consciousness through understanding the animal world that is why in the folklore song the following birds are important – falcon, eagle, cuckoo, dove, etc. Waterfowl – swan, goose, duck, duck are important in

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

---

wedding songs. According our observation the steed is dominated among animals in Russian folklore. Depends of the genre of folklore there are also cat, sheep, etc. The animalistic symbolism is diverse and very old. It has roots in archaic times. The animalistic symbolism is associated with fito symbols and many examples of this are presented in the article.

Key words: Russian folklore in the Republic of Moldova, folk consciousness, animalistic symbolism, calendar rites, family rituals, lyrical song.

SIMBOLICA ANIMALIERĂ A FOLCLORULUI RUS DIN REPUBLICA MOLDOVA

Anotare. În articolul de față sânt prezentate rezultatele analizelor textelor folclorului rus din Republica Moldova (a II-a jumătate a secoloului XX – începutul secolului XXI), inclusiv cele culese de către autorilor acestei publicații în următoarele sate: Kunică, Pokrovka, Dobrogea Veche, Egorovka s. a. Dacă reieșim din faptul, că înțelegerea lumii de către om în timpurile antice în conștiința folclorică se manifesta prin prizma înțelegerii lumii animalelor, apoi din acest punct de vedere, în cântecul folcloric un loc important îl ocupă păsările – șoimul, vulturul, cucul, porumbelul ș. a., pe larg sânt prezentate, mai ales în cântecele de nuntă, păsările acvatice – lebăda, găscă, rața, rățoiul. Printre imaginile animalelor, după observațiile noastre, predomină calul. În dependență de apartenența de gen, de asemenea pot fi întâlni și motanul, berbecul ș. a. Simbolica animalieră se deosebește prin varietate iar rădăcinile ei ne duc în timpurile arhaice. Ea e strâns legată cu fitosimbolica, fapt demonstrat în multitudinea de exemple aduse în articol.

Cuvinte cheie: folclorul rus din Republica Moldova, conștiință folclorică, simbolică animalieră, riturile calendaristice, ritualuri de familie, cântec liric.

В традиционной русской культуре, как и в любой другой, образы животных выступают в качестве одного из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях.

Следует отметить, что анималистические образы по-разному распределены в различных фольклорных жанрах, частично пересекаясь. Так, многие из тех, которые широко представлены в сказках (волк, медведь, лиса и т. д.), в колыбельных песнях и потешках (кот, баран, коза и др.), практически не встречаются в обрядовых и лирических песнях.

Из анималистических образов в народных песнях представлены прежде всего птицы: соловей, кукушка, сокол, лебедь, гусь, утка, селезень, голубь, голубка. Реже встречаются жаворонок, павлин (в форме женского рода – пава).

Из других животных можно отметить таких, как заяц (зайнышка серенький), бобер, змея, комар; из домашних животных – конь, куры, петух. Как видим, из всего многообразия животного мира в фольклорной лирике используется лишь совсем незначительная его часть. Все эти образы, как правило, символичны. В основе традиционной лирической песни находится целостная символическая система, базирующаяся на сопоставлении мира человека с миром природы. В частности, это относится к образам животных (в широком смысле этого слова – зверей, птиц, насекомых, земноводных и т. д.).

Птицы

В анималистической символике произведений устнопоэтического народного творчества, равно как и в традиционной культуре в целом, особое место занимают птицы. *«Архаичная связь плодородия во всех его проявлениях и формах (в мире растительном, животном и среди людей) с миром предков выражена в культуре птиц более чем отчетливо. Птица как символ связи между землей (водой) и светом, между живыми и мертвыми была неотъемлемой частью аграрного календаря вплоть до XIX в. Все это нашло отражение в языке и фольклоре»*, – отмечает фольклорист А. Н. Никитина [8].

Внутри этого массива так называемых орнитологических символов выделяются свои подгруппы, наиболее крупными из которых являются: птицы «чистые», соотносящиеся с добром, светом, красотой, любовью (голубь, соловей, ласточка, жаворонок, лебедь и

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

т. д.) и «нечистые», связанные со злом, враждебностью и агрессивностью, темной/пограничной стороной существования (ворон, сова, филин, ястреб, коршун и др.).

<p><...> <i>Во зелёном саду ночевала, (2 раза) Разных пташечек услышала. (2 раза)</i> <i>Соловей кажет: «Тёф-тёф, тёф- тёф», (2 раза)</i> <i>А кукушка кажет: «ку-ку, ку-ку» (2 раза)</i> <i>А и я ж та млада терплю муку. (2 раза)</i> <i>Терплю-терплю – не вытерплю, (2 раза)</i> <i>За проклятую пьяниченьку. (Архив авторов (далее – АА), Бельченкова И. М., 1978 г.р., и др., с. Покровка, 2011, <i>Говорят люди, что он не пьёт...</i>)</i></p>	<p><i>Все люди живут, как цветы цветут, А, ух, моя-то голова, ах, вянет, как трава.</i> <...> <i>Ты воспой-ка, ты воспой, жесворóнушек, Ты воспой-ка, воспой, ах да на прогалинке.</i> <i>Ты подай-ка голос через тёмной лес, Через тёмной лес в Москву каменную... (Богомольная, 1968, № 58, Все люди живут, как цветы цветут...)</i></p>
<p><...> <i>На светло-синем море Соловей сына женил, Молодой своего женил. Как собрал он на свадьбу Соловья с кукушкой, Воробья с воробьицею, А сова сама пришла,</i></p>	<p><...> <i>Не летать мне, как бывало, Темной ночью по лесам. Моя молодость проходит Все по тюрьмам, острогам. Чёрный ворон, чёрный ворон, Что кружишься надо</i></p>

<p><i>Савельевна незваная.</i> (Богомольная, 1968, № 138, <i>Светило солнышко,</i> <i>светило ясное...</i>)</p>	<p><i>мною?</i> <i>Ты добычи не добьёшься,</i> <i>Я казак еще живой.</i> (Каплинская П. Я., 1903 г.р., Подолян Н. П. 1913 г.р., с. Кунича, 1975, <i>Солнце</i> <i>всходит и заходит...</i>)</p>
---	---

Также существует разделение по принципу параллелей с мужскими (селезень, орел, сокол/ соколик и т. д.) или женскими персонажами (пава, уточка/ утушка/ утица, кукушка/ зозуля (диал.), ласточка/ ластушка и др.).

<p><i>Там летело, там летело,</i> <i>Там летело два соловья, три</i> <i>орла. (2 раза)</i> <i>Сели-впали, сели-впали,</i> <i>Сели-впали я вдовушки</i> <i>во дворе. (2 раза)</i> <i>Крылушками, крылушками,</i> <i>Крылушками широкий двор</i> <i>замели. (2 раза)</i> <i>Ноженьками,</i> <i>ноженьками,</i> <i>Ноженьками все</i> <i>подворье стоптали. (2</i> <i>раза)</i> <i>Голосами, голосами,</i> <i>Голосами я вдовушку</i> <i>сбудили. (2 раза)</i> (АА, Бельченкова И. М., 1978 г.р., и др., с. Покровка, 2011, <i>Там летело два</i> <i>соловья, три орла...</i>)</p>	<p><i>Отлетает мой соколик</i> <i>От моих ясных очей.</i> <i>Отъезжает друг любезны</i> <i>во славные города,</i> <i>Отъезжает в славный</i> <i>город Петербург,</i> <i>Во слезах дружка, ой, да</i> <i>просила:</i> – <i>Ой, хочь немножко да</i> <i>споживём,</i> <i><...></i> – <i>Нельзя, нельзя,</i> <i>невозможно,</i> <i>Да нельзя, ластушка моя.</i> (Богомольная, 1968, № 33, <i>Отлетает мой соколик</i>)</p>
---	---

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Исследователем Т.А. Бернштам проанализирована орнитоморфная символика свадебных песен восточных славян. Она определяет, что дикие водоплавающие (гуси, утки, лебеди) и лесные/степные птицы (сокол/орел, кукушка, ласточка, перепелка) символизируют представителей холостой совершеннолетней молодежи и молодых семейных пар. Домашние птицы (куры, гусыни, пава) – семейные пары и замужних женщин. Сюжеты песен с образами водоплавающих птиц указывают на удачные любовные отношения, на свободные отношения в молодежном коллективе. Сокол/орел в весенних и свадебных песнях символизирует парня-жениха и его свадебную дружину. По мнению Т.А. Бернштам, такая связь указывает на важную роль птичьих образов в системе возрастного символизма, мало исследованную учеными [2, 22-34].

Известно также, что сокол и орел были тотемными птицами у многих славянских (и не только) племен, в том числе у русских. Ср., например: *«Обернишь-ко ся да мой родимый батюшка перелетным ты да ясным соколом...»* [4, 112].

Сокол выступает в качестве одного из главных персонажей в различных сюжетах свадебных обрядовых, любовных лирических песен. Сокол – это добрый молодец, суженый, выбирающий себе лебедушку – красную девицу. Часто сопровождается эпитетом *ясный*, что оттеняет позитивность этого образа. *«Образ сокола является <...> символическим. Символика сокола в фольклоре и литературе славян основывалась прежде всего на его повадках и особенностях соколиной охоты. Сокол — это воин-герой, богатырь, и в первую очередь князь, стоящий во главе своей воинской дружины»*, – подчеркивает

Л.В. Соколова [12]. Жениха с невестой на свадьбе нередко также называют «сокол» и «лебедушка», «князь» и «княгинюшка».

С одной стороны, это хищная птица, с другой, акцент ставится не на ее кровожадность, а на удаль и отвагу. Можно условно обозначить (с отражением ряда повадок сокола) некоторые из этих сюжетов следующим образом:

- жених в свадебной песне *«На лошадь садится, лошадь веселится. / Он улицей едет, вся улица стонет, / А люди говорят, чей-то сокол едет. //»*;
- сокол-жених спрашивает у невесты, где она «росла-выросла»;
- сыночек-соколик, провожая которого мать спрашивает: *«Кому тебе с трёх жальчее? / Чи тятеньки, чи маменьки, / Чи жены молоденьки?»*
- летал сокол по чисту полю, *«разбил стадо лебединое», «вышиб»* себе лебедушку;
- соколы летали на море, *«подшибли крылышки утице»*;
- и др.

Пониманию последних двух примеров способствует описание подобной, но реальной картины соколиной охоты в «Книге назиданий» сирийского эмира Усама ибн Мункыза: *«Однажды мы пустили соколов на стаю гусей и стали бить в барабан; птицы взлетели, соколы бросились преследовать одну из них и выхватили ее из среды остальных <...> она закричала, и пять-шесть гусей бросились к ней и принялись бить соколов своими крыльями»* [Цит. по: 10, 74-75].

Таким образом, все, что сравнивается с соколом, оценивается в высшей степени положительно: сравнение с соколом в целом (или, порой, с частями его тела – очи соколиные) возводится в ранг эталонного.

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Еще одним из наиболее значительных фольклорных образов является образ **кукушки**. В русской народной традиции кукушка – одна из самых мифологизированных птиц женской символики. Семантика данного образа многообразна и в основе своей очень архаична. Это вещая птица. А.В. Никитина, автор специального исследования, посвященного образу кукушки, указывает на то, что можно говорить о ее типичности для обрядов аграрного календаря, поскольку в представлениях об этой птице *«присутствуют и аграрно-продуцирующая символика, и культ предков, и магия плодородия, и брачные мотивы. Подобного рода синкретизм является результатом того, что, со временем, архаичный культ обрастает новыми идеологическими формами, в аграрных культах птица обычно выступает как посредник (вестник) между родом, родовыми божествами и предками. Она несет к божествам (солярные мотивы в культе птиц) и почитаемым предкам (хтонические мотивы и мотивы поминовения) моления рода об урожае, благополучии, жизненных благах, и приносит ответ – не подвергаемую сомнениям информацию об ожидаемом или желаемом»* [8].

С течением времени происходила трансформация образа кукушки. Она является также символом старой девы, а также незаботливой матери [подр. см.: 1]. Кроме того, этот образ символизирует несчастную в браке молодую женщину и вдову [подр. см.: 2, 28-29]. Бытовало поверье, будто кукушка предсказывает не только время жизни вообще, но и время жизни в браке. Считается, что кукушка кукует не все лето, а только с Егорьева (23 апреля / 6 мая) до Петрова дня (29 июня / 12 июля); указанный период времени очень короткий, точно так же, как и «бабий

век». Эта параллель дает дополнительное основание для того, чтобы увязать данный образ именно с молодой женщиной. (Конечно, очень важен в таких случаях и грамматический род. Например, в немецком языке эта птица обозначается словом мужского рода и, соответственно, соотносится не с женщиной, а с мужчиной – так обозначают и вестника, и неверного мужа).

Следовательно, рассматриваемый образ отличается полисемантической. В частности, он связан с переходом из одного социально-семейного статуса в другой, с присоединением девушки к группе замужних женщин. В качестве иллюстрации см. нижеприведенные примеры:

<p><i>Как воскунула кукушечка за селом, Как восплакнула да Татьянушка за столом. – Как немилостивый сударь батюшка на меня, Отдаёт он меня, молодёшеньку, от себя. (Савельева, 1998, № 5, Как воскунула кукушечка...) Свадебная песня, Егоровка</i></p>	<p><i>Не чаяла мене маменька Да изжить, избыть меня. Сжила-сбыла родимая, Отошла – заплакала: – Дите ж ты мое милое, Ты когда в гости будешь? – Буду, буду, маменька, Через тридцать три года. На четвертом на году я кукушкой прилечу, Сяду я ды во садочку Буду куковати. (АА, Подлеснова А., 1948 г.р., с. Кунича, 2011, <i>Не чаяла мене маменька...</i>)</i></p>
---	--

Именно в образе кукушки дочь, выданная замуж, спустя некоторое время прилетает в родительский сад, садится на калину, «на самую вершину». И это не случайно, как и всё в фольклорных произведениях,

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

пронизанных глубокой символикой: калина – символ девичества, красоты, любви и т. д.; вершина – это тонкие ветки, а такие ветки символизируют неустойчивость, уязвимость, недолговечность. Проиллюстрируем сказанное яркими образами, представленными в песне «Бежит реченька», зафиксированной в с. Покровка (2011), но популярной также в разных вариантах и у носителей фольклора, проживающих в других селах.

В силу показательности этого произведения для рассматриваемых аспектов и развернутости представленных в нем образов приведем его полностью:

<i>Бежит реченька, бежит быстрая Скóчу-перескóчу. (2 раза) Отдай, маменька, отдай, рóдная, За кого я схочу. (2 раза) Взяла маменька, Взяла рóдная, Взяла дый отдала (2 раза). – Чтоб ты, доченька, Чтоб ты, рóдная, Семь лет не бывала. (2 раза) Терпела годок, Терпела другой, Третий не стерпела. (2 раза) Перекинулась В ту зозуленьку, Взяла й полетела. (2 раза) Лесом летела,</i>	<i>Села на калину, На саму вершину, Стала куковати, Стала куковати, Жалю задавати (2 раза) Своей рóдной матери. (2 раза) Мать уже стара, сидит у окна, Рушник вышивает. (2 раза) Самый меньший брат Сидит на порозе, Ружье заряжает. (2 раза) – Позволь, маменька, Позволь, рóдная, Ту зозулю вбити. (2 раза) Не позволю, сыну, Не позволю, рóдный,</i>
---	---

<p><i>Ветки ломала Правую рукою. (2 раза) Поле летела, Поле кропила Горькою слезою. (2 раза) Летела-летела и в сад залетела, На калину села, (2 раза) Стала куковати.</i></p>	<p><i>Ту зозулю вбити. (2 раза) Той зозулечкí, Как моей дочкí, На чужбине жити. (2 раза) (Бельченкова И.М., 1978 г.р., с. Покровка, 2011, Бежит реченька)</i></p>
---	---

В некоторых песнях образ кукушки в аналогичных условиях (девушка, выданная замуж в чужую деревню, не выдержав горькой жизни в семье, которая так и осталась для нее чужой, прилетает в отчий дом, чтобы пожаловаться) заменяется обобщенным образом пташечки – безымянной мелкой птицы, которая вызывает сочувствие и жалость (не зря и здесь использована уменьшительно-ласкательная форма слова, ср. выше: кукушечка, зозуленька):

<p><i>Чужая ты сторонушка, Без ветра сушить. Чужая ты сторонушка Без ветра сушить. Чужой свекор-тятенька Без вины бранить. А свекруха-маменька не знаю за что. Как взовьюся млада пташечка В гору высоко. Опускаю млада пташечка К тятеньке в садок. Заглушу я, млада пташечка, Тятенькин садок.</i></p>	<p><i>Всюду мне ды весело, всюду ды хорошо, Только мне ды спостылела чужая сторона. Чужая-то сторонушка без ветру сушит, Чужой свёкор-тятенька без вины бранит, А свекруха ды маменька – не знаю за что. (2 раза) Ой, взовьюсь я, млада пташечка, к тятеньке в садок, (2 раза) Родимому своему тятеньке весь сад заглушу,</i></p>
---	--

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

<p><i>А родимой маменьке Сердце высушу. Что ж это за пташечка Так жалобно поет? А где ж она, сердечная, Голос соберет? (АА, Елисаветская И.Л., 1959 г.р., с. Кунича, 1975, Чужая ты сторонушка...)</i></p>	<p><i>Родимой своей маменьке сердце высушу. (АА, Подлеснова А., 1941 г.р., и др., Кунича, 2011, Всюду мне ды весело...)</i></p>
--	---

Однако если мы сравним приведенные варианты песни, записанные в одном и том же селе в разные годы (с большим перерывом – 1975 и 2011, см. выше), с наиболее ранним зафиксированным вариантом (1968), то увидим, что в последнем тексте присутствует ясное указание на то, что эта пташечка – именно кукушка («кукованьем тятеньке весь сад заглушу»).

*Всюду мне весело, всюду мне хорошо,
Только мне опостылела чужая сторона.
Ды чужая сторонушка без ветру сушит,
Чужой свёкор-батюшка без вины бранит,
А свекруха-маменька не знаю за что.*

Ой, взовьюся, млада, пташенькой к тятеньке в садок,

***С кукованьем тятеньке весь сад заглушу,
А родимой своей маменьке сердце высушу.
Родимая маменька по сням ходит,
Невестушек-ластушек пробуживает.
– Невестушки-ластушки, встаньте уже вы.
Что это за пташечка у нас жалобно поёт?
Где она, сердешная, причеты берёт.***

(Богомольная, 1968, № 51, *Всюду
мне весело...*)

Данный элемент значения (то, что в родительский сад прилетела именно кукушка) с течением времени оказался для исполнителей двух вышеприведенных вариантов песни не столь важным. Это говорит об изменениях, происходящих в фольклорном сознании. Но все же следует отметить, что сюжет о том, как молодая женщина вскоре после несчастливого замужества прилетает в сад к своим родителям, очень распространен во многих других песнях.

Надо подчеркнуть, что образ кукушки относится к числу немногих орнитоморфных образов, получивших столь завершённые формы, которые хорошо сохранились в различных фольклорных жанрах. Данный образ, как было показано выше, многократно встречается и в тех произведениях, которые бытуют в конце XX – начале XXI вв. в русском фольклоре Молдовы. Кроме того, он оказался, по нашим наблюдениям, одним из наиболее устойчивых.

Соловей также находится среди самых распространенных орнитоморфных персонажей лирических песен. Он относится к «божьим», «святым», чистым птицам (см. выше). Это посланец любви, наперсник, с ним делятся сокровенными мыслями и желаниями. Лирическая героиня часто просит его спеть. Соловьиная песня наполнена печалью и тоской, яркими эмоциями, она помогает раскрыть сложный спектр внутренних переживаний и чувств девушки.

*Дочь у матери в гостях была,
Погостила да поехала,
Поехала – не простилась,
Среди леса становилась,
Серед леса, серед тёмного,
Среди садика зелёного.
Она к дубу прислонилась,
Зелёным листом прикрылась,*

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

*С соловьями думу думала:
– Соловей ты мой, соловушка,
Залётная моя пташечка,
Куда летишь, куда думаешь,
Чи ли на свою сторонушку,
Чи ли на мою свободушку?*

(Богомольная, 1968, № 50,
Дочь у матери в гостях была...)

В русском фольклоре соловей всегда считался символом воли, свободного полета. И опять же, как и в случае с другими анималистическими персонажами, эта символика базируется на реалистических характеристиках и повадках (см., например, выше сведения о соколе): известно, что соловей никогда не поет в неволе, в клетке. К соловью обращаются с помощью различных уменьшительно-ласкательных слов: *соловушка, соловеюшка, соловейка, вольная пташечка*. Все это говорит об особом отношении к этому персонажу, о любви к нему, доверительности.

В свадебных обрядовых песнях соловей может выступать и в ипостаси жениха:

<...>	
<i>Пожалуйте, гости милые, Нежданные, всё незванные. Как сорвались ветра буйные, Слоломали в воротах сваты, Слоломали сени новые, Воспугали соловья в</i>	<i>Обозвался свет Григорий-сударь, Обозвался свет Иванович: – А я ж тебе соловей в саду, А я ж тебе голосистенький, А я ж тебя буду рано будить,</i>

<p>саду, Восплакала свет и Аннушка, Восплакала свет Трефильевна: – А хто ж у меня соловей в саду, А хто ж у меня голосистенький, А хто ж меня будет рано будить, А хто ж меня с полуночушки?</p>	<p>А я ж тебя с полуночушки, А я ж буду тебя уму учить, А я ж тебя уму- разуму. (Савельева, 1998, № 10, Не две горы сокатилися...)</p>
---	---

В общей группе птиц выделяется подгруппа образов **водоплавающих птиц** (акваорнитологических образов), таких, как утка, гусь, лебедь, селезень.

Лебедушка – это символическое обозначение девушки-невесты («лебедь бела»), стадо лебединое – символ невесты и ее подруг (родни), лебедь с лебедятками – мать с детьми.

<p>Из-за лесу, лесу тёмного, из-засадику зелёного, (2 раза) Вылетало там гусей стадо, А другое – лебёдушек. (2 раза) Отставала лебёдушка Что от стада лебединого. (2 раза) Приставала лебёдушка Что йна к стаду ко серым гусям. (2 раза)</p>	<p>Вдоль по морю, ой, вдоль по морю, Вдоль по морю, морю синему (2) По синему, ой, по синему, По синему, по Волынскому. (2) Там плывёт стадо, (2) Плывёт стадо лебединое, (2) Лебёдушка, (2) Лебёдушка с лебедятами, (2)</p>
---	---

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

<p><i>Не сумела лебёдушка По-гусиному да воскрикнути, (2 раза) Начали её щипать и рвать. (2 раза) – Не щипите, гуси серые, Не сама я к вам залетела, Не свою я да охотою, (2 раза) Занесла ж меня непогодушка, Непогодушка с ветром с буйным. (2 раза) (Савельева, 1998, № 4, Из-за леса, леса тёмного...)</i></p>	<p><i>Да с малыми, (2) Со малыми со дитятами. (2) Она плывёт, (2) Она плывёт, да не трепнется. (2) Встрепенулася, (2) Встрепенулася, борохнулася. (2) Сине море, (2) Ох сине море всколыхнулося. (2) (АА, Шереметьева Т. Г., 1951 г.р., и др., с. Егоровка, 2012, Вдоль по морю...)</i></p>
--	---

Заметим, что символом невесты является именно белая лебедушка, хотя в природе эта птица не обязательно обладает белым опереньем. В нашем современном сознании образ невесты связан с белым цветом, но корни этого представления уходят в древние времена. Выскажем предположение, что в данном случае имело место следующее: переход девушки после свадьбы в другую семью – семью мужа знаменовал собой нарушение некоей существующей устойчивой границы между родами (подобно тому, как нарушается граница между мирами живых и мертвых при рождении и смерти). Начиная со дня наречения невестой и до свадьбы девушка условно умирала для своего рода, чтобы во время обручения возродиться в роде мужа. Во многих культурных традициях белый цвет связывался со смертью. Древние славяне, снаряжая мертвецов в последний путь, покрывали их тела белым саваном и, по возможности, окужали всем

белым. Рискнем предположить, что отчасти корни этого явления были связаны с зимой, когда все покрывалось белым снегом, что воспринималось как умирание природы.

Образы таких водоплавающих птиц, как утка, гусь, лебедь, имеют в русской фольклорной традиции особое значение. Часто именно они являются маркерами сферы сакрального в обрядовых песнях календарного цикла. Например, «уточка/утушка полевая» или «луговая» – характерные персонажи масленичных песен (напомним, что это праздник, изначально связанный с культом предков и содержащий попытку влияния на плодородие предстоящего земледельческого года); лебедями называют колядовщиков; именно лебеди роняют кольца в сад-виноград в песнях святочных гаданий – примеры многочисленны.

Однако особенно широко распространены образы серых гусей и белых лебедей в песнях русской свадебной обрядности, где сравнение невесты с «белой лебедушкой» является постоянным: она плавает «по морю Хвалынскому/ Волынскому» (так называли Каспийское море) или «по Дунаю», и в какой-то момент оказывается, что она «отстала от стада лебединогo» (см. вышеприведенные примеры), а также с «серой утицей» или с «павой». По предположениям некоторых исследователей, **павы**, как это ни странно, тоже считались водоплавающей птицей (равно как странным нам теперь представляется и то, что летучая мышь воспринималась как нечто среднее между птицей и «гадом»). Так, С. В. Жарникова, которой принадлежат специальные исследования, связанные с образами водоплавающих птиц в русской традиционной культуре, в том числе в

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

фольклорной традиции, приводит фрагмент одной из песен:

*Что на тихой на тишине,
Да на тихой лебединою,
Да тут не паванька плавала,
Да не пава перья ронила...*

«...Пава, судя по всему, также мыслилась в русской народной традиции водоплавающей птицей (утицей или лебедью), – замечает исследователь. – О том, что пава и лебедь в народном представлении одно и то же и что образ павы имеет мало общего с павлинами, свидетельствует песня <...> (см. выше – авт.), было широко распространено изображение пав на свадебных полотенцах, сарафанах, подолах рубаш» [5]. Это мнение нам кажется не слишком убедительным, поскольку автор основывается лишь на одном примере.

С.В. Жарникова, приводя аргументы в пользу исключительной значимости образов водоплавающих птиц в сознании восточных славян, опирается на сведения различных наук, в том числе археологии, подтверждающих это предположение:

«На древнеславянских зольниках, местах ритуальных костров, археологи находят вырытые в земле гигантские фигуры лебедей. Древнегреческая мифология связывает лебедей — священных птиц Аполлона — с северной окраиной Ойкумены, куда они ежегодно уносили бога к берегам холодного Кронийского океана, в земли гипербореев. Вероятно, прав Б.А. Рыбаков, считая, что „солнечных лебедей праславянского мира мы должны рассматривать не как механическое заимствование античного мифа, а как соучастие северных племен в каком-то общем (может быть, индоевропейском)

мифотворчестве, связанном с солнцем и солнечным божеством”. Он отмечает также, что образ женщины, воздевшей руки к небу, с птицами-утицами по сторонам, очень архаичный, дожил в северорусской вышивке до конца XIX века. Подвески в виде утицы, гуся и лебедя доживают в славянской традиции до XII в. <...> Что касается ковшей-скопкарей, наливок, чарок, солонниц, охлупней (верхняя деталь кровли в традиционном русском жилище – примеч. авт.) изб и т. д. в форме утки-лебедя, то все это сохранялось на Русском Севере вплоть до рубежа XIX–XX веков» [5].

И далее исследовательница заключает, делая акцент на устойчивости культа лебедей: «О том, что древнейший языческий культ водоплавающей птицы сохранял на Руси свое религиозное значение достаточно долго и был хорошо знаком православному духовенству, свидетельствует то, что еще в XIV–XV вв. монахи Муромского монастыря на Онежском озере высекли христианский крест не только на главном в композиции “Бесова Носа” изображении Беса, но и на находящемся на значительном расстоянии от него изображении лебедя» [5].

Нас заинтересовала последняя информация (было интересно, как выглядели эти древности, которые так страшили монахов своим влиянием даже спустя много веков после принятия христианства, что они решили их «запечатать» крестами), хотя это и не имеет непосредственного отношения к теме нашего исследования. Удалось найти современные снимки этих петроглифов. На одном из них изображено какое-то древнее божество, которое монахи называли «бесом» (языческое, «бесовское изображение»), и здесь же – стая плывущих лебедей. А на другом – те же лебеди, так сказать, крупным планом (см. рис. 1 и 2).

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Рис. 1. Современный снимок иероглифов (лебеди)

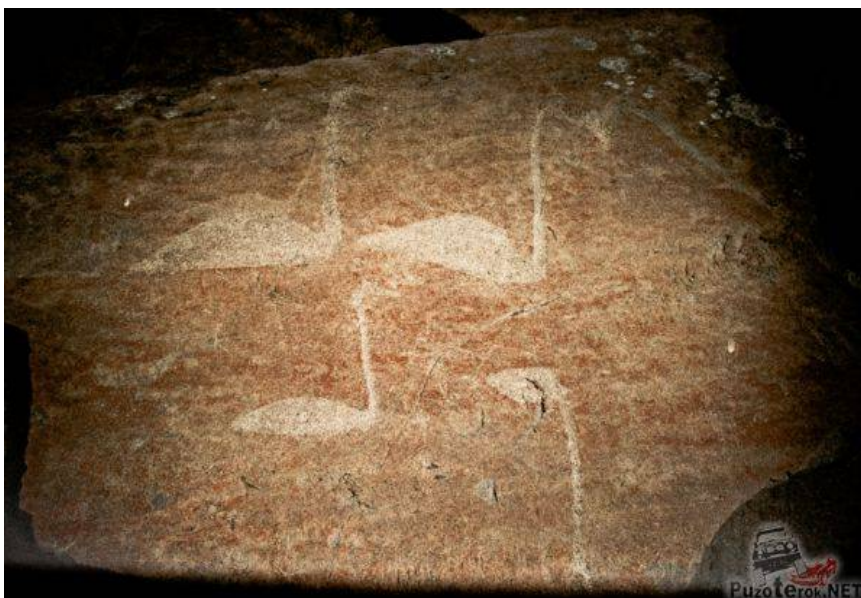

Рис. 2. Снимок петроглифов (лебеди крупным планом)

Таким образом, почитание водоплавающих птиц уходит корнями в глубокую древность. Человеку испокон веков были знакомы их повадки, поскольку сами люди

обычно селились у тех или иных водоемов, а кроме того это всегда был традиционный объект охоты. Имея глубокие корни, этот культ в ряде мест, похоже, держался и долгое время после принятия христианства. Более того, отдельные моменты тех верований сохранились до наших дней. Так, этнограф С. А. Токарев в связи с этим писал: *«...Божьими птицами считались голубь, аист, журавль, соловей. Самой священной птицей считался в народе лебедь. Есть поверье, что эта птица была прежде женщиной. Стрелять лебеда грех, <...> это приведет к беде. М. Пришвин рассказывает о своих разговорах с выговскими полесниками, свято соблюдавшими этот запрет. „Да вот покойник Иван Кузьмич, — говорили они ему, поясняя причину запрета, — убил весной лебеда, а к осени и помер, через год жена померла, дети, дядя, весь род повымер”»* [12, 23].

Фольклорные произведения, как было показано, донесли до нас отголоски архаичных верований относительно лебеда (лебедушки).

Часто в песнях те или иные символы представлены в парах. *«Так как народные лирические песни, если можно так выразиться, в своем подавляющем большинстве двухгеройны (в них говорится о взаимоотношениях двух героев: девушки и молодца, жены и мужа и т. д.), то вполне естественно, что поэтические символы в них чаще всего употребляются попарно: селезень и утушка <...>, гусь и лебедушка <...>, сокол и вишня <...>, дуб и осина <...>, дуб и береза <...>, голубь и голубушка <...> и т. д.»* [6].

Так, в фольклорном сознании **утка** и **селезень** выступают ипостасями влюбленных, жениха и невесты. Правда, не всегда они составляют пару. Приведем для

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

примера песню, записанную в с. Егоровка во 2-й половине XX в.:

– *Ой, селезень, что ж ты не весел,
Что ж ты не весел да не радостен?*
– *Ой, как мне теперь веселиться,
Уточка моя вчера была,
На лужку она песочек ела,
На лужку она песочек ела,
Сегодня она застреленная.*
– *Ой, молодец, молодец,
Что ж ты не весел да не радостен?*
– *Ой, как же мне веселиться,
Милая моя вчера была,
Сегодня она зарученная,
Сегодня она зарученная.
Не жалко было б, если б далеко, (2 раза)
Амбар с амбаром, двор со двором, (2 раза)
Форточка на двор,
Форточка скрипит –
Сердечко болит.*

(Богомольная, 1968, № 57,

Ой, селезень, что ж ты не весел?..)

В этой песне последовательно выдержан принцип как символического, так и композиционного параллелизма: *селезень – уточка* и *юноша – девушка*, их переживания. Юноша сетует на то, что утрата любимой для него вдвойне тяжела, поскольку их семьи – ближайшие соседи (в данном контексте слово *форточка* означает ‘калитка’). Классический развернутый параллелизм – это более позднее наслоение. Вторая часть – «человеческий план», в формулировке П.П. Червинского [14, 96], – прежде была необязательной. Нам встретились и такие примеры, когда

на древний пласт представлений накладывается более новый, но не так последовательно, как в предыдущей песне:

*Ох, да вы, ребятушки,
Заходитесь-ка вы во единый круг,
Ой. Да и споём мы песню новую:
Что по морю, по морю там кораблюшек плывёт,
Корабель мой вряженный,
На им шёлковый убор, золотые вёсла,
И им правят по воде
Сизенький голубчик с красной девицей, с Анночкой,
Калина-малина.*

*(Богомольная, 1968, № 85, Ох, да вы,
ребятушки...)*

Как видим, в песне упоминается только *сизенький голубчик* (без уместной в данном контексте *сизенькой голубки*) и только *красна девица* (без *молодца*), то есть вместо двух ожидаемых пар получилась смешанная.

«Невыраженность часто и не подразумеваемого „человеческого” плана – довольно регулярная черта архаической семантики, – отмечает П.П.Червинский. Анимистические и тотемистические представления древних позволяли воспринимать представителей растительного и животного мира как самостоятельные персонификации, как фольклорные действующие лица, равные человеку, часто способные принимать человеческий облик. Следы этой стадии оцутимы в фольклоре» [14, 96]. Далее исследователь раскрывает и поясняет свою мысль: *«Стадии религиозно-культурных представлений меняют мотивацию второго компонента: анимизм – птицы, рыбы, животные, растения, камни как персонификации, независимые духи и силы, которые разлиты в природе; тотемизм – птицы, животные, растения, рыбы и камни как люди, родоначальники и первопродки; затем – как зачатые люди, оборотни,*

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

умершие, злые и добрые духи и духи предков, ипостаси божеств. Однако, меняя мотивацию, они не изменяют валентности и синтаксической роли» [14, 96].

Исследователь приходит к выводу, который представляется чрезвычайно важным для понимания не только вышеприведенной песни, но и всех произведений устнопоэтического народного творчества: *«Фольклор, отражая земледельческие представления, сохраняет черты предыдущей, охотничьей стадии. И в представлениях, и в фольклоре происходит наслаивание черт и признаков разных стадий, смена мотиваций. Меняется содержание, но не меняются семантические структуры и формы. Переосмысляясь, они меняют порядок, место в системе, функции, однако по виду и по строению, как структуры и формы, остаются практически неизменными. Психологический параллелизм в фольклорном тексте, описанный Веселовским, начинает развиваться, видимо, на стадии расподобления персонификаций: животные и животные-духи» [14, 96-97].*

Вернемся к анализу текстов, собранных в селах нашей республики. Как уже упоминалось, утка – это символ невесты. Застреленная утка/утица – просватанная девушка:

*Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему,
Что по синему, по Ирланскому,
Плывёт стадо лебединое.
Ишли стрельцы, подстрелили белу утицу.
Наша утица приметливая,
Через крылушко серебряное,*

*Через друго позолоченное,
Чёрным шёлком позаточенное.*

(Богомольная, 1968, № 101. *Вдоль по морю, морю синему...*)

Сам образ уточки хотя и построен на метафоре, но в основе его в известной степени лежат наблюдения над реальностью: отороченные черными перышками, как черным шелком, крылья. Подобное мы наблюдаем и в другой песне, также пронизанной символикой, но опирающейся в каких-то деталях на реальные характеристики и поведение птицы:

*<... > Там жары горять, селезень плывёт,
Вой люли, вой люли, селезень плывёт,
Селезень плывёт, вон **косицы вьёт**,
Вой люли, вой люли, вон **косицы вьёт**,
Вон **косицы вьёт**, девкам **весть даёт**. <... >*

(Богомольная, 1968, № 99. *По горам, горам там жары горять...*)

Когда селезень плывет, вода, рассекаемая его телом, раздается по обе стороны и на глади воды какое-то время остается след, который действительно напоминает косу.

В образе **гусей** (обычно во множественном числе) в символике свадебных песен, как уже отмечалось, представлена новая родня невесты/ молодой жены. Обычно это слово сопровождается эпитетами «серые» и «чужие» (см. также примеры, приведенные выше):

*<... > Не закрыла меня маменька
От чужой, от дальней сторонушки
И от чужого злого дитища.
Посылают младу по воду,
В глухую полночь босую,*

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Босую да ещё и раздетую.

Налетели гуси серья,

Возмутили воду свежую.

(Богомольная, 1968, № 54. Спородила
меня маменька)

Обычно «гуси серые», «гуси чужие» щиплют молодую (лебедь/утушку), хлещут ее крыльями, а она вынуждена защищаться от них, приговаривая, что не по своей воле пришла, что ее занесло к ним «непогодой, буйным ветром, частым дождём». А. Потебня уточняет, что «лебедь – символ женщины и преимущественно девицы, „терять девью красоту” – отставать от белых лебедей (девиц) и приставать к серым гусям, то есть замужним женщинам» [9, 34].

У П. Червинского, который хотя и не занимался собственно рассмотрением фольклорных произведений в их целостности, а посвятил свою монографию глубокому и тщательному анализу фольклорной лексики в единстве функциональных и номинативных свойств значений, находим подтверждение этому: *щипать* (именно в указанном смысле), согласно его мнению, – проявление женского начала, и он доказывает это на многих примерах [14, 96]. Таким образом, молодая жена более всего страдала от новых родственниц-женщин, а не от всей родни. С точки зрения гендерной психологии это уточнение вполне объяснимо и выглядит реалистично. Если исходить из того, что гусь в мифологии считается птицей хаоса и одновременно творца вселенной, возможно, в свадебных песнях сохранились эти отголоски архаичных верований: действительно, при нарушении устойчивых границ (между родами жениха и невесты)

наступает кратковременный хаос, а затем рождается новый мир, с новым распределением ролей и функций в нем.

В русских народных песнях используются образы-символы и других птиц. Рассмотрим некоторые из них.

Голубь выглядит идеальным во всех отношениях созданием, средоточием многих добродетелей и прекрасных нравственных качеств. Он – неизменный персонаж лирических песен, в том числе свадебных:

<i>Вот на горочке, на горочке На крутенькой. На горочке да два дубчика стояли. На дубчику Два голубчика сидят. Промеж собой Они речи говорят. Про Ивана-молодца. А невеста ходит по саду Ивановна. Ходит по зелено Она снаряжается.</i>	<i>У Ивана в гости просится: – Что ж ты умменький- разуменький дружок. – Ты пусти-ка меня в гости погулять. – Как же мне тебя в гости пустить. При людей Ты мне честь и хвала. Без людей Ты мне забавочка моя. (Андроникова Л. П., 1920 г.р., Халынбаджах Л. Н., 1969 г.р., с. Кунича, 1994, <i>Вот на горочке, на крутенькой...</i>)</i>
---	---

Образ голубя в русском фольклоре полисемантичен: выступает в лирических песнях в роли небесного вестника, в ипостаси влюбленных, является символом романтической любви и верности. Две птицы, сидящие рядом на дереве (архаичный образ мирового дерева), в ритуальном плане воплощают собой идею плодородия, благополучия, богатства. Поэтому данный символ часто используется в свадебных песнях. В известном смысле птицы выступают здесь в качестве гарантов правильности исполнения ритуала.

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

В русских народных песнях упоминается и птица **пава** (о ней немного говорилось и выше). С походкой этой птицы последовательно сравнивается походка песенных лирических героинь. Иногда данный образ встречается и в других контекстах, которые с трудом поддаются объяснению, декодированию:

*Ах ты, милая моя, ты хорошая,
Глаза карые у тебя, развесёлые,
Когда я тебя любил – счастливый был,
А теперь я перестал – разбессчастный стал.
Довела шельма-любовь, ты до горюшка.
Всё до горя, до беды, до несчастьяца.
Там летела да павя, **павя сизая**,
И вронила она перо, перо сизое.
Ох не жаль-то мне пера, даже пёрышка,
Ой, не жаль-то мне вдовца, жаль молодчика.*

Исследователи утверждают, что в русской народной вышивке – как одном из проявлений народной культуры, этот образ появился в XI в. (Изображение этой птицы есть на заставке Изборника Святослава 1103 г.). Считается, что, скорее всего, павя как узор была заимствована из искусства Византии – в нем павлин был одним из любимых мотивов. Длинные перья хвоста павы понимаются как лучи, то есть символически это – птица-Солнце [7, 67-68].

В контексте вышеприведенной песни эта птица почему-то сизая. Не будем забывать, что павлин/ павя – это экзотическая птица для тех широт, на которых традиционно бытовал русский фольклор. Поэтому и своего эпитета-цветообозначения у этого слова нет. Рискнем предположить, что использовался эпитет, характерный для

описания других птиц – *сизый голубь, сизый орел* и т.д. Что касается оброненного павой пера, то некоторые намеки на символику данного образа находим у А. Потебни: «Представление слова и славы (дурной) пером встречаем только в песнях <...> *Перо есть символ листа, а лист – символ слова, потому и перо становится символом слова*» [9, 148-149]. По всей видимости, речь в песне идет о такой любви, которая принесла лирическим героям только несчастье, а дурная слава о ней распространилась очень широко.

Таким образом, как было показано, птицы в фольклорном сознании русских Молдовы представлены широко и разнообразно. В песенном народном творчестве доминирующими образами являются сокол, орел, кукушка, голубь, лебедь, утка и ряд других.

Животные

После образов различных птиц, пожалуй, на первом месте в русском фольклоре находится **конь**. Это одно из наиболее мифологизированных животных. Учитывая древние истоки этого образа, следует отметить, что вообще в индоевропейской мифологии ему принадлежит особое место, объясняющееся его ролью в хозяйстве и переселениях древних индоевропейцев. Конь считается динамичным символом бурлящих жизненных сил, скорости («*конь-огонь*»):

*При широком табуне
Конь гулял на воле.
Ты гуляй, мой **ворон конь**,
Пока твоя воля.
Как поймаю, замуздаю*

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Шелковой уздою.

Вдарить шпорам по бокам

Он летит стрелою.

Ты лети-лети, мой конь.

(АА, Корниенко Г., 1908 г. р.,

с. Кунича, 1975, *При широком табуне...*)

В русских народных песнях это верный друг и помощник лирического героя, молодца; во всех произведениях явственно выражено душевное отношение к нему. Данный символ сопровождается такими эпитетами, как *добрый, ретивый, верный, лихой* и т. д. Что входит в понятие «добрый конь»? Это значит хороший, сильный, быстрый, то есть способный исправно выполнять своё предназначение. Лихой конь – не означает плохой, это молодецкий конь, не боящийся опасностей, он оказывается наиболее под стать удалцу. По П. Червинскому, конь знаменует собой мужское молодое начало, что, собственно, не опровергается самой жизнью (женщины на коне в фольклорных произведениях обычно не скачут, равно как и старики).

Образ коня в старинных народных песнях обычно вписывается в такие контексты, как *молодец – чисто поле* (то, что вокруг и за пределом своего пространства) – *конь; молодец/ казак – конь – отъезд – разлука; конь - молодец – конь – двор/ ворота – свататься; молодец – конь – сад/огород (трава/ цветики) – потоптать/вытоптать* и др. Существует множество вариантов последнего контекста, связанного со свадебными обрядовыми песнями, в которых говорится об утрате лирической героиней «девьей жизни» и о том, что у нее начинается «бабий век» – жизнь в замужестве.

Например:

*«Забежал конь / Во зелёный сад... / Поломал в саду /
Грушу чёрную.../ Грушу чёрную, / Вишню красную...
/Молода жена / Востужилася... / – Не тужи-ка ся, /
Молода жена.../ Наживём мы сад, / Сад не этакий... / Сад
не этакий, / Со калиною... / Со калиною, / Со малиною... /
Со малиною, / С черной смородиной...»*

Данный фрагмент богат символами, в том числе фитосимволами, пронизан иносказаниями, то есть закодирован. Однако если знать значения основных символов, смысл становится прозрачным. Вот еще один пример:

*<...>Как и вырвался Федин конь в огород,
Как и стоптал он руту-мятушку, все цветы,
Как и увидела да и Фенюшка, всё смолчала,
Как и увидела ее маменька, вскричала.
Как и вырвала чернобыль-травы со корня,
Как и вдарила **вороного коня** по ребрам,
Не досталось вороному коню по ребрам,
Как досталось Феде по кудрям,
Как досталось Ивановичу по русым.*

(Богомольная, 1968, № 75,

Да что ж тёмная осенняя ноченька...)

Что касается масти коня, то здесь надо указать на одну особенность лирических песен. Кони, как известно, бывают различной масти (белые, гнедые, вороные и т. д.). В специальной литературе указывается, что в фольклорных произведениях (не только русских) разных жанров чаще всего главный положительный персонаж разъезжает на белом коне (это символ жизни, дневного

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

света, духовного просветления, а главное – победы и триумфа), черный конь – зловещее воплощение ночного мрака, нечистой силы, а во многих случаях и самой смерти. Думается, что это утверждение отчасти справедливо: такое распределение качеств характерно, прежде всего, для сказок – примеры многочисленны.

Напротив, в русских народных песнях очень часто лирический герой (будь то молодец, будь то – в более новых песнях – казак) скачет именно на вороном коне. Здесь, по всей видимости, иная символика. И символика эта отличается архаичностью. Объяснение удалось найти у А.А. Потебни. (Как нам кажется, здесь неуместно детально приводить всю цепочку его рассуждений с многочисленными примерами из различных славянских языков.)

На основе тонкого анализа (в том числе фонетического) фольклорного и языкового материала не только русских, но и других славян он приходит к выводам, на первый взгляд, странным в своей противоречивости по отношению к нашим современным видениям, но в то же время вполне аргументированным с точки зрения диахронии:

«Черный цвет сближается, с одной стороны, с огнем, а с другой – с названиями других цветов, следовательно, со светом (выделено нами – авт.). <...> Подобно тому, как мороз, сближаясь с огнем, противопоставляется ему по некоторым символическим значениям, черный цвет, происходя от огня, имеет значение безобразия, ненависти, печали, смерти, противоположные переносным значениям света» [9, 38].

В процессе развития языка, как видим, за цветообозначением «черный» закрепились значения второго ряда. А в народных песнях сохранился его первичный смысл, следовательно, в рассматриваемых нами контекстах образ *вороной конь* по своей метафорике сливается с другим образом – *конь-огонь*.

Кроме того, надо учитывать еще один момент: конь в песнях не просто черный, он вороной. Этимология слова просматривается довольно ясно, ср. цвет воронова крыла. А ворон считался птицей вестей.

По различным фольклорным жанрам, особенно сказкам, балладам, видно, что зачастую конь мог быть вещим – мудрым, умеющим предвидеть будущее. Таким образом, например, в свадебных песнях ни с какой темной, негативной стороной жизни и сознания вороной конь, по определению, не соприкасается – ведь он связан с главным лирическим героем, который эталонно положителен (см. и примеры, приведенные выше):

<i>По лугам-лугам зеленая трава, По лугам, лугам, зелёнькая Вырастала, выростала трава шелковая, А ещё ли, а ещё ль полушелковая. Уж я тою травую выкормлю коня, Поведу коня к тятеньке, Поведу коня к родненькой маменьке: – Государь мой, тятенька, Сударыня моя, маменька,</i>	<i>Вы куры, куры, не пойте рано, Люли, люли, не пойте рано, Мы пели, пели, да перестали, Люли, люли, да перестали, Свёкор гостити с Москвы выезжал, (2 раза) С Москвы выезжал вороним конём. Конём вороним, лугом зеленым, (2 раза) Лугом зеленым, мостом лубяным. (2 раза)</i>
---	--

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

<i>Вы примите коня вороного, Вы примите, вы скормите его, Вы скормите, вы споите его. (Богомольная, 1968, № 108, По лугам-лугам зеленая трава...)</i>	<i>Завёл коня в конюшню, в конюшеньку, А сам пошёл в сад-виноград, (2 раза) В сад-виноград ягоды ломати. (2 раза) <...> (Богомольная, 1968, № 69, Вы куры, не пойте рано...)</i>
---	--

(Объяснения требует первая строка данной песни, в которой содержится просьба к курам не петь рано, что вызывает удивление: разве куры поют? Дело в том, что слово *кур* здесь использовано в значении ‘петух’; данное слово сохранилось еще с общеславянского периода в некоторых диалектах; ср. поговорку *попасть как кур в оцип.*)

Хотя, надо сказать, в более новых песнях вороной конь может иметь и негативные коннотации.

Например, в одной из песен, где герой предаёт свою любовь:

*<...> Казачку в землю опустили, / И гроб усыпали
цветами. / И долго-долго горевали. / Поплакали – домой
пошли. / Казак умчался в чисто поле, / На своем **вороном
коне**. / С другой казачкой обвенчался / В его родимой
стороне.*

(АА. Каплинская П. Я., 1903 г.р.,
Подольян Н. П., 1913 г.р., с. Кунича,
1975, *Скрылось солнце за горою...*)

Конечно, в фольклорных текстах изредка встречаются и кони других мастей – буланые, гнедые и даже сизые. Но в тех контекстах, где присутствует *удалой*

молодец/ молодчик, масть коня почти всегда именно вороняя: «Там стоял и стол дубовой, / Перед ним стоял конь вороной: / – Ты вставай, вставай, хозяин молодой» (Богомольная, 1968, № 122, Ты голымба, ты голымба широка...).

Рыба. «Рыбица», пойманная в сети, в свадебных песнях символизирует невесту. Связь рыбы с плодородием выражается в «рыбной» символике свадебной обрядности. В ряде текстов брак представлен как ловля рыбы-невесты:

*Как и пели да рыболовцы молодые.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли молодые.*

*Как несли по рукам сети шелковые.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли сети шелковые.*

*Как хотели белу рыбину споймати.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли все споймати.
На двенадцать частей разрубати.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли все споймати.*

*На двенадцать тарелок раскладати.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли раскладати.*

*На двенадцать столов становити.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли раскладати.*

*Как и кожную бояры все просити.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли все просите.*

*Все вы кушайте, бояры, не стыдитесь.
Ой-ли, ой-ли, ой-ли не стыдитесь.
Уж вы кушайте, бояры, посмелее.*

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

Ой-ли, ой-ли, ой-ли посмелее.

Выдавайте цвет Марусю поскорее.

Ой-ли, ой-ли, ой-ли поскорее.

(АА, Моргун М. Я., 1907 г.р., с. Кунича,
1971, *Рыболовцы молодые...*)

Известно, что выход девушки замуж представлял собой переходный обряд, в котором невеста символически «умирала», чтобы «воскреснуть» уже в новом качестве, в новой семье, имея иной социальный статус. А смерть ассоциировалась с образом рыбы – посмертным воплощением человеческой души. Этим можно объяснить не только подробности некоторых свадебных обрядов, но и подтекст различных сюжетов, так или иначе связывающих женский образ с рыбой. Сам образ девичьего свободного состояния выражается через образ рыбки, вольно плавающей по Дунаю.

В народных песнях различных жанров присутствуют также образы других птиц, зверей, насекомых (кот, баран, бобр, комар и т. д.). Нами были выбраны для анализа наиболее, на наш взгляд, яркие.

Кратко обобщая сказанное, отметим, что если исходить из того, что осмысление мира человека в древние времена в фольклорном сознании происходило сквозь призму осмысления животного мира, то в рамках последнего в песенном фольклоре очень важное место занимают птицы – сокол, орел, кукушка, голубь и др., а также водоплавающие птицы – лебедь, гусь, утка, селезень. Среди образов животных, по нашим наблюдениям, доминирует конь. В зависимости от жанровой принадлежности также встречаются кот, баран и

др. Анималистическая символика разнообразна и своими корнями уходит в архаичные времена.

Литература

1. Амелина Л. В. Образ кукушки в русской и немецкой народной традиции. Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. www.rusnauka.com/17_AND_2011/Philologia/9_88094.doc.htm
2. Бернштам Т. А. Орнитоморфная символика у восточных славян. Советская этнография, 1982, № 1.
3. Богомольная Р. А. Русская народная песня в Молдавии. Кишинев, 1968.
4. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4-х ч. // Сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 688 с.
5. Жарникова С. В. Образы водоплавающих птиц в русской народной традиции, 2009. www.knt.org.ru/Jarnikova%20Obrazu%20Vodoplavayushih%20Ptici%2
6. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М.: Высшая школа, 1981. www.libs-web.ru/philol/lazutin/2_2.html
7. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
8. Никитина А.В. Образ-символ в традиционной народной культуре: Русско-славянские взаимосвязи на материале фольклора о кукушке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. www.dissercat.com
9. Потевня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/potebn/index.php
10. Ржига В. Ф. Из очерков по «Слову о полку Игореве». Докл. и сообщ. филол. ф-та МГУ. Вып. 3. М., 1947.
11. Савельева Н. М. Народные песни русских поселений Молдовы и Украины. Вып. I. Песни и хороводы села Егоровка. // Русская традиционная культура. М.: Родникъ, 1998, № 6-8.
12. Соколова Л. В. Сокол // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 тт. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

---

13. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. М., 1957.

14. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции. Тернополь, 2011.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМЕННОГО ПРЕДИКАТА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С КВАНТИТАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ)

*Леонтьева Елена Александровна,
преподаватель
(ИЯиЛ Тираспольского ГУ
им. Т.Г. Шевченко)*

Аннотация. В статье определён статус предложений с инверсированным расчленённым квантитативно-именным сочетанием. Рассмотрены способы репрезентации именных предикатов с семантикой точного количества, выявлены сходство и различие способов вербализации анализируемого семантического типа предикатов в русском и украинском языках.

Ключевые слова: семантика, точное количество, субъект, именной предикат, квантитативно-именное сочетание.

PRESENTATION OF THE NOMINAL PREDICATE IN SENTENCES WITH QUANTITATIVE SEMANTICS (IN THE RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES)

Abstract. The article defines the status of sentence with the inverted dismembered quantitative and nominal combination. Manner of representation of nominal predicates with semantics of exact quantity are considered, similarity and distinction of ways of verbalization of the analyzed semantic type of predicates in the Russian and Ukrainian languages are revealed.

Key words: semantics, exact quantity, subject, nominal predicate, quantitative and nominal combination.

PREZENTAREA PREDICATULUI NOMINAL ÎN PROPOZIȚII CU SEMANTICĂ CUNTO-NOMINALĂ (ÎN BAZA MATERIALELOR LIMBILOR RUSĂ ȘI UCRAINEANĂ)

Adnotare. Articolul definește statutul propozițiilor cu îmbinări dezmembrate cunto-nominale inverse. Se examinează modalitățile de exprimare a predicatelor nominale, ce au semantica cantității exacte, se relevă asemănări și deosebiri de verbalizare a tipului semantic analizat de predicate în limbile rusă și ucraineană.

Cuvinte cheie: semantică, număr exact, subiect, predicat nominal, îmbinări cunto-nominale.

Квантитативное значение является одним из важнейших компонентов восприятия объективной действительности, которое может репрезентироваться на разных уровнях языка. **Объект** нашего исследования – семантико-синтаксическая и формально-грамматическая структуры синтаксических единиц с инверсированным расчленённым количественно-именным сочетанием, вербализующим точное количество в русском и украинском языках. **Выбор тематики** обусловлен отсутствием в современной лингвистической науке единого подхода к классификации таких единиц и недостаточной изученностью данной проблемы в компаративном аспекте.

Цель исследования – проанализировать способы репрезентации предиката со значением точного количества в украинском и русском языках, выявить их сходство и различие. Поставленная перед нами цель может быть достигнута решением следующих **задач**:

- 1) раскрыть сущность категории *количество*;
- 2) проанализировать разные взгляды на структуру предложений с количественно-именными сочетаниями;
- 3) описать продуктивные способы представления именного предиката со значением определённого количества в русском и украинском языках.

В процессе работы был использован **комплекс методов** эмпирического и теоретического исследования: наблюдение и описание, элементы компаративного,

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

компонентного, трансформационного анализа и синонимической замены.

Материалом исследования стали более 500 предложений с предикатом, обладающим квантитативной семантикой, выявленных в процессе сплошной выборки из текстов художественного, публицистического, научного и разговорного стилей.

Научная новизна исследования заключается в попытке сопоставить способы репрезентации именного предиката, вербализующего семантику определённого количества в украинском и русском языках.

Материалы статьи могут быть продуктивно использованы в практике преподавания синтаксиса, сопоставительной типологии восточнославянских языков, в проведении спецкурсов и спецсеминаров, а также в процессе научно-исследовательской деятельности студентов, магистрантов и докторантов.

Согласно утверждению В.Г. Таранца, категория *количества*, являясь одной из наиболее значимых, начала формироваться ещё в сознании и речи первобытного человека, приобретая всё большую ценность в процессе развития общества. *«Зарождение первых количественных наименований в языке самым тесным образом связано с первичной номинацией и в общем виде с начальным этапом развития мышления человека»* [11, 59].

Первыми работами, в которых осуществляются попытки раскрыть сущность понятия *количество*, стали труды Аристотеля «*Метафизика*» и «*Категории*». Выдающийся древнегреческий философ-энциклопедист истолковывает интересующее нас понятие следующим образом: *«Количеством называется то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или*

больше, есть по природе что-то одно и определенное нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина — если измеримо» [1, 164]. Следует отметить, что и на сегодняшний день данное определение не потеряло своей актуальности.

Категорию *количество* следует рассматривать как универсальную, поскольку сфера её функционирования выходит далеко за рамки физико-математических, экономических, философских и естественно-географических наук, распространяясь на целый ряд гуманитарных отраслей.

Чтобы лучше понять сущность и специфику предикатов, вербализующих квантитативную характеристику субъекта, обратимся к толкованию данного термина в философской науке: *«Количество есть категория, обозначающая связь, существующую между качествами предмета; понятія количества заключаетъ въ себе понятія числа, величины, степени, пространства, движенья и т. д.; изъ нихъ самымъ общимъ является понятіе числа»* [9, 130].

В лингвистике анализируемое понятие последовательно представлено единицами различных уровней: на морфемном уровне – флексиями единственного и множественного числа; на лексическом уровне специализированной формой выражения категории количества является имя числительное, а также целый ряд нумеративов, мезуративов и фразеологических единиц с квантитативным значением; на синтаксическом уровне роль одного из вербализаторов выполняют предикаты с квантитативной семантикой. Именно они и стали предметом нашего исследования. Предикат с количественным значением «характеризует субъект по размерам, весу, стоимости, количественным отношениям и

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

выражается сочетанием количественных числительных с существительными: «*Июльский денёк – семнадцать часиков*» /А. Черкасов/...» [4, 31]. Следует отметить, что на месте количественного числительного также может находиться местоимение, существительное или наречие с квантитативной семантикой.

На современном этапе развития лингвистической науки отсутствует единый общепринятый подход к структурной и семантической классификации предложений, в состав которых входит расчленённое инверсированное квантитативно-именное сочетание: одни учёные интерпретируют их как односоставные (А.М. Пешковский [8, 368], И.П. Распопов [10, 89]); другие видят в них двусоставные предложения, в которых имя соотносится с субъектом, а количественный компонент – с предикатом (Г.А. Золотова [6, 148], И.Р. Выхованец [3, 111], Ю.И. Беляев [2, 97], П.А. Лекант [7, 401], Н.М. Попович [14], А.А. Загнитко [5, 81], И.П. Ющук [13, 487]); третьи, в зависимости от формы выражения субъекта, относят их то к классу двусоставных (*Рыбы в Мсте бездна, особливо головлей* – И.Тургенев), то односоставных (*Их двое* – А.А. Шахматов [12, 141-142]).

Выделяя количественные предикаты с семантикой определённого, неопределённого, приблизительного количества, а также дистрибутивно-квантитативные предикаты, остановимся более детально на предикатах, выражающих определённое количество. Точное целое числовое значение вербализуется разными способами.

1. Цифрами, количественными числительными или количественно-именными сочетаниями, например, рус. яз.: *Девочек – восемь. Длина моста – семьдесят*

метров; укр. м.: *Ціна вродзріб 70 копійок (газ). Загальна кількість птиці – 356 тисяч голів (газ).*

Отметим, что в двух восточнославянских языках лексемы *один – одни* не находятся в числовой аппозиции, т.к. числительное *один* передаёт значение единичности, а лексема *одни* практически не несёт значения количественности, а скорее близка к семантике состояния одиночества или изолированности: (рус.: *Дети – одни*, т.е. больше с ними никого нет, есть только дети; укр.: *Батьки тепер одні*, т.б. у батьків більше нікого немає).

Таких числительных в двух языках ограниченное количество. М.А. Жовтобрюх и Б.М. Кулик выделяют 35 лексем. И. Мельник, ссылаясь на работу И.Р. Выхованца и К.Г. Городенской, говорит о функционировании 42 слов, мы же полагаем, что их количество может быть увеличено как минимум до 48 лексических единиц, которые, выступая в роли компонентов аналитических количественных сочетаний, способны репрезентировать большое количество числовых значений. Следует отметить, что наиболее частотными являются числительные до *триллиона*, числительные от *квадриллиона* до *центиллиона*, а также число *гугол* употребляются преимущественно в научных, реже – в газетных текстах русского и украинского языков. Числительное *биллион* нами не рассматривалось, поскольку в украинской и российской системе наименования чисел оно не используется.

Предикаты, выраженные количественными числительными, способны вербализовать не только конкретную количественную или числовую характеристику субъекта, который представлен номинативом, но и его возраст (субъект в данных синтаксических конструкциях употребляется в нетипичной

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

для него форме дат.п.), причём мезуративы рус.: год, лет; укр.: рік, літ могут при этом опускаться без изменения смысла высказывания: рус.: *Тирасполю – 222 года* (плакат). укр.: *«Правді» – 85* (газ.). Такой способ репрезентации субъекта и предиката в равной степени типичен для двух сопоставляемых языков.

2. Числовые значения вербализуются также **нумеративами**, которые не следует путать с числительными, поскольку счётные слова обладают не только квантитативной семантикой, но и категориями рода и числа, которые нетипичны для разряда числительных (кроме числительных *один и два*). Среди наиболее продуктивных можем назвать следующие нумеративы: рус.: *пара, десяток, дюжина, сотня* и т.д.; укр.: *пара, десяток, дюжина, сотня* (рус. яз.: *Котов у неї – дюжина. Митингуючих будет сотня*; укр.: *Їх там дюжина. А дітей у нас буде десяток – газ.*), а также целый ряд лексем, образованных суффиксальным способом от собственно количественных числительных. Одним из наиболее продуктивных является суффикс *-ник*, репрезентирующий количественную характеристику субъекта (в украинском языке) или его возраст (рус.: *тридцатник, сороковник, полтинник*; укр.: *тридцятник, сороковник, полтинник*). Отметим, что в русском языке данный класс нумеративов может также употребляется с суффиксами-модификаторами (*сороковничек, сороковушка, сороковуха и т.д.*). Например: *Тебе уже под сороковничек. Гольфу – “тридцатник”!* (газ); укр.: *Камерному оркестру – «тридцятник»* (газ.). Синтаксические единицы с именным предикатом, вербализующим определённо-количественное значение при помощи нумеративов, наиболее продуктивны в разговорной речи.

Семантику точной количественной характеристики денежных средств репрезентируют предикаты, выраженные сленговыми словами. В рус. яз. это: *пятак* (пять денежных единиц), *червонец*, *чирик* (десять д.е.), *полтинник*, *полтос* (пятьдесят д.е.), *сотка*, *сотэн* (сто д.е.), *штука*, *штукарь*, *косарь* (тысяча д.е.), *пятихатник*, *пятикат*, *пятихатка* (пятьсот или пятьсот тысяч д.е.), *лям*, *лимон* (миллион д.е.) и т.д.; в укр.: *п'ятиха* (п'ять грошових одиниць), *мазепка* (десять гривень), *четвертак* (двадцять п'ять гривень), *п'ятдесяшка* (п'ятдесят г.о.), *качан*, *сотка* (сто г.о.), *кілобакс* (тысяча доларів), *косар*, *штука*, *тонна*, *кусок* (тысяча г.о.), *лимон* (мільйон г.о.). Например, рус.: *Долг – штука зелёных. Выручка – пятихатник*; укр. м.: *Збиток – тонна рубасів. Ціна – п'ятдесяшка юксів.*

3. **Наречиями**, образованными от числительных. В рус. яз: *Ми – впятером. Вы – вчетвером*; укр. м.: *Вони – утрьох. Батьки – вдвох.*

4. **Мезуративами**, которые называют

- **длину субъекта** (в рус. яз.: *километр*, *метр*, *дециметр*, *сантиметр*, *миллиметр*; укр.: *кілометр*, *метр*, *дециметр*, *сантиметр*, *міліметр*; непродуктивны такие единицы, как рус. *микрон*, *нанометр* и *ангстрем*; укр. *мікрон*, *нанометр* та *ангстрем*; например, рус. *Ширина – метр. Длина – километр*; укр. *Відрізок – дециметр. Висота – метр*);

- **вес субъекта** (в рус. яз: *тонна*, *центнер*, *килограмм*, *грамм*, *миллиграмм* и *карат*; в укр. *тонна*, *центнер*, *кілограм*, *грам*, *міліграм* та *карат*; нечастотны лексические единицы *центиграмм* и *микрограмм*; укр. *центиграм* та *мікрограм*; например, рус.: *Его вес – тонна. Помидор – центнер*; укр.: *Картоплі – кілограм. Доза – міліграм препарату три рази в день.* Особо следует

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

говорить о лексеме *килограмм*, которая может обозначать не только вес, но и определённое количество в тысячу единиц или объём памяти в 1 Килобайт: рус.: *Флешка – на килограмм*; укр.: *Документ – кілограм*);

- **объём субъекта** (в рус.: *куб* – в значении кубический метр, *литр*, *кубический сантиметр* и *миллилитр*; укр.: *куб*, *літр*, *кубічний сантиметр* и *мілілітр*; очень редки случаи использования словосочетаний или сложных слов: рус. – *кубический километр*, *кубический дециметр*, *кубический миллиметр*, *гектолитр*, *декалитр*, *децилитр*, *сантиметр* и *микролитр*; укр. – *кубічний кілометр*, *кубічний дециметр*, *кубічний міліметр*, *гектолітр*, *декалітр*, *децилітр*, *сантимітр* та *мікролітр*; например, рус.: *Масла – литр*. *Интерферона – миллилитр*; укр.: *Води – куб*. Лексема *метр* также может обозначать 1 Мегабайт: рус. *Свободной памяти – метр*; укр. *Документ – на метр*);

- **возрастную и временную характеристики субъекта** (в рус.: *век*, *год*, *месяц*, *неделя*, *сутки* – часто в значении *день*, *час*, *минута*, *секунда*; укр.: *століття*, *рік*, *місяць*, *тиждень*, *доба*, *день*, *година*, *хвилина*, *секунда*, редко – рус. *миллисекунда* и укр. *мілісекунда*; например, рус. *Дому этому целый век*. *Щенку – год*; укр. *Дитині – місяць*. *Котеняті – тиждень*);

- для обозначения **цены субъекта** в украинском и русском языке могут быть использованы названия денежных единиц разных стран: рус. *рубль*, *гривна*, *лей*, *доллар*, *евро*; укр.: *рубль*, *гривна*, *лей*, *долар*, *євро*, реже рус. *фунт*, *франк*, *стерлинг* и т.д.; укр. *фунт*, *франк*, *стерлінг* тощо. Продуктивность использования данных единиц, по нашему мнению, обусловлена, прежде всего, характером национальной и мировой валют, а также функционированием валюты смежных государств. Следует

также отметить сдвиги в семантике лексемы *рубль*, которая в сленговой речи может обозначать не одну, а тысячу д.е.: *Новые кроссоки за рубль*.

- *ёмкость памяти или длину записи* (в рус. *тарабайт, гигабайт, мегабайт, килобайт, байт*; укр. *тарабайт, гигабайт, мегабайт, кілобайт, байт*; например, рус. *Фоток – гигабайт*; укр. *Картинка – мегабайт. Диск на тара байт*).

Как правило, предикаты, выраженные мезуративами без числительного, наиболее продуктивны в разговорном стиле и предполагают числовое значение не больше единицы в двух анализируемых языках.

Предикаты определённого количества, выражающие точное количественное значение как **совокупность, как единое целое**, вербализуются и в русском, и в украинском языках собирательными числительными, поскольку именно данный класс числительных представляет эквивалентное числовое значение, репрезентируемое количественными числительными, но с явно выраженным оттенком собирательности, называя определённое множество как совокупность, некое единое целое.

Необходимо отметить, что в русском и украинском языках количественное соотношение составных компонентов анализируемого класса слов не равнозначно, поскольку в украинском языке их на порядок больше, чем в русском. Так, литературной нормой для современного русского языка являются собирательные числительные, образованные на базе количественных числительных от двух до десяти (наиболее употребительны числительные *двое, трое, ... семеро*). Числительные от *одинадцатеро* до *девятнадцатеро* характеризуются как просторечные. В свою очередь, нормативными для украинского языка являются числительные от *двоє* до *двадцятеро*,

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

тридцятеро, а И.Мельник утверждает, что в украинском языке возможно образование собирательных и от составных числительных: *сімдесят троє, чотириста п'ятдесят двоє* и т.д. [15].

Ещё одной отличительной чертой именных предикатов с квантитативной семантикой, выраженных собирательным числительным, в украинском языке является возможность употребления уменьшительно-ласкательных производных типа: *двійко, двойко, двоєчко, трійко, троєчко, четвірко, п'ятірко, шестірко, семірко, восьмірко*, например: *Дівчаток у нас було двійко. Човнів у діда було трійко.*

В качестве функционально-стилистической особенности именных предикатов с квантитативной семантикой, выраженных собирательными числительными, в украинском и русском языках можно рассматривать их непродуктивность в научных и официально-деловых текстах.

Предикаты определённого количества, репрезентирующие **точное количество частей, выделяемых в составе целого**, могут вербализоваться:

- цифрами и дробными числительными: рус: *Отличников одна третья группы. Жилых домов три четвёртых от общего количества сооружений* (газ.); укр.: *Рідини – дві третіх пробірки* (наук.). *Моркви – одна четверта від всього врожаю.*

Наиболее часто предикаты данного типа употребляются в научном и публицистическом, спорадически – в официально-деловом и разговорном стилях русского и украинского языков:

- нумеративами: рус.: *половина, треть, четверть*;

укр.: *половина, третина, четверть, десятина* (застар.), в украинском языке функционирует и лексема *п'ятина*, которая выражает одну пятую часть чего-либо: рус.: *Русских – треть населения ПМР*; укр.: *Землі придатної до сільськогосподарських робіт лише п'ятина*;

- сочетанием префиксоида *пол-* (укр. *пів-*) или лексем рус.: *полтора, полторы, полтораства*; укр.: *півтора, півтори, півтораства* с другим целым количественным числительным, нумеративом или мезуративом, выражающими квантитативную характеристику веса, длины, объёма, возраста, цены или ёмкости памяти субъекта: рус.: *Этнических молдаван полторы тысячи. Шляп у неї – полдюжини*; укр.: *Об'єм глечика – півлітра. Слухачів – півтора мільйони*;

- конструкцией, составными компонентами которой выступают целое количественное числительное, предлог *с*, нумератив *половина* (укр. *половина*) в сочетании с другим нумеративом (редко), мезуративом или без него: рус.: *Объём оперативной памяти – два с половиной гига*; укр.: *Солдатів три з половиною дюжини. Донечці – п'ять з половиною*.

Как видим, синтаксические единицы с расчленёнными инверсированными квантитативно-именными сочетаниями учёными расценивались по-разному. Мы придерживаемся позиции ведущих языковедов И.Р. Выхованца, Г.А. Золотовой, И.П. Ющука, П.А. Леканта, Л.И. Демченко, Н.М. Попович и др., которые квалифицируют данные конструкции как двусоставные, где субъект выражается преимущественно родительным, именительным, реже дательным падежом, а предикат – цифрами, количественными, собирательными или дробными числительными, нумеративами и мезуративами без уточняющего числового компонента, количественными

Раздел II. Языки и культуры Молдовы константы и взаимовлияние

наречиями, предложно-падежными, количественно-именными сочетаниями и сочетанием неколичественного имени с количественно-определёнными словами. Квантитативные предикаты могут выражать конкретное число предметов, явлений, лиц, а также отражают возрастную характеристику субъекта, абстрактное математическое число.

Анализ способов репрезентации квантитативных предикатов со значением точного количества в русском и украинском языках выявил незначительные различия на морфологическом и на лексическом уровне, что ещё раз свидетельствуют о полнокровном развитии двух самостоятельных близкородственных языков, которые в далёком прошлом имели общую основу.

В результате нашего исследования приходим к выводу, что именные предикаты с семантикой точной количественной характеристики имеют не только широкий спектр репрезентации, развитую систему семантических оттенков, но и довольно продуктивно встречаются в текстах разных стилей в русском и украинском языках.

Литература

1. Аристотель Сочинения в четырех томах. Т. 1 // Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. – 550 с.
2. Беляев Ю.И. Синтаксис современного русского литературного языка: Учебное пособие. Херсон: Херсонский гос. ун-т, 2003. – 494 с.
3. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови / Відп. ред. Городенська К.Г. К.: Наукова думка. 1992. – 222 с.
4. Демченко Л.И. Семантические типы предикатов в эллиптических конструкциях // Проблемы теории членов предложения. Кишинев: Штиинца, 1973. – С. 23-36
5. Загнітко А.П. Основи українського теоретичного синтаксису / Відп. ред. І.Р. Вихованець. Горлівка: Б.в., 2004. – 278 с.
6. Золотова Г.А. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом «с») // Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. – С. 147 – 173,

7. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. П. А. Леканта. 3-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. – 560 с.

8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

9. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. С.Л. Радлова. Тип. Акц. Общ. Брокгауз – Ефрон, С.-Петербург, 1911. – 284 с.

10. Распопов И.П. К интерпретации синтаксических конструкций типа «ребят у неё было четверо» // Русский язык в школе. М.: Просвещение, 1971, № 5. – С. 87–90.

11. Таранец В.Г. Происхождение понятий числа и его языковой реализации (к истокам индоевропейского языка). Одесса: Б.и., 1992. – 115 с.

12. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

13. Ющук І.П. Українська мова: Підручник. 3-тє вид. К.: Либідь, 2006. – 640 с.

14. Попович Н.М. Синтаксична структура речень з числівниковим компонентом у сучасній українській мові // Дисертації та автореферати України. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://disser.com.ua/contents/5823.html>

15. Мельник І. семантичні групи від числівникових дієслівних синтаксичних транспозитів // Linguistic Studies. [Електронний ресурс]. – Режим доступу <http://www.linguisticstudies.org/home/>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И
ЛИНГВОПОЭТИКА:
ПОЛИЛОГ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

АПОФАТИКА В СОВРЕМЕННОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ:
PRO ET CONTRA

*Жаравина Лариса Владимировна,
доктор филологических наук, профессор
(Волгоград, Россия)*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности функционирования богословского понятия *апофатика* в постклассическом литературоведении как альтернативный путь анализа классических текстов. Выявляется неоднозначность данной тенденции, обосновывается необходимость поиска смысловых и художественных эквивалентов вербально неадекватных ситуаций, следствием чего является выход в сферу кросс-культурных коммуникаций.

Ключевые слова: апофатика, вербализация, компаративистика, кросс-культурные коммуникации, художественный образ.

KONCEPT APOPHATICS
IN MODE LITERARY CRITICISM

Abstract. The article deals with the peculiarities of the theological concept *apophatics* in the post-classical literary criticism as an alternative way of analysis of classical texts. Reveals the ambiguity of this trend, the necessity search of meaning and artistic equivalents verbally inappropriate situations, resulting in the field of cross-cultural communications.

Key words: apophatics, verbalization, comparativ studies, cross-cultural communications artistic image

Активное и во многом вынужденное обращение к философско-богословской терминологии в современном литературоведении бросает вызов классическому научному знанию. В наибольшей степени данная

тенденция актуализировалась в России конца XX– первых десятилетий XXI века, когда стал очевиден разрыв между теорией отражения (в основе своей – позитивистской) и установками постнеклассической гуманитаристики в различных субъектно-объектных модификациях: феноменологизм, герменевтика, экзистенциализм, синергетика и др. Одна из причин возникновения подобной ситуации коренится в доминирующей со времен античности исследовательской стратегии – свести неизвестное к известному, т. е. идти «от незнания к знанию» [9, 52]. Однако существует и альтернативное понимание феномена науки, согласно которому последняя в процессе самообновления развивается «в пространстве незнания» [9, 50]. Впрочем, и в античные времена неоднократно сталкивались с феноменом несоизмеримости величин материального, тем более духовного порядка. А Фрэнсис Бэкон, автор знаменитого «Нового Органона» (издан в 1620 г.), призывал сосредоточить внимание не на тех фактах, которые подтверждают выдвинутую теорию, а на тех, которые с ней несовместимы. Хорошо известны выделенные им четыре группы «идолов» («призраков», или симулякров по современной терминологии): *идолы рода*, коренящиеся в греховной природе человека; *идолы пещеры*, т.е. заблуждения и предрассудки, мешающие пробиться свету Истины; *идолы площади*, или *рынка*, порожденные неадекватным истолкованием слов, а также *идолы театра*, или *дворца*, влекущие полную зависимость от ложных авторитетов [1, 18 – 19]. Подобные постулаты и есть не что иное, как философский аналог теологической апофатики.

Идеи Дионисия Ареопагита, поставившего апофатику (логико-негативную форму Богопознания) на один уровень с катафатикой (логико-позитивной), оказалась поддержаны

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

западноевропейским, в частности, протестантским, менталитетом гораздо в большей степени, чем российским православием, в основе катафатическим. Но и в российской науке Нового времени, особенно в естественно-математической сфере, на принципе апофатики формировались гипотезы, не имеющие единой позитивно-логической основы: в физике и математике это принцип недостаточного основания (индифферентности) или рассмотрение мощности актуально бесконечных множеств и бесконечных чисел и т. п. [14]. И дело не только в несогласованности научных концепций, но и в постоянном расширении самого понятия «реальность». В последние десятилетия это расширение происходит за счет придания онтологического статуса нетрадиционным формам опыта: ИСС (измененным состояниям сознания), компьютерному моделированию искусственных феноменов, благодаря чему «новую» жизнь получило понятие виртуала, отождествляющегося большинством не с религиозным постижением «тонких» миров, как это было в Средневековье, но с электронно-техногенными процессами.

Что касается гуманитаристики, то в западноевропейской науке апофатические теоретико-методологические установки давно приобрели общенаучный статус. В рамках апофатики можно рассматривать тезис о *смерти человека* М. Фуко, породивший концепцию *смерть автора* Р. Барта и его последователей, теорию *языковых игр* Л. Витгенштейна: «*Можно ошибиться даже относительно высказывания “Это рука”*» [2, 69] и т.д. В свете отмеченного особую актуальность приобрел чеховский афоризм: «*Необъяснимая штука — душа. Никто не знает, где находится, но все знают, как болит*».

И тем не менее было бы непростительной ошибкой отождествлять апофатику с феноменом элементарного незнания или же с неудавшимися попытками вербального представления умонепостижимых (в данный исторический отрезок времени) проявлений человеческой экзистенции («неизреченного») или же с понятиями пустоты, зияния, провала, сформировавшими нигитологию культуры, что мы наблюдаем в наши дни. Репрезентантами апофатики могут стать различные эзотерические (точнее – иррациональные) аспекты литературного произведения: нетрадиционная причудливость образов; отрицание, жиддившееся на латентной позитивности; неожиданности стиля, свободная комбинаторика синтаксиса и пр. – т.е. все, что можно отнести к разряду непривычного, маргинального, выходящего за пределы здравого смысла и художественного канона. Особую популярность у культурологов приобрел феномен молчания, *Ното Тасенс*. Но говорить о молчании как апофатической форме духовности можно лишь в том случае, если понимать под молчанием аскетический (исихатский) опыт, самоуглубление, в основе которого молитвенный Логос. Никакого отношения к сакральности с целью освободиться от суеты мира сего и добиться иллюзии личной свободы сам по себе акт молчания не имеет. Г. В. Флоровский заметил, что *«апофатическое незнание есть скорее сверхзнание, – не отсутствие знания, но совершенное знание, несоизмеримое поэтому со всяким частичным познанием»* [15, 102 – 103]. То есть хотелось бы нам или не вполне, но миновать религиозный аспект феномена апофатики, употреблять сам термин всуе мы, разумеется, не вправе.

Но и здесь возможны различные ситуации. Вспомним строки В.А. Жуковского, исполненные глубочайшего лиризма и тончайших поэтических переживаний: *«Но льзя*

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

ли в мертвое живое передать?<...> // Неизреченному хотим название дать – // И обессиленно безмолвствует искусство?» [8, 336]. Сетования автора о невыразимости земной прелести вовсе не апофатичны, и поставленные вопросительные знаки – явная дань риторике. Поэтические образы Жуковского, вербально запечатлевшие *«вечернее земли преображение»*, столь же прекрасны, как и самое Богосозданное мироздание. Другое дело, что Жуковский не только разделял, но и художественно реабилитировал феномен вербальной невыразимости как специфики романтического искусства, о чем настойчиво говорили немецкие романтики (ср. концепцию «непонятого» Фр. Шлегеля).

А вот ход поэтических рассуждений М.В. Ломоносова, также пораженного силой необыкновенной земной красоты, совершенно иной. Строки, венчающие знаменитое *«Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния»*, также вопросительны по форме. Но это не стилистические фигуры, смысл которых очевиден, а нечто выходящее за пределы разумения человека, ощущающего себя песчинкой *«в морских водах»*: *«Скажите ж, коль пространен свет?// И что малейших дале звезд? // Несведом тварей вам конец?// Кто ж знает, коль велик Творец?»* [10, 206]. Здесь в негативно-логической форме запечатлено единственно возможное в пределах человеческого разумения толкование бесконечности Бога как Непостижимого, пребывающего в такой же непостижимой вечности. Только такое понимание апофатично, хотя внешне бесконечность Создателя выражается, как и у Жуковского, через прелести земного бытия. Но суть восхищения этими прелестями различна. У Ломоносова это вопросы-вопрошания, возникающие перед

открывшейся человеческому взору небесной «бездной», а в такой ситуации, как сказал по другому поводу М. Хайдеггер, выдающийся апофатик XX века, «начинают светиться пути к спасительному». И чем ярче свет, тем сильнее вопрошание: «Ибо вопрошание есть благочестие мысли» [16, 330] Напомним, что данная христианская добродетель имеет строго сакральную окраску: по В.И. Далю, благочестие есть не что иное, как «истинное богопочитание» [4:1, 95].

Во многом аналогичная ситуация складывается с лексическим гнездом, означающим другие апофатические предикаты Бога. На этот раз обратимся к пушкинскому «Пиру во время чумы» и, в частности, к строкам, составляющим квинтэссенцию позиции главного персонажа: «Все, все, что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Незъяснимы наслажденья – // Бессмертья, может быть, залог<...>» [11: 5, 419]. Выделим ключевые понятия, на которых держится поэтическая мысль: *гибель, незъяснимы наслажденья, бессмертья залог*. Каждое из них заслуживает обширного философско-религиозного комментария.

Мотив героической гибели у «бездны мрачной на краю» пушкинистами, как правило, оценивается сугубо позитивно: Вальсингам характеризуется как личность однозначно героического толка, сохраняющая свое «я» в условиях смертельной опасности и тем самым бросающая гордый вызов судьбе. Но так ли уж безукоризненна эта позиция?

П.Б. Струве, посвятивший отдельную статью эпитетам «незъяснимый» и «непостижимый» в поэзии Пушкина, пишет об их теологической окраске. Напоминая, что «незъяснимый» – «один из признаков верховного Божества, закрепленный европейской традицией от Бл.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Августина до Ломоносова и Державина», исследователь уточняет: «именно Пушкин придал этому русскому слову-понятию его углубленный, всеобъемлюще-мистический смысл <...> превратил его в слово, обозначающее какую-то предельную для ясного человеческого познания и разума таинственную черту <...>» [12, 259 – 264]. С этих позиций героизм Вальсильгама выглядит как не лишнее кощунство манипулирование сакральными ценностями.

И все же общий смысл пушкинского произведения вытекает не из отдельно взятых строк.

Вновь обратимся к Далю: в качестве синонимов к прилагательному *неизъяснимый* он дает: «*божественный, сверхданный, сверхземной*» и выделяет понятие «*неизъяснимое блаженство*», означающее максимальную степень «*душевного счастья*». Что же касается отвлеченного существительного «*наслажденье (-ие)*», то оно, согласно Далю, чаще употребляется для обозначения физического состояния человека; его синонимы – «*улада, утех, нега, приятность, удовольствие*» [4: 2, 520, 470].

Таким образом, получается, что представление о «*неизъяснимых наслаждениях*» сформировано в сознании пушкинского персонажа на намеренном смешении чувственного и духовного. По сути оно амбивалентно. И этот телесно-чувственный уровень героического «самостоянья» Вальсингама явственно подчеркнут синтаксическим параллелизмом: «<...> *Неизъяснимы наслажденья – // Бессмертья, может быть, залог <...> // И девы-розы пьем дыханье, – // Быть может ... полное Чумы*» [11: 5, 419].

«Как будто одна “возможность” приводит за собой другую: от наслаждений чувственности, обостряемых сознанием их гибельности, поэт (имеется в виду герой

пьесы – Л.Ж.) *восходит к наслаждениям и гибели, обостряемым мыслью о “бессмертии” (или наоборот, что в сущности все равно)*», – писал Н.В. Яковлев, один из первых комментаторов пьесы [18, 122 – 123]. Поистине все равно, ибо свет героической духовности, жажда истинной земной любви и гибельная похоть плоти пересекаются в одной точке. И так же «неслиянно и нераздельно» переплелись в классическом тексте катафатический и апофатический пафос.

И все же именно XX век с наибольшей остротой и жесткостью поставил вопрос об апофатике в искусстве. Так, В.Т. Шаламов, столкнувшись с совершенно неописанными до него явлениями – *«легкостью будущего мертвеца»*, *«горящими голодным блеском»* глазами трупа, памятью, ноющей, *«как отмороженная рука»*, – имел все основания задавать себе и читателю отнюдь не риторический вопрос: *«Имеют ли мои рассказы чисто литературные особенности, которые дают им место в русской прозе?»* [17: 6, 484]. Обычно говорят об атеизме писателя, основываясь на нередко эпатирующих высказываниях самого автора «Колымских рассказов». Знаменателен, например, финал рассказа «Необращенный»: *«Положив Евангелие в карман, я думал только об одном: дадут ли мне сегодня ужин»* [17: 1, 278]. Наверное, нетрудно понять, почему для него, сына священника, тем более для его героев, живших ощутимыми материальными ценностями (хорошая пайка, курево, несколько минут в тепле, а еще лучше – неделя на больничной койке), возможность *«религиозного выхода»* являлась *«слишком случайной и слишком неземной»* [17:1, 278], к тому же умозрительной, не имевшей никакого отношения к реалиям лагерной жизни. И, тем не менее, шаламовское творчество, воспроизводящее дно

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

жизни, несет свидетельство о Боге, но только в ярко выраженной апофатической форме. *«Мы не знаем, что стоит за Богом, за верой, но за безверием мы ясно видим – каждый в мире, – что стоит»* [17: 6, 491]. В том и заключалась миссия художника: *«познать Бога не в том, что Он есть, а в том, что не есть и не может быть Им»* [7, 19].

Знаменательно, что акцент на апофатическом миропонимании стал в последнее время предметом размышлений крупнейших отечественных мыслителей. Так, В.Н. Тростников, математик и православный мыслитель, ссылаясь на послышки Ф. Бэкона, поместил в Интернет-журнале Сретенского монастыря статью «Апофатика – основной метод науки XXI века». Конечно, речь идет о российской науке. Ученый считает, что вскоре названия наших исследований будут формулироваться примерно так: *«Эквивалентность объема непознаваемости феномена Жанны д'Арк и мироточения икон»*, т.е. задача познания феноменов высшего порядка будет заключаться в поиске метафизических эквивалентов явлений, не поддающихся эмпирико-рационалистическому релятивистскому объяснению [13].

Сразу скажем: для литературоведения, часто балансирующего на грани достоверности и догадки, это вполне приемлемый выход из ситуаций фактической неразрешимости, ибо довольно часто мы сталкиваемся с феноменами, которые, на первый взгляд, требуют подобного подхода.

Снова пойдет речь о Пушкине. Невозможно переоценить значение гоголевской интерпретации его творчества, как и пушкинского феномена в целом. Если до Пушкина русские поэты, по мнению Гоголя, выражали одну наиболее существенную доминанту национального

характера, то Пушкин явил полноту русского духа, так как в нем отозвались *«все черты нашей природы [3, 226 – 227, 231]*. Более того, эстетическая чуткость поэта выразилась в способности воспроизводить *«запах, цвет земли, времени»*, дух других народов в акте абсолютного творческого перевоплощения: *«В Испании он испанец, с греком — грек, на Кавказе — вольный горец <...>»* и т.п. [3, 231]. В дальнейшем Ф.М. Достоевский развил гоголевскую мысль, говоря о всечеловечности и всемирности пушкинского гения: *«Даже величайшие из европейских поэтов никогда не могли воплотить в себе с такой силой гений чужого, соседнего, может быть, с ними народа, дух его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его призвания, как это сделал Пушкин»* [4: 18, 147].

Казалось бы, нет оснований для принципиальных возражений и даже существенных дополнений. Но гоголевская характеристика не столь проста: пушкинская всеотзывчивость возведена Гоголем, а затем Белинским к многоликому мифологическому Протею – олицетворению многогранной поведенческой модели в самых противоположных ситуациях. Из подобного сравнения логически закономерно вытекал один из наиболее трудно объяснимых тезисов Гоголя об отсутствии в пушкинских сочинениях намека на собственное «я»: *«Все наши русские поэты <...> удержали свою личность. У одного Пушкина ее нет <...>. Поди улови его характер как человека! Наместо его предстанет тот же чудный образ, на все откликающийся <...>»* [3, 228]. Да и Достоевский, раскрыв уникальность пушкинского гения, заключил свою знаменитую речь о Пушкине в «Обществе любителей российской словесности» (1880) в духе классической апофатики: *«Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И*

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [4: 149]. Речь, видимо, прежде всего идет о тайне творчества, но которая обусловлена не чем иным, как тайной творческой личности.

Выше отмечалось, что современная апофатика научного разыскания должна основываться на выявлении мотивно-образной и семантической эквивалентности явления, выходящего за границы эмпирической достоверности. Подобный тезис прежде всего касается компаративистских разысканий, необходимости их расширения за счет кросс-коммуникативных связей.

С этой точки зрения, на наш взгляд, высказывания Гоголя и Достоевского напрямую сближают феномен Пушкина с восточным архетипом *благородного мужа*. Как известно, в европейской мифологии многоликость и многогранность поведенческой модели возводится к мифологическому Протею. В древнекитайской же мысли основой сравнений чаще всего становились природные стихии, в нашем случае *вода* – «*мать всех вещей*», «*корень неба и земли*». «*Высшая добродетель подобна воде*», – утверждает в трактате Лао-цзы, т.к. главное свойство воды заключается в том, что, принося пользу «*всем существам*», она «*не борется [с ними]*» [6: 1, 115 – 117], то есть в силу собственной текучести принимает форму этих «*существ*», какой бы та ни была. Таков и *благородный муж*: он «*поступает в соответствии с положением, [в котором он находится] <...>*. *Когда он находится в положении богатого человека, он поступает как богатый человек; когда он находится в положении бедного человека, он поступает, как бедный человек; когда он находится среди варваров, он ведет себя, как варвар <...>*» и т.д. [6: 2, 122–123].

Разве в данных формулах восточного этикета не видится параллель пушкинской всеотзывчивости, т.е. античному протеизму? Более того, здесь вступают в свои права евангельские коннотации: во-первых, с водой связан акт крещения, т.е. нравственное преобразование, а во-вторых, возможность утоления «духовной жажды» (Пушкин) «из духовного последующего камня», которым был Христос (1 Кор.: 10, 4).

Благородный муж не идет вопреки обстоятельствам и среде, а подчиняется им. Но подчеркнем: подчиняется добровольно, в соответствии с учением о *середине*, стремясь избежать пристрастных отклонений в какую-либо сторону, тем более насильственных изменений сущего. Можно сказать: Пушкин с его концепцией «самостоянья человека» [11:3, 468] – русский вариант подобной этической модели. Естественная привязанность к «привычкам бытия», подчиненность нормам человеческого общежития не тождественны погруженности в бесплодную суету буден, а требование «*читать самого себя*» неотделимо от уважения к достоинству других. Но, как отмечалось, наиболее трудно объяснимым в раздумьях Гоголя о Пушкине представляется тезис об отсутствии в сочинениях намек на собственное «я». Впрочем, и этот тезис согласуется с представлениями о *благородном* (идеальном, совершенном, мудром) муже. «*Совершенный человек не имеет [собственного] я <...>*»; «*большой человек лишен самого себя <...>*» [6:1, 271] и т.п.

Поэтому закономерно, что сам Пушкин, как и вслед за ним Гоголь, как и древнекитайские мыслители апеллировали к феномену *эхо*. Пушкин: «*На всякий звук // Свой отклик в воздухе пустом // Родишь ты вдруг <...> // <...> Таков // И ты, поэт!*» [11: 3, 227]. Гоголь: «*Одному Пушкину определено было показать в себе это*

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

независимое существо. Это звонкое эхо, откликающееся на всякий отдельный звук, порождаемый в воздухе» [3, 228]. Разумеется, пушкинская, а вслед за ним гоголевская характеристика *поэта-эхо* скорее всего генетически восходит к идеям «незаинтересованного» эстетического суждения И. Канта, что, однако, не препятствует ее типологической близости, например, со сравнением Гуань Чжуна (VII в. до н. э.): *благородный муж «сопутствует»* вещам и явлениям. *«Это значит, что он своевременно реагирует на них. Это подобно тому, как тень следует за предметом, эхо – за звуком» [6: 2, 31].*

В заключение отметим, что понятие апофатики и связанный с ним комплекс методологических решений, имея в литературоведении весьма специфическую сферу применения, сосуществует, не конкурируя, с традиционными формами анализа, расширяя возможности прочтения классических текстов, в частности, и сферу гуманитарной компаративистики в целом.

Литература

1. Бэкон Ф. Соч. в 2 т. Т. II. М., 1978.
2. Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии, 1991, № 2.
3. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М., 1990.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М. 1955. Репринт. СПб. М., 1881.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26. Л., 1984.
6. Древнекитайская философия. Собр. Текстов. В 2 т. М., 1972 – 1973.
7. Жаравина Л.В. «У времени на дне»: эстетика и поэтика прозы Варлаама Шаламова. М., 2014.
8. Жуковский В.А. Собр. соч. В 4 т. Т. I. Стихотворения. М. – Л., 1959.
9. Кузнецова Н. И., Розов М. А., Шрейдер Ю. А. Объект исследования – наука. М., 2012.
10. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986. (Библиотека поэта; Большая серия).

11. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1957 – 1958.
12. Струве П.Б. «Неизъяснимый» и «непостижимый». Из этюдов о Пушкине и пушкинском словаре // Пушкинский сборник / Русский ин-т в Праге. Прага, 1929.
13. Тростников В.Н. Апофатика – основной метод науки XXI века // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/apophatica.htm/>. Обращение от 29. 01. 2015.
14. Катасонов В.Н. Апофатика и наука // <http://katasonov-vn.narod.ru/apoph.html>. Обращение от 10. 01. 2015.
15. Флоровский Г.В. Византийские Отцы V – VIII веков. Из чтений в православном богословском институте в Париже. Париж, 1933. Репринт: М., 1992.
16. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. СПб., 2007.
17. Шаламов В.Т. Собр. соч. В 6 т. М., 2004 – 2005.
18. Яковлев Н.В. Об источниках «Пира во время чумы» (материалы и наблюдения) // Пушкинист-IV. Пушкинский сб. памяти проф. С.А. Венгерова. М. – Пг., 1923.

РЕЛІГІЙНІ ІМАГОТИПИ ІУДЕЯ: ВІД ВАЛЬТЕРА СКОТТА ДО МИКОЛИ ГОГОЛЯ

*Левицька Тетяна Олегівна,
аспірант
(Кам'янець-Подільський, Україна)*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИМАГОТИПЫ ИУДЕЯ: ОТ ВАЛЬТЕРА СКОТТА ДО НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ

Аннотация. Используя методы исследования одной из новейших отраслей компаративистики – имагологии, автор статьи исследует исторические, культурологические, социологические и психологические аспекты имаготипов иудея в романе В. Скотта «Айвенго» и повести Н. Гоголя «Тарас Бульба».

Ключевые слова: имагология, религиозный имаготип иудей, романтизм, роман.

RELIGIOUS IMANOTYPS OF THE JEW: FROM WALTER SCOTT TO NIKOLAI GOGOL

Abstract. Using the latest methods of one of the branches of comparative literature – imagology, the author investigates historical, cultural, sociological and psychological aspects of imagotype of the Jew in W. Scott's novel "Ivanhoe" and N. Gogol's story "Taras Bulba".

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Key words: imagology, religious imagotype of the Jew, romanticism, novel.

Доба романтизму в Європі відзначалася інтенсивним процесом формування націй та секуляризації суспільства, тому в центрі пошуків романтиків постійно перебувала проблема трансформації релігійної свідомості та кристалізації національної ідентичності, котра стала стрижневою у творчості багатьох письменників. Процес формування національної ідентичності в літературі розглядається з перспективи бінарної опозиції «свого» та «чужого», яка в сучасній науці є засадничою для висвітлення проблем індивідуальної, колективної, національної ідентичностей тощо. На думку культуролога Гасана Гусейнова, у кризові моменти переосмислення своєї ідентичності, коли власна культурна традиція в уявленні людей підірвана, образи «чужих» («чужинних») культур, усвідомлено або ні, набувають особливого сенсу та ваги [Цит. за: 7, 137]. Дослідження уявлень одних народів про інших, які сформувалися в процесі тривалих контактів між ними, сьогодні є одним із актуальних перспективних напрямів досліджень у різних науках. З огляду на посилення в сучасному світі міжрелігійних, наднаціональних (об'єднавчі процеси у Європі) і глобальних діалогічних тенденцій, комунікативно-рецептивні аспекти в літературі дедалі більше цікавлять і літературознавців.

З огляду на актуальність цієї проблематики варто розглянути її у площині літературознавчої імагології: як співвідносяться релігійні стереотипи, поширені в буденній свідомості, і літературні образи, що використовують їх як будівельний матеріал для творення мистецького ефекту.

Об'єктом дослідження є один із найвідоміших романів В.Скотта «Айвенго» та повість М. Гоголя «Тарас

Бульба». **Предметом** дослідження є релігійні імаготипи іудея, що конструюють не лише індивідуальні риси, а релігійну ідентичність зображуваних персонажів, подаючи певні їхні ознаки як «типові» для adeptів даної релігії. За своєю **структурою** ці літературні релігійні іміджі є деталями, які використовувалися згаданими авторами для репрезентації усєї групи adeptів іудаїзму.

Під час дослідження широко використовувалися методологічні надбання сучасної імагології – а саме ідеї, висловлені у працях М. Беллера [8], Ж. Леерсена [11], М. Кадота [9], Х. Дізерінка [10] та інших. Проблеми формування й інтерпретації релігійних іміджів в художній літературі доби романтизму досліджували Д. Райлі-Сміт [12], Дж. Вотт [15], І. Варрак [14], В. Будний [1], Д. Наливайко [4], В. Орехов [5] та ін.

На думку С. Дудакова, до початку доби романтизму імідж іудея, створений у світовій літературі християнськими письменниками незалежно від їх етнічного чи національного походження, будувався на цілком визначених міфологемах і мав двоїсту природу: з одного боку, старозавітна історія визначала «високий іміджевий стиль», а з іншого – вже євангельською традицією було сформовано «низький іміджевий стиль» іудея [3, 64]. Характерно, що образ іудея в нехристиянських середньовічних літературах арабського світу негативного іміджу не мав [10, 489].

На початку XIX ст. в європейських країнах у літературні твори потроху почав проникати образ «позитивного» іудея. Однак майстри художнього слова на батьківщині Шекспіра ще продовжували залишатися під впливом грандіозної фігури суворого венеціанського купця Шейлока. Для російської літератури цього періоду іудей був чужорідним елементом і знаходився за її межами. Чи

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

не першим англомовним письменником, хто потрактував імаготип іудея позитивно, був Вальтер Скотт. Одним з перших, хто ввів у російську літературу імаготип іудея був Микола Гоголь.

У романі Скотта «Айвенго» йдеться про молодого Сакса на прізвисько Айвенго, який, потрапляючи у різні пригоди, одного разу був врятований іудейкою і іудеєм. Отже, два образи, які нас цікавлять у цьому романі, – це лихвар Ісак і його донька Ревека. У перший раз зустрічаємо Ісака в замку Седріка, куди він попросився переночувати:

«Introduced with little ceremony, and advancing with fear and hesitation, and many a bow of deep humility, a tall, thin old man, who, however, had lost by the habit of stooping much of his actual height, approached the lower end of the board. His features, keen and regular, with an aquiline nose, and piercing black eyes; his high and wrinkled forehead, and long gray hair and beard, would have been considered as handsome, had they not been the marks of a physiognomy peculiar to a race which, during those dark ages, was alike detested by the credulous and prejudiced vulgar, and persecuted by the greedy and rapacious nobility <...>»¹ [13, 62].

---

¹ «Впущений без усіляких церемоній, до зали боязкою й нерішучою ходою ввійшов сухорлявий старий, доволі високий на зріст; він на кожному кроці відважував смиренні уклони й від звички схилятися у поклони здавався нижчим, ніж був насправді. Риси його обличчя були тонкі та правильні; орлиний ніс, проникливі чорні очі, високе чоло, поборознене зморшками, довге сиве волосся й велика борода могли б справити сприятливе враження, якби не так різко викривали його належність до племені, яке у ті темні віки було предметом відрази для марновірних і неосвічених простолюдинів, а з боку корисливого й жадібного дворянства піддавалося найлютішому переслідуванню».

Зовнішність Ісака заслуговувала б на повагу, якби деякі риси не так різко викривали його приналежність до племені, яке в ті темні віки було предметом відрази та переслідувань.

Вперше згадки про іудеїв подані у повісті М. Гоголя «Тарас Бульба» наприкінці першого розділу, коли Тарас приїздить з синами на Січ, де він *«подивиться на перші подвиги їх у військовій науці та бенкетуванні, яке вважав теж за одне з головних достоїнств лицаря»* [2, 30]. Окрім козаків Січ була сповнена *«майстровими, які тут-таки справляли ремесло своє, то людьми всіх націй, що наповнювало це передмістя Січі, яке було схоже на ярмарок і одягало й годувало Січ»* [2, 31]. Серед цих *«людей всіх націй»* особливо виділяються *«спонукувані сильною корисливістю жиди, вірмени й татари»* [2, 34].

На перший погляд складається враження, що письменник забражає іудеїв не просто як релігійних ворогів православних козаків, а й відкрито зневажає їх всією душею. Автор ніби позбавляє представників іудейської віри усіх людських почуттів та наділяє таким рисами, які можуть викликати лише зневагу та відразу у будь-якої людини: *«<...> кричав один високий і тонкий, як палиця, жид, висунувши з купи своїх товаришів жалібну свою пику, спотворену страхом»* [2, 40].

Колоритно змальовуючи іудейські будинки, автор порівнює їх з багном:

«Ця вулиця дуже скидалася на вивернуте нутро заднього двору. Сонце наче й не заглядало сюди ніколи. Геть почорнілі дерев'яні будинки з силою-силенною вистромлених із вікон жердок, іще побільшували той морок. Де-не-де червонів поміж ними цегляний мур, та й той у багатьох місцях зробився вже зовсім чорний. Іноді

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

лише обтінтькований угорі имат стіни, осяяний сонцем, блищав нестерпною для ока білиною. Тут наче хто навмисне позбирав усе вкрай несумісне одне з одним: ринви, ганчірки, лушпайки, викинуті клепки з розбитого шаплика. Всякий, що тільки мав негодяще, викидав те на вулицю й давав перехожим чудову нагоду задовольнити всі свої чуття тим паскудством» [2, 40].

Для опису будинку Янкеля Гоголь знаходить такі слова:

«Він [Тарас Бульба] під'їхав просто до нечепурної брудної невеличкої хатки, у якій ледве видно було маленькі віконця, загиджені хто-зна чим; димар був заткнутий ганчіркою, а дірява стріха вся вкрита горобцями. Перед самими дверима лежала купа всякого сміття. З вікна визирнула голова жидівки в очіпку з потемнілими вже перлами» [2, 51].

А самому Янкелю Гоголь дає просто убивчу характеристику:

«Цей жид був той самий Янкель. Він був орендарем та шинкарем і прибрав помалу до рук усіх навколишніх панів і шляхтичів, висмоктав потроху майже всі гроші й дуже яскраво виявив свою жидівську присутність у тім краю. На три милі кругом не лишилося жодної доброї хати, все розвалювалось і падало, все порозпивалось, і zostалися самі злидні та дрантя, – немов після пожежі або чуми спорожнів увесь край. І коли б ще років із десяток пожив там Янкель, то він запевне спустошив би й ціле воєводство» [2, 51];

Найбільш показовою у повісті є розповідь козаків про безчинства іудеїв на Україні: *«жидівки шиють спідниці з попівських риз» [2, 48], «<...> жиди орендують*

православні церкви» [2, 49]. І як результат такої поведінки іудеїв – розгнівана православна «юрба ринула на передмістя з бажанням перерізати всіх жидів» [2, 49].

Як показує М. Гоголь, іудеї призвичаїлися до сусідства із запорожцями, вигідно використовуючи лиху козацьку вольницю для власної вигоди. Саме психологія нувориша, що яскраво і проникливо розкрита в образі Янкеля, чи не найбільш відштовхувала козаків-християн від «братських» стосунків з торгашами-іудеями. В цьому контексті характерним є діалог Янкеля та Тараса під час козацького збору у похід. Автор зазначає, що хоча минуло зовсім небагато часу після того, як Бульба врятував Янкеля від гніву козаків-товаришів та вірної смерті, цей іудей, не зважаючи на загрозу життю, не утік, а готується до майбутнього гендлю з козаками:

«Нехай пан тільки мовчить та нікому не каже: між козацькими возами є один мій віз. Я везу всякий потрібний крам для козаків і по дорозі приставлятиму всякий харч за таку дешеву ціну, за яку ще жоден жид не продавав <...>. Здвигнув плечима Тарас Бульба, подивувався з меткої жидівської натури і від'їхав до табору» [2, 32].

У повісті Гоголя іудеї зображаються як кровопивці, для яких головним є лише гроші: *«Жид миттю схопив рушника й накрив ним червінці. – Ай, славні гроші! Ай, добрі гроші! – примовляв він, повертаючи на всі боки червінець у руках і пробуючи його на зуби» [2, 102].*

У вольтер-скотівському «Айвенго» імідж іудея теж пов'язується зі скупістю. Зокрема, один з розбійників, під час нападу на Гурта, не повіривши у його розповіді про фінансову допомогу Ісака, зазначив:

«Bethink thee, man», said the Captain, «thou speakest of a Jew – of an Israelite, – as unapt to restore gold, as the dry sand of his deserts to return the cup of water which the pilgrim

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

---

spills upon them» . «There is no more mercy in them», said another of the banditti, «than in an unbribed sheriffs officer»² [13, 102].

Майже усі герої роману «Айвенго» вважають іудеїв обдиралами, «павуками, які висмоктують кров», проте «<...> spiders are stood, while they quietly sit on corners, but as only they will get out on light - they are pressed»³ [13 77]. Для багатьох героїв роману іудеї – народ, який є підступним, однак «фінансовоспроможним», і стосунки з ними потрібні лише у хвилини крайньої необхідності. Хоча закони держави та здоровий людський глузд мали б захищати іудеїв, насправді – іудеї зображаються безправними та беззахисними: « <...> you have cause for your terror, considering how your brethren have been used, in order to extort from them their hoards, both by princes and nobles»⁴ [13, 78]. Тому не дивно, що Ісак завжди чогось боїться і перед усіма схиляється, адже в ті часи «<...> for, except perhaps the flying fish, there was no race existing on the earth, in the air, or the waters, who were the object of such an unintermitting, general, and relentless persecution as the Jews of this period»⁵ [13, 78].

---

² «Ти говориш про іудея: та вони не розлучаться з золотом, як сухий пісок у пустелі з куклем води... щедрість іудея – їй Богу таке ж чудо, як та вода, яку його пращури добули з каменя у пустелі»

³ «<...> павуків терплять, поки вони смирно сидять по кутках, а як тільки вони вилізуть на світ – їх убивають».

⁴ «<...> принци і дворяни безжально розправляються з твоїми побратимами, коли хочуть вичавити з них гроші»

⁵ «в ті часи не було на землі, у воді і в повітрі жодної живої істоти, тільки, мабуть, за винятком літаючих риб, яка б піддавалася такому

Гоголь зазначає, що іудеї були боягузливими і позбавленими почуття власної гідності: *«Бідні сини Ізраїлеві, розгубивши рештки свого й без того мізерного духу, ховалися в порожніх горілчаних бочках, у грубах і навіть заповзали під спідниці своїх жидівок»* [2, 40]. За словами автора, заради порятунку власної шкури іудеї готові продати своїх побратимів. Щоб врятувати себе, Янкель стверджує: *«То зовсім не наші, ті, що орендарують в Україні! Йй-богу, не наші! То не жиди: то чорт зна що! То таке, що тільки поплювати на нього та й кинути!»* [2, 40].

У Вальтера Скотта, незважаючи на те, що іудейський народ постійно зазнавав гонінь та принижень, іудейка Ревека не лише не приховує, але навіть пишається своїм походженням, готова обстоювати та захищати свою віру навіть ціною власного життя: *«I can die for it (religion), if it be God's will»*⁶ [13, 232]; *«I may not change the faith of my fathers like a garment unsuited to the climate in which I seek to dwell»*⁷[13, 237].

На відміну від Гоголя Вальтер Скотт зображує іудеїв не лише як безсоромних лихварів, а як людей, що добре знають медицину. Автор зазначає, що іудеї, як чоловіки, так і жінки, володіли глибокими знаннями в усіх різновидах медичної науки і практикували з таким успіхом, що у разі тяжких поранень чи хвороб монархи і могутні барони зверталися за допомогою до того чи іншого

загальному, безперервному і безжалісному переслідуванню, як іудейське плем'я».

⁶ *«Якщо Богові буде потрібно – я помру за свою віру».*

⁷ *«Не можу я змінювати віри батьків моїх, як міняю сукню в залежності від тієї країни, де збираюся оселитися»*

Роздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

мудреця зневаженого племені. Християни були переконані у тому, що іудеї володіли чаклунством та знаннями в кабалістиці, сама назва якої походила від таємної науки ізраїльських мудреців. Іудеї не намагалися спростувати чутки про їхні зносини з надприродними силами, через те, що ці чутки жодним чином не могли полегшити християнську ненависть до них, окрім того, вони сприяли менш презирливому ставленню до цього племені. Проте, беручи до уваги деякі неймовірні зцілення ними тяжких хвороб (випадки, занесені в літописи), можна передбачити, що іудеї дійсно володіли таємницями зцілення, які передавали з покоління в покоління, але ретельно приховували від християн, серед яких вони жили.

Найкращі та найдостойніші риси в імаготип іудея вносить Ревека – донька Ісаака. Вона вирізняється не лише своєю освіченістю у різних сферах, але й витонченою красою:

«The brilliancy of her eyes, the superb arch of her eyebrows, her well-formed aquiline nose, her teeth as white as pearl, and the profusion of her sable tresses, which, each arranged in its own little spiral of twisted curls, fell down upon as much of a lovely neck and bosom as a simarre of the richest Persian silk, exhibiting flowers in their natural colors embossed upon a purple ground, permitted to be visible – all these constituted a combination of loveliness, which yielded not to the most beautiful of the maidens who surrounded her»⁸ [13, 69].

---

⁸ «Її очі виблискували, тонкі брови вигиналися гордовитою дугою, білі зуби виблискували, як перли, а густе чорне волосся розсипалося на груді й на плечі, прикриті довгою сімарию з пурпурового перського шовку, гаптованого мов живими квітами, і спереду скріпленою безліччю золотих застібок, прикрашених перлами, – усе разом

Відповідно на цей образ реагують і християни: «*this is no Jewess! But an angel from heaven*»⁹, «*a pearl of Zion*»¹⁰, – говорить про Ревеку Гурт; «*The Rose of Sharon and the Lily of the Valley*»¹¹ – пріор Еймер; «*Fair flower of Palistine*»¹² – Буагильбер [13]. Безперечно, її образ викликає у читачів співчуття і симпатію.

Зневагу до іудеїв не приховує жоден з героїв повісті Гоголя. Почасти сам головний герой – Тарас Бульба називає їх собаками, зрадниками, брехунами тощо: «*Брешеш, чортів Юдо! – несамовито крикнув Тарас, зовсім не пам'ятаючи себе. – Брешеш, собако! Ти й Христа розіп'яв, проклятий від Бога лиходію! Я тебе вб'ю, сатано! Тікай відсіля швидше, а ні – тут тобі й смерть!*» [2, 70]. Чи: «*Та брешеш ти, свиняче вухо!*» [2, 69].

Ставлення християн до Ісака у романі Вальтера Скотта часом навіть бруталне. Таке відношення до іудеїв у середньовічній Європі було повсемісним, і не було вигадкою автора, адже в кінці XII ст. одноплемінники Ісака були вигнані з Британського королівства. Протягом наступних століть їх існування в Англії було не тільки принизливим, а й напівзаконним [13, 476]. Перше, що вражає читача – це ставлення християнських священників до Ісака. Такі вирази, як «безбожний пес» або «проклятий брехун», нерідко злітають з уст навіть святих отців [13]. Однак сам Айвенго ставиться до іудеїв з розумінням і співчуттям, навіть тоді, коли йому «не личить» зближуватися з ними більше, ніж того вимагають обставини [13]. Вальтер Скотт описує і справжню

створювало таке чарівне враження, що Ревека могла суперничати з будь-якою із найвродливіших дівчат, які сиділи навколо.

⁹ «*Це не іудейка! <...> Це янгол з раю.*»

¹⁰ «*перлина Сиону.*»

¹¹ «*Роза Сарона й лілея долин.*»

¹² «*Чарівна квітка Палестини.*»

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

юдофобию: «*Old thou mayst be*», replied the knight «*more shame to their folly who have suffered thee to grow grey in usury and knavery*»¹³ [13, 210]. З одного боку, Ісак зображений як жадібний і егоїстичний іудей, з іншого – як люблячий батько і простодушна і добра людина. Він любить гроші, однак не шкодує їх на звільнення дочки і на допомогу Айвенго. Отже, імаготип іудея автор подає багатогранним, не таким, як зображали іудеїв у часи Середньовіччя. Письменик змальовує іудеїв як людей, що добре знають медицину і допомагають лікувати християн. На його думку, іудеї не тримають ненависті на інших за їх ставлення до себе [13, 230].

У Гоголя є показовим момент якнелевої спроби врятувати Остапа, й не даремно саме до Янкеля прийшов Бульба прохати про допомогу. Коли іудей побачив Тараса, «*так і постали жидові перед очима насамперед дві тисячі червінців, що були обіцянні за його голову <...>*» [2, 93]. Звичайно, Бульба спонукає його до небезпечної справи за допомогою щедрої грошової обіцянки. Можна розмірковувати про те, чого більше в Янкелевих вчинках – вдячності за колишній порятунок Тараса від розгніваних запорожців, чи звичайного співчуття, важливо те, що в Янкелевій душі людське бере гору над користою: «*Янкель посоромився своєї корисливості й силкувався придушити в собі вічну думку про золото, що, наче черва, обвиває душу жида*» [2, 394].

Очевидно, що, створюючи образ Ісака, В.Скотт прагне зруйнувати стереотип іудейської боягузливості. Ісак проявляє такі риси, як рішучість та почуття власної

---

¹³ «*Що ти старий, це вірно, – відповідь лицар, – тим більше сорому тим, хто допустив тебе дожити до сивого волосся, бо ти погруз по вуха у хабарництві і шахрайстві. <...> однак про твої багатства відомо всім*».

гідності, коли опиняється у підвалі і відмовляється платити норману викуп, доки не впевниться, що його донька у безпеці. Це прояв вражаючої мужності та безстрашності, адже на нього чекають найжахливіші тортури:

« - *I will pay thee nothing – not one silver penny will I pay thee, unless my daughter is delivered to me in safety and honor! - Art thou in thy senses, Israelite?*’ said the Norman, sternly – ‘*has thy flesh and blood a charm against heated iron and scalding oil?*’ - *I care not!*’ said the Jew, rendered desperate by paternal affection; ‘*do thy worst. My daughter is my flesh and blood, dearer to me a thousand times than those limbs which thy cruelty threatens*»¹⁴ [13, 181].

Окрім того, Ісак не позбавлений і почуття вдячності. Це проявляється у ситуації з безкорисливим порятунком християнського лицаря Айвенго:

«*The Jew twisted himself in the saddle, like a man in a fit of the colic; but his better feelings predominated <...> «Holy Abraham!*» he exclaimed, «*he is a good youth, and my heart bleeds to see the gore trickle down his rich embroidered hacqueton, and his corslet of goodly price – but to carry him to our house! – damsel, hast thou well considered? – he is a Christian, and by our law we may not deal with the stranger and Gentile, save for the advantage of our commerce. <...> Nevertheless, the good youth must not bleed to death. Let Seth and Reuben bear him to Ashby*»¹⁵ [13, 89].

---

¹⁴ «Нічого тобі не дам! Жодного срібного пенні не побачиши від мене, поки не повернеш мені дочку в безпеці і цноті! – Чи не з’їхав ти з глузду, юдею? – суворо запитав норман. – Чи твоя плоть і кров заговорені проти розжареного заліза й киплячої оливи? – Мені байдуже! – вигукнув Ісак, доведений до відчаю зганыбленим почуттям батьківської любові. – Чини зі мною, як знаєш. Моя дочка – справді кров і плоть моя, вона мені в тисячу разів дорожча за власне тіло, яке ти погрожуєш понівечити».

¹⁵ Ісак зігнувся в сідлі, ніби від болю, але великодушність, проте, взяла гору над почуттями, звичнішими для нього. – Праведний Аврааме! -

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

У повісті Миколи Гоголя «Тарас Бульба» імаготип іудея є «чужим» і ворожим імаготипу «свого» – християнській «душі», антиподом козацькій самобутності та традиційним соціальним засадам українця. Виявлений же у романі Вальтера Скотта «Айвенго» релігійний імаготип іудея хоча багато у чому і відбивав самосвідомість європейців середньовіччя, їхнє відчуття власної етнічної та релігійної ідентичності, водночас є більш глибоким, багатограним та толерантним за гоголівський.

Як показав час, роман «Айвенго», котрий був чи не найпопулярнішим романом першої половини XIX ст., багато у чому змінив суспільну свідомість та усталений релігійний імаготип іудея у Європі, що сприймався читачем уже не як імаготип «чужого», а як імаготип «іншого», викликаючи у нього більшою мірою симпатію та зацікавленість, а не відразу та страх, як у читача гоголівського «Тараса Бульби».

Література

1. Будний М. Порівняльне літературознавство. К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 430 с.
2. Гоголь М. Зібрання творів: У 3 т. Т.1. К.: Державне вид-во худ. літ., 1952. – 527 с.
3. Дудаков С. Ю. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX-XX вв. М.: Наука, 1993. – 285 с.
4. Наливайко Д.С. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI-XVIII ст. К.: Основи, 1998. – 580 с.

вигукнув єврей. – Він добрий хлопець, і в мене серце болить, коли я бачу, як кров просякає його вишивану куртку й тече по панциру, що таки недешево обійшовся. Але взяти його до нашого будинку? Подумай гарненько, що ти кажеш! Адже він християнин, а за нашими законами нам дозволяється вступати в стосунки з іновірцями та язичниками лише в торгових справах. <...> Проте не можна допустити, щоб цей щирий хлопець до смерті сплив кров'ю! Поклич Сифа та Рейбена, нехай несуть його в Ашбі».

---

5. Орехов В.В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французком литературном диалоге). Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
6. Пржецлавский О.А. Воспоминания // Русская старина, 1883, № 14. – С. 488-489.
7. Фінберг Л. Українсько-єврейські взаємини: історична міфологія, яка перемагає інтелектуалів // Дух і Літера, 1998, № №3-4. – С. 137-146.
8. Beller M. Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters [a critical survey]. – Amsterdam – New York: Editions Rodopi B.V., 2007. – 476 p.
9. Cadot M. L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839 – 1856). Paris : Fayard, 1967. – 641 p.
10. Dyserinck H. Imagology and the Problem of Ethnic Identity [Електронний ресурс] // Intercultural Studies. – 2003.
11. Leerssen J, Imagology: a Handbook of the Literary Representation of National Characters. Rodop, 2007. – 496 p.
12. Riley-Smith Jonathan. The Crusades, Christianity, and Islam. New York: Columbia University Press, 2008. – 136 p.
13. Scott W. Ivanhoe. Penguin Books: Harmondsworth, 1986. – 511 p.
14. Warraq I. [Sir Walter Scott's Crusades and Other Fantasies](#). London: New English Review Press, 2013. – 277 p.
15. Watt J. Scott, the Scottish Enlightenment, and Romantic Orientalism // Scotland and the Borders of Romanticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 94-112.

ПОЭТИКА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН И ФАМИЛИЙ В РУССКОЙ КЛАССИКЕ XIX ВЕКА

*Колесник Любовь Анатольевна,
доктор педагогики, конференциар университетар
(Кишинёв, Республика Молдова)*

Аннотация. Статья посвящена анализу использования «говорящих» имён и фамилий русскими классиками XIX века, когда проблемы ономапоэтики проявились наиболее ярко. Характеристическая функция имени собственного как социально-знаковая устанавливает связь между именем персонажа и его бытием в образно-поэтическом пространстве художественного произведения, служит психологически обоснованной характеристикой, важнейшим средством выразительности.

Ключевые слова: ономапоэтика, «говорящие» имена и фамилии, средство выразительности.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

THE POETIC OF THE “SPEAKING” NAMES IN RUSSIAN CLASSIC LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Abstract. This article analyzes the master use of “Speaking” names of Russian classics of the 19th century. Problems of onomapoetics manifested most clearly in the time of realism in Russian literature of 19-century. The characteristic function of a proper name connects the name of the character and his life in the figurative and poetic space as a socio- symbolic communication. It is a psychological characteristic of expression.

Key words: onomapoetics, "speaking" names, a means of expression.

POETICA NUMERELOR ȘI PRENUMELOR “ VORBITOARE” ÎN LITERATURA RUSĂ CLASICĂ A SEC. AL XIX-LEA

Adnotare. Acest articol este dedicat analizei utilizării personale ale numelor și prenumelor „vorbitoare” de clasicii ruși din sec. al XIX-lea. Problemele onomapoeticii s-au manifestat cel mai bine în epoca realismului în literatura rusă din sec. al XIX-lea. Funcția caracteristică a unui nume propriu ca una de comunicare socio-simbolică leagă numele personajului cu viața lui în spațiul figurativ și poetic al operei artistice. Ea este o caracteristică cu justificare psihologică și este cel mai important mijloc de expresie.

Cuvinte-cheie: onomapoetica, nume și prenume „vorbitoare”, mijloace de expresie.

Проблемы ономапоэтики художественного текста наиболее ярко проявились в русской классике XIX века, хотя традиции употребления «говорящих» имён и фамилий складывались веками в различные периоды литературного развития. В эпоху реализма в ономапоэтике особенно ярко концентрируется характеристическая функция имени собственного. Именно реализм раскрыл широкие возможности использования собственных имён в художественных целях. Характеристическая функция как социально-знаковая раскрывает связь между именем персонажа и его бытием в образно-поэтическом художественно целом. В.Г. Белинский считал, что «в самом имени, которое истинный поэт даёт своему герою,

есть разумная необходимость, может быть, и невидимая самим поэтом» [1, 122]. «Говорящие» имена и фамилии у русских классиков XIX века связывают персонажей с жанровыми и композиционными особенностями произведения, его идейно-тематической основой, авторской оценкой. Проходя сложный путь от Лукина, Фонвизина и Сумарокова до Чехова, «говорящие» имена и фамилии усложняются, служат психологически обоснованной характеристикой героев, важнейшим средством выразительности.

Проблема эстетической характеристики имени в своё время отмечена С.Н. Булгаковым: *«Имя есть сила, семя, энергия, оно формирует, изнутри определяет своего носителя; не он носит имя, которым называется, но в известном смысле оно его носит, как внутренняя целепричина, по силе которой желудь развивается дубом, а зерно – пшеничным колосом ...»* [2, 17] Эстетическая нагрузка имени определяется художественным методом писателя, родом и видом произведения, законами его построения, превращая языковую картину мира в поэтический образ. Писатели с предельным напряжением ведут работу над словом, извлекая из него максимальный художественный эффект. Ономапэтика творчества А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Островского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Гончарова, М. Салтыкова-Щедрина, И. Тургенева, А. Чехова даёт нам богатый материал для проникновения в глубинные пласты художественных текстов. Ономастическое пространство играет организующую роль в структуре текста, конструктивную роль – в передаче человеческих взаимоотношений, возрастных оценок, оттенков интимности, официальности и других. Вызывая определённые ассоциации, автор наполняет художественное пространство литературными единицами,

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

принадлежащими его ономастикону, являющимися своеобразным зеркалом его души.

Семантика собственного имени, не всегда лежащая на поверхности, многозначна, и, чтобы понять её подтекст, необходимо выявление соотношения компонентов в системе персонажей.

Например, в романе И. Тургенева «Отцы и дети» каждое имя неслучайно, оно характеризует своего носителя. Базаров – фамилия неблагозвучная, в какой-то степени грубая, указывает на недворянское происхождение героя, которым гордился. Представляясь Николаю Петровичу как Евгений Васильев, он использует форму отчества, характерную в народной среде. Более того, так представлялись в официальной ситуации. Это говорит о том, что Базаров не хочет дружески общаться с «аристократами» Кирсановыми. Но имя Евгений совсем не характерно для разночинной среды. Вспомним, что мать Базарова была дворянкой, отец с уважением относился к дворянскому сословию и старался соответствовать его уровню. В переводе с греческого Евгений – «благородный». Это кажется странным по отношению к Базарову, который всё время нарушает правила этикета. Внешние грубость и цинизм скрывают его внутреннее благородство. Не часто автор в романе использует имя героя, чаще звучит фамилия, что подчёркивает нигилистический характер героя, его бунтарство. В символике фамилии Кирсанов – от греческого Хрисантес – златоцветный – намёк на счастье. Но счастье братьев Кирсановых – вопрос спорный. Также читатель обращает внимание на оттенок аристократизма в этимологии фамилии. На мечты о счастье, любви, безмятежной жизни на лоне природы намекает имя Аркадий. Горная местность Аркадия в Древней Греции, поэтически воспетая в идиллиях Вергилия и других античных поэтов, затем в

прозаической пасторали итальянского поэта Я. Саннадзаро, – символ таких мечтаний. Обратим внимание на тот факт, что родители Аркадия жили в любви и согласии, и в такой атмосфере любви было дано имя ребёнку, как отражение гармонии и счастья. Фамилия Анны Сергеевны Одинцовой от слова одинец – «одинокый человек, бобыль», что прямо намекает на её одиночество. У неё нет близкого друга, понимающего её, разделяющего её интересы, да она и не стремится к этому, дорожит своим одиночеством и спокойствием. Хотя это и фамилия мужа, оставившего ей после смерти всё своё состояние, но она вполне соответствует характеру Анны Сергеевны, для которой *«спокойствие лучше всего на свете»*.

Мастерское использование «говорящих» имён и фамилий русскими классиками XIX века восхищало исследователей, обращавшихся к этой проблеме. В работах Ю. Тынянова, Д. Лихачёва, Ю. Лотмана, Э. Магазаника, Д. Руденко, Н. Бонецкой, В. Михайлова, Е. Холодова и многих других освещаются отдельные стороны художественного использования собственных имён в творчестве русских писателей XIX века. Исследователи творчества А. Чехова, например, обратили внимание на тот факт, что уже в раннем периоде его писательской деятельности часто используется приём включения неэстетичных фамилий, который позже станет традицией в русской классике. «Говорящая» фамилия как воплощение образа, контрастное сочетание благозвучной фамилии и неэстетичного образа, приём скрытой метафоры, употребление фамилии вместо имени – все это представляет собой знаковую систему, которая характеризует внутренний мир героев и предназначенную им роль в произведении. В рассказах А. Чехова первоначальное знакомство с фамилией персонажа может быть обманчивым, полное и настоящее понимание

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

характера героя, оценки его поступков происходит постепенно. Автор мастерски организует подтекст, подводя читателя к открытию авторского замысла.

Учитель Лев Пустяков (рассказ «Сапоги») собирается на бал к купцу. Чтобы придать себе важность и значимость, он нацепил чужой орден, тем самым унизив себя, то есть, оказавшись «пустым местом», что соответствует фамилии. Придаёт остроту происходящему и контрастность, несочетание имени Лев (грозное, величественное животное) и фамилии от слова «пустяк», т.е. мелочь, что-то незначительное. В рассказе «Дым» Ползухин, заручившись рекомендациями влиятельных дам города, претендует на должность письмоводителя в приюте. На это же место претендует и учитель Временский, имеющий большую семью. Директор уступает Ползухину, но, когда тот уходит из кабинета, с отвращением говорит о нём: «Дрянь... негодный шаркун, бабий угодник! Гадина! Тварь!» Так в один ряд выстраиваются ключевые для характеристики персонажа слова, мотивирующие фамилию, образованную от глагола «ползать» – пресмыкаться, угодничать, добиваться благ нечестными приёмами. Так приём скрытой метафоры разоблачает героя рассказа.

Очень важны и содержательны «говорящие» имена и фамилии в пьесах А.Н. Островского. Своим лучшим произведением драматург считал комедию «Лес», в которой он наделяет своих героев именами, связанными с понятиями «счастье и несчастье», «рай – аркадия». Имя богатой помещицы Раисы Гурмыжской созвучно со словом «рай». Разгадка её фамилии кроется в другой пьесе – «Снегурочка», в которой Мизгирь рассказывает о чудесном острове Гурмызе. Это остров посреди тёплого моря, где много жемчуга. Жизнь на острове напоминает райскую. Подчеркнуто содержательны фамилии-

псевдонимы провинциальных актёров – комика Счастливецва и трагика Несчастливецва. Обратим внимание, что «говорящими» являются их имена. Счастливецва зовут Аркадием, Несчастливецва – Геннадием (греч. «рожденный»). Согласно именам, первый весьма счастлив, второй – рожден несчастливым. Правда, судьбы актёров одинаково трагичны. Сосед Гурмыжской – богатый помещик Евгений Аполонич Милонов. Его фамилия напоминает слово «миллион». Он действительно имеет солидный капитал и ни о чём не заботится, это бессмысленная, «мёртвая душа». Представитель купечества Восьмибратов – восемь братьев, таких, как он, много в России. Он умеет пользоваться другими в целях обогащения, хитрит, обманывает каждого, с кем имеет дело. Молодой человек Алексей Сергеевич Буланов, недоучившийся в гимназии, вещь в руках Гурмыжской, не имеет собственного суждения, во всём соглашается с «хозяйкой». Его фамилия от слова «буланный», означающего пеструю масть лошади, не имеющей ярко выраженной окраски. Фамилия красноречиво говорит о том, что героя сложно назвать личностью. В пьесе «Без вины виноватые» героиня переживает личную драму. Поступив на сцену, она меняет имя, словно начинает новую жизнь. Из Любови Ивановны Отрадиной превращается в Елену Ивановну Кручинину. Героиня расстаётся с именем Любовь, пережив любовные страдания, желая порвать с прошлым. В своих пьесах А. Островский с помощью «говорящих» имен расставлял акценты в создании образов купцов, представителей духовенства, аристократов, мужиков, бедных и богатых представителей русского общества XIX века.

Систему собственных имён в произведениях русских классиков можно считать явной формой присутствия автора в тексте, который в качестве важнейшего средства

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

выразительности избирает приём «говорящих» имён и фамилий, связывая его с темой, идеей, структурой своего творения.

По мнению А.Ф. Лосева, *«мысль достигает своего высшего напряжения и значения»* [3, 32] в имени, раскрывая новые грани текста. «Говорящие» имена и фамилии в литературных произведениях приобретают статус категории познания личности, развиваются от простых форм к более сложным. Заключённые в глубинный художественный контекст, они подчеркивают типичное, отображают характерное, проясняют глубину авторской мысли.

Литература

- 1.Белинский В. Г. Избранные сочинения, М., 1948.
- 2.Булгаков С. Н. Философия имени. СПб, 1998
- 3.Лосев А. Ф. Философия имени. // Самое само: Сочинения. М., 1999
- 4.Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «Говорящие» имена в литературе. Ташкент, 1978

ОБРАЗ ОТЦА В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

***Топор Габриэлла Георгиевна,
доктор филологии, конференциар университетар,
(Кишинев, Республика Молдова)***

Аннотация. В статье предлагается оригинальная классификация образов отца в мировой литературе XIX века. На примере трёх литератур выявляются типы отца-тирана, отца-жертвы и отца-скряги. Предметом анализа послужили три романа мировой литературы – «Замок Броуди» А. Кронина, «Отец Горио» О. де Бальзака и «Мёртвые души» Н.В.Гоголя. Но этот список может быть дополнен и другими произведениями мировой литературы XIX века: романами «Домби и сын» Ч. Диккенса и «Евгения Гранде» О. де Бальзака, повестью «Станционный смотритель» и трагедией «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина.

Ключевые слова: реализм, роман, тип, образ, сравнительно-типологический аспект, национальные особенности.

IMAGERY OF FATHER IN THE WORLD LITERATURE OF XIX CENTURY

Abstract. The author of the article “*Imagery of Father in World Literature of the XIX century*” referred to the theme not so investigated. Father- Original classification of character is described in this article.

The type of Father-tyrant, Father-sacrifice and Father-greed are investigated on the examples of 3 literatures. They are based on 3 novels of the World literature “Browdy Castle” by A. Cronin, “Father Gorio” by O. de Balzac and “Dead Souls” by N. V. Gogol. But to this list can be added and others literary works of the XIX century: novels “Dombay and Son” by Charles Dickens and “Eugen Grande” by O. Balsac, short story “Stational Officer” and tragedy “Greedy Knight” by A.S. Pushkin.

Key words: realism, novel, character, imagery, comparative-character aspect, national peculiarities.

IMAGINEA TATĂLUI ÎN LITERATURA UNIVERSALĂ A SECOLULUI XIX

Adnotare. Autoarea articolului *Imaginea tatălui în literatura universală a secolului XIX* a abordat un subiect mai puțin studiat. În acesta este propusă o clasificare originală a imaginii tatălui în literatura universală din secolul al XIX-lea. În baza exemplurilor selectate din trei literaturi este relevat tipul tatălui-despot, tatălui-victimă și tatălui-avar. Drept exemplificare au servit trei romane din literatura universală – *Castelul pălărierului* de A. J. Cronin, *Taica Goriot* de H. de Balzac și *Suflete moarte* de N. V. Gogol. Dar lista respectivă poate fi completată și cu alte opere din literatura universală a secolului al XIX-lea: romanele *Dombey și fiul* de Ch. Dickens, *Eugénie Grandet* de H. de Balzac, povestirea *Căpitanul de poștă* și tragedia *Cavalerul avar* de A. S. Pușkin.

Cuvinte-cheie: realism, roman, tip, imagine, aspectul comparativ-tipologic, particularități naționale.

Среди ярких образов мировой литературы выделяется образ отца. «Король Лир» У. Шекспира, «Скупой» Мольера, «Скупой рыцарь» и «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, «Егения Гранде» О. де Бальзака, «Домби и сын» Ч. Диккенса... Таков неполный перечень произведений, в которых этим образам отводится особое место. Их анализ позволяет

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

выявить определённую типологию: это отцы-тираны, отцы-жертвы, отцы-скряги и др. На примере трёх романов мировой литературы XIX века, а именно «Замок Бруды» А. Кронина, «Отец Горио» О. де Бальзака и «Мёртвые души» Н.В. Гоголя рассмотрим каждый из названных типов.

Начнём с образа отца-тирана. Таковым является Джеймс Бруды, от деспотизма которого страдает вся семья [3]. По его воле был сооружён дом-замок, мрачное и в архитектурном отношении нелепое сооружение, с претензией на аристократичность, и вместе с тем ассоциирующийся с тюрьмой, за стенами которой томятся заключённые. В доме царят страх и отчаяние, тирания и жестокость. Рушатся надежды на счастье. Льются слёзы. Совершается недозволенное. Однако в романе речь идёт о распаде семьи, об утрате семейных связей, о деспотизме, о диктаторстве и грубой силе, ломающей судьбы родных Бруды людей.

Его жертвами становятся все члены семьи. Маргарет, жена Джеймса Бруды, – бессловесная узница дома-тюрьмы. Её воля сломлена, в её жизни нет места радости, безрассудная любовь к сыну приносит ей только разочарования, боль и несчастье. Она оскорблена и унижена. В сорок два года Маргарет выглядит измождённой старухой. Её движения и манера говорить свидетельствуют, что в душе женщины глубоко поселился страх. В свою очередь, страх перед мужем породил трусость и научил Маргарет лгать. Надежда вырастить сына достойным человеком не оправдалась: в тяжёлой и мрачной атмосфере дома Бруды Мэт вырастает эгоистичным и лживым, подлым и трусливым. Бруды-старший доводит до самоубийства свою младшую дочь – Нэнси, которая не оправдала надежд отца, мечтавшего о

победе дочери и об её зачислении в престижное учебное заведение. И только старшая дочь Мери, пройдя ряд тяжёлых испытаний (нежелательная беременность, потеря любимого, изгнание из родительского дома, смерть новорожденного ребёнка, тяжелейшая болезнь, унижительное возвращение в отцовский дом в качестве кухарки, самоубийство любимой сестры), обрела себя. Порвав с отцом, покинув родительский дом и полюбив доктора Ревника, она почувствовала себя счастливой.

Роман заканчивается поражением Брудди. И если герою романа «Домби и сын» Ч. Диккенса судьба дарует второй шанс – крушение семьи и честолюбивых надежд Домби даёт ему возможность духовно переродиться, понять несостоятельность собственной философии, изменить жизнь к лучшему, то Джеймсу Брудди такая возможность не предоставляется.

Отцу-тирану в мировой литературе противопоставляется отец-жертва. К этому типу можно отнести отца Горио из романа О. де Бальзака [1].

Лишившись имущества ради дочерей, которые блистают в свете, он обрёл себя на нищенское существование в пансионе Воке и оказался покинутым, одиноким, беспомощным. Трагедия его усугубляется тем, что обожаемые дочери, несмотря на все жертвы, принесённые отцом, глубоко несчастны, а он, сделавшись бедняком, отказавшись от самого себя, растворившись в отцовском чувстве, не в силах помочь им.

Отец Горио – воплощённое самопожертвование по отношению к своим дочерям, но его отцовское чувство встречает лишь ледяное равнодушие и чёрную неблагодарность. Анастаси и Дельфина вспоминают о нём только тогда, когда нуждаются в деньгах. Дочери старика, развращённые богатством, привыкают видеть в отце некое

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

безразличное для них лицо, лишь снабжающее их деньгами. Они не помнят того, что этот человек – их отец, единственный, кто может им помочь в борьбе с жестокой жизнью. *«Дочери выжали лимон, а корку выбросили на улицу»*, – скажет впоследствии Горио. И он не винит их, он привык, что дети обирают его, помыкают им; он винит только себя, когда не в состоянии помочь им.

Сцены отчаяния Горио, его болезни и смерти – моменты высшего напряжения в романе. Его вопли и проклятия смешиваются с жалобными призывами к обожаемому дочерям. Он понимает, что покинут и несчастен и, как бы прозрев перед смертью, понимает и причину своего несчастья: *«За деньги купишь всё, даже дочерей. О мои деньги, где они?»* [1, 227]. Ощувив в предсмертный час, что на его глазах силой денег рушится святая святых патриархального буржуазного мира – любовь и почтение детей к отцам, их породившим, – Горио в ужасе пытается заявить свой протест: *«Я протестую, – если отцов станут топтать ногами, отечество погибнет!»*. Старик, никогда не признававшийся раньше, что он несчастен, теперь раскрывает всю горечь своей неразделённой страсти: *«Вечно жаждать и никогда не пить – так жил я десять лет»*.

Горио человек одной всепоглощающей страсти-мании. Мир для него – его дочери. Вне дочерей – мира нет. Если его пугает смерть, то только потому, что умереть – это значит больше не видеть их. И даже рай покажется ему адом, потому что ад для отца – это разлука с детьми. Как всякий одержимый, он глух к тому, что происходит вокруг него, если это не касается Анастаси и Дельфины. Люди существуют для Горио лишь в свете его страсти. Именно она заставляет героя переступать все нравственные нормы. *«Ведь я бы продал отца, сына,*

святого духа, лишь бы избавить моих дочек от одной слезинки». Для дочерей он готов на всё – убить, ограбить, продать самого себя. *«Я буду рабом того, кто спасёт тебя, Нази. Ради него я убью другого человека. Пойду на каторгу, как Вотрен»* [1, 203].

В своих дочерях отец Горио видит своё естественное продолжение, они органическая часть его существа, только лучшая, более совершенная и прекрасная. Через них он хочет получить то, чего не смог получить сам, что казалось для него недостижимым и невозможным. *«Моя жизнь в дочерях, – говорит он Растиньяку. – Если им хорошо, если они счастливы, нарядны, ходят по коврам, то не всё ли равно, из какого сукна моё платье и где я сплю? Им тепло, тогда и мне не холодно, им весело, тогда и мне не скучно. Когда вы станете отцом, когда услышите лепет своих деток и подумаете: “Это часть меня самого”, – тогда почувствуете, что эти малютки кровь от крови вашей, лучшее, что в ней есть, – а ведь это так, – то вам почудится, что вы приросли к их телу, почудится, будто вы движетесь, когда идут они... Словом, я живу тройной жизнью. Хотите я вам скажу одну занятную вещь: видите ли, став отцом, я понял бога. Всё сущее произошло от него, поэтому он вездесущ. Такое же отношение между мной и дочерьми. Только я люблю моих дочерей больше, чем господь бог любит мир, ибо мир не так прекрасен как господь бог, а мои дочери прекраснее меня»* [1, 226].

Горио – неотъемлемая часть мира, где единственной связью между людьми стали деньги, и он является носителем нравственных норм этого мира. Поэтому поведение дочерей только больно ранит ему сердце, но не поражает сознание. *«Отцы всегда должны дарить, чтобы наслаждаться отцовской радостью», «всегда дари, – вот*

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

твоё дело, раз ты отец» – для Горио это непреложные истины. *«Я больше не отец»*, – восклицает он и умирает, потому что больше ничего не может дать дочерям. С последней тысячью франков, отданных Анастаси, чтобы она смогла блистать в новом платье на балу, уходит и его жизнь. Умиравший Горио страстно хочет видеть своих дочерей, но знает – они не придут. *«Ах, кабы я был богат, кабы не отдал им своё богатство, а сохранил у себя, они были бы здесь, у меня щёки бы лоснились от их поцелуев. Я бы жил в особняке, в прекрасных комнатах, была бы у меня прислуга, было бы мне тепло: дочери пришли бы все в слезах, с мужьями и детьми. Так бы оно и было. А теперь ничего»* [1, 227]. Но денег нет, и остались одни химеры. *«Напишите им, – говорит он Растиньяку, – что я оставляю им в наследство миллионы. Честное слово, я поеду в Одессу делать вермишель. Я знаю способ. С моим проектом можно нажить миллионы. Об этом ещё никто не думал. При перевозке вермишель не портится, как мука или зерно. Да! Да! А крахмал? В нём миллионы. Вы не солжётё, так и говорите – миллионы. Даже если они придут ко мне из жадности, пусть я обманусь, но их увижу. Я требую дочерей, я их создал, они мои»* [1, 228].

В предсмертном бреду Горио проклинает дочерей, неблагодарных, с каменными сердцами. *«Преступницы, негодяйки! Они противны мне, я их проклинаю, я буду по ночам вставать из гроба и повторять свои проклятья, а разве я в конце концов не прав, друзья мои!»* Но это лишь минутное чувство: *«Вы прекрасно знаете, – говорит он Растиньяку, – что я их люблю, обожаю... Я их благословляю, благословляю»* [1, 233]. Таковы последние слова отца.

Дело не в том, что чувство Горио к дочерям так беззаветно, бескорыстно, жертвенно, что всё он готов

простить им. Главное – другое. В самом Горио есть трагическая вина, и он осознаёт это в финале. Он пожал то, что сам посеял. Причина его гибели заложена не только во внешних обстоятельствах, но и в нём самом. Эти обстоятельства созданы во многом его собственными руками! Горио – жертва принципа, который оказался ложным. В его страшной судьбе есть и высшая трагическая справедливость. *«Друг мой, они не виноваты! Скажите это всем, всему свету, чтобы не осуждали их из-за меня. Мой грех... Я жалкий человек и наказан поделом. Один я был причиной распущенности дочерей, я их избаловал. Теперь они требуют наслаждений, как раньше требовали конфет. Я потакал всем их девичьим прихотям. Ни в чём им не было отказа. Виноват я один»* [5, 233].

В этих словах горькая правда. Горио покупал любовь дочерей с самого детства, с раннего детства он оплачивал каждую их ласку: *«Они катались верхом, имели выезд, – короче, жили, как прежде жили любовницы у старого вельможи; чего бы им не захотелось, хотя бы очень дорогого, отец спешил выполнить их желание и за свою щедрость просил в награду только ласки»* [1, 232].

Незаметно для самого себя в отношении к дочерям Горио привнёс тот же принцип денег, что господствовал в его деловой коммерческой жизни. Слова Горио: *«Отец непременно должен быть богат, должен содержать дочерей, как породистых лошадей»*, – всего лишь выражают мораль мира, в котором он живёт. Но вся поэзия образа Горио в том, что сам он никогда её не придерживался и поступал безрассудно, как это свойственно всякой большой, безрассудной страсти. Сила его чувства так велика, так неподдельна, что оно перерастает свои ограниченные социальные рамки и достигает высоты настоящей трагедии. Как и другие герои

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

«Человеческой комедии», Горио возвышается над самим собой, над собственной социальной исторической обусловленностью. Он не только буржуазный отец, он и «Вечный отец», «Христос отцовства», мученик отцовского чувства [4, 319].

Однажды Горио сказал Растиньяку: *«Ах, мой сынок, единственное моё дитя, я предпочитаю быть бесприютным нищим. По крайности, когда любят бедняка, он может быть уверен, что любим сам по себе»* [1, 171]. Здесь, а не тогда, когда Горио говорит, что за деньги можно купить всё – даже дочерей, действительно его прозрение.

Истинно человеческое содержание его трагедии в том, что его огромное чувство так и осталось безответным. Всё потеряв, он открывает страшную истину: *«Сейчас я вижу всю свою жизнь. Они меня не любят и не любили никогда. Это ясно»*.

Трагедия Горио говорит о всесии денег, она же говорит и об их бессии. За деньги можно купить ласку, внимание, заботу дочерей, но не их любовь. А Горио всю жизнь покупал любовь – и оказался банкротом. Деньги захватили важнейшие сферы жизни и подчинили их себе, но, по убеждению О. де Бальзака, всё глубокое, истинное, непреложное не подвластно им.

Ещё один тип отца, наиболее часто встречаемый в мировой литературе, – это скряга, который всё в своей жизни подчинил золотой монете. На страницах произведений Мольера («Скупой»), А.С. Пушкина («Скупой рыцарь»), Н.В. Гоголя («Мёртвые души»), О. де Бальзака («Евгения Гранде») как нельзя ярко раскрывается именно этот тип отца.

Обратимся к образу Степана Плюшкина из поэмы Н.В.Гоголя «Мёртвые души» [2]. Подобно Горио, он тоже

раб страсти, но только страсти к накоплению, которая убивает в герое родительские чувства. Плюшкин находится во власти эгоистических чувств и желаний. Человеческое в нём совершенно стёрлось, исчезло. Но он не всегда был скупцом, когда-то слыл хорошим семьянином, отличался опытностью и знанием жизни.

Биография героя не только раскрывает реальные истоки всепоглощающей страсти, она отражает то, до какой глубочайшей деградации может прийти человек. Чем больше овладевала Плюшкиным жажда накопления, тем ничтожнее становилась его жизнь, он сам. Связи, некогда соединявшие его с родными детьми, друзьями, знакомыми, разрушены патологической скупостью.

Действительно, страшная скупость создала непроходимую пропасть между Плюшкиным и его детьми. Он выгнал дочь, проклял сына. Даже маленький внук не смог растопить сердце скупого дедушки. По отношению к самым близким людям Плюшкин не питает никаких чувств, и для них он не желает пойти ни на какие, даже самые незначительные жертвы. Их так же, как и окружающих, скупой рассматривает в качестве возможных и даже, пожалуй, самых опасных расхитителей его имущества. Поэтому он не только не принимает никаких шагов к примирению со своими детьми, но и тогда, когда дочь приезжает к нему, встречает её без всякой радости. Плюшкин прощает ей уход из дома, но поступиться чем-либо ради неё он не хочет.

Оборвав связь с окружающим миром, Плюшкин остаётся одиноким в своём стяжательстве. Изолировавшись от жизни, он чувствует страх перед ней, перед тем, что происходит вокруг него. Самому себе Плюшкин представляется беззащитным существом, окружённым людьми, готовыми каждую минуту его

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

ограбить. Он объят постоянным страхом, причём не столько за свою собственную участь, сколько за сохранность своих вещей. Всюду и везде ему чудится возможность похищения накопленных им ценностей. Обладая большим богатством, Плюшкин перед всеми, с кем он сталкивается, старается преуменьшить его, хочет предстать человеком, который принуждён бедствовать. В силу своей страсти он становится аскетом, отказывающиеся от всех радостей жизни.

Таким образом, скупость Плюшкина – это уродливое порождение паразитических форм жизни, паразитического бытия. Действительно, рыночные отношения проникли во все сферы жизни человека, включая семейные, личные. И Н.В. Гоголь показал, как практика безжалостного стяжательства вытравливает в его герое всё естественное, как его стремление разбогатеть опустошает душу, вытесняет в нём всё человеческое.

В заключение отметим, что представленная типология, конечно, далеко не полна. В изучении нуждается, на наш взгляд, персонаж, условно названный нами «отец-патриот». Таковы герои повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» и новеллы П. Мериме «Маттео Фальконе». Ради чести и долга они готовы пожертвовать самым дорогим в своей жизни – детьми. Также в более обстоятельном изучении нуждаются и образы отцов в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» – образ Болконского-старшего и Василия Курагина – отца Элен и Анатоля.

Литература

1. Бальзак Оноре. Полное собр. соч. Т. XIV. М., 1994.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6 т. Т. V. М., 1984.
3. Кронин А. Замок Броуди. М., 1990.
4. Реизов Б. Г. Французский роман XIX века. М., 1977.

ОБРАЗ УСАДЬБЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

*Карча Валентина Георгиевна,
доктор педагогики, конференциар университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. Мир усадьбы связан с глубинными пластами национальной культуры, традициями. В XIX веке образ усадьбы стал одним из наиболее заметных в русской и английской литературе. Проблема восприятия усадебного романа связана с особенностями восприятия чужой ментальности. Статья посвящена исследованию русско-английского диалога на основании общности усадебных ценностей, характерных для двух культур.

Ключевые слова: усадьба, национальная культура, традиции, поколения, поэтизация любви и природы.

THE IMAGE OF THE COUNTRY ESTATE IN RUSSIAN AND ENGLISH LITERATURE OF THE XIX CENTURY

Abstract. Country estate world is bound up with profundity layers of the national culture and traditions. The image of the country estate came to be one of the most frequency in Russian and English literature in XIX century. A problem of the perception of the country estate novel is bound with peculiarities of the perception of another mentality. This article is devoted to the research of Russian and English dialogue. This dialogue found on the community of the country estate values, which are typical for two cultures.

Key words: country estate, national culture, traditions, generation, poetics of the love and nature.

IMAGINEA CONACULUI ÎN LITERATURA RUSĂ ȘI ENGLEZĂ A SECOLULUI XIX

Annotare. Lumea conacului este legată de cele mai adânci straturi ale culturii naționale și tradițiilor. În secolul XIX imaginea conacului a devenit una dintre cele mai răspândite în literatura rusă și cea engleză.

Problema percepției romanului despre conac este legată de particularitățile percepției diferitor mentalități. Articolul este dedicat cercetării dialogului ruso-englez în baza valorilor legate de noțiunea de „conac”, caracteristic celor două culturi.

Cuvinte-cheie: conac, cultură națională, tradiție, generație, poetizarea iubirii și naturii.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Дворянская усадьба является одним из наиболее привлекательных и даже загадочных феноменов русской культуры, с которым связано множество не разрешённых до сих пор вопросов. В русской литературе XIX века этот образ был неоднократно воссоздан, осмыслен и переосмыслен. В XIX – начале XX веков он становится одним из центральных в русской литературе: обращение к образу дворянской усадьбы сопровождается переосмыслением писателями многих вопросов, поставленных русской литературой и культурой XVIII – XIX веков, а также постановкой новых проблем, связанных с дальнейшими путями развития России.

Усадьба – это своего рода проекция жизни. Поэт И.В.Долгоруков, говоря о подмосковной усадьбе Лопухиных Савинское, заметил, что ее хозяйева умели *«на десятине снять экстракт вселенной всей»*. Показывая каждую усадьбу на всём пути её существования, можно представить многообразие и богатство мира усадьбы в целом, выявить слагаемые усадебной культуры, которая дала блестящие образцы архитектурных и парковых ансамблей, искусства интерьера, плоды творческого вдохновения в поэзии, музыке, живописи, формы истинно культурного досуга и семейного общения. Кроме того, дворянская усадьба – это верность народным традициям и восприимчивость к лучшим чертам западной культуры. Всегда преломлявшаяся в личных вкусах, усадебная культура несла, таким образом, в себе общие и особенные черты. Своим полифонизмом она на протяжении веков обогащала русскую культуру.

В русской литературе XIX – начала XX веков оказались сконцентрированы нравственно-эстетические ценности, как присущие русской культуре в целом, так и уникальные, свойственные лишь дворянской усадьбе. С

образом дворянской усадьбы были соотнесены идеи Дома как вечной обители человеческой души, единства земного и небесного бытия, свободы и ценности личности, гармонии с мирозданием, глубокой взаимосвязи со всем живущим, преемственности и Памяти – родовой и культурной. Но зафиксирован и необратимый вектор исторического пути России, вступающий с этими ценностями в диалектические отношения.

В рукописи *«одного из самых задушевных своих стихотворений»*, обращённого к жене *«Пора, мой друг, пора!..»*, А.С. Пушкин писал в 1834 году: *«О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические – семья, любовь – религия, смерть»*. В этом перечислении поэт обозначил главные для него категории усадебной жизни, определяющие ее микрокосмос. *«История воспринималась им не как абстракция, не в качестве отвлеченной идеи, а как живая связь живых людей, живущих в одних и тех же родных местах, вырастающих и умирающих в одном и том же кладбище»*. При таком взгляде, – писал Ю.М. Лотман о художественном и жизненном идеале А.С. Пушкина, – дом становится средоточием и национальной, и исторической, и личной жизни. И это был не абстрактный «дом» вообще, а свой собственный Дом – единственный и реальный [5,35]. Таковым местом является родовая усадьба и родовое сельское кладбище. Через творчество Пушкина обрёл воплощение один их сакральных смыслов духовного микрокосма родовой дворянской усадьбы. Образы родовых усадеб А.С. Пушкина (Захарово, Михайловское) встречаются во многих его произведениях.

Мир усадьбы, который показан в произведениях И.А. Гончарова, представлен как мир цельный, домашний, уютный, тёплый, спокойный *«довлеющий себе»* [2,374]. В

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

картинах, отображающих мир Грачей, Маниловки и особенно Обломовки, сквозь прозаические бытовые детали проступает глубинный слой.

Картина Обломовки, начинаясь как скрупулёзно-реалистическая, постепенно перерастает в символическую. В этом, по мнению М.М. Бахтина, усматривается «глубинный замысел» писателя – *«максимально расширить толкование образа усадьбы (деревни) до превращения её в целую страну»* [2,259], которая *«откинув петровские эпохи, осталась в Азии»* [4,258].

Именно в патриархальной усадебной идиллии (Грачи – Обломовка – Маниловка) И.А. Гончаров обнаруживает *«первоисточник романтических порывов, открывающих выход для духовной энергии, не способной реализоваться в атмосфере “благодатного застоя”, и в то же время ничем не скорректированных, никак не соотносящихся с противоречиями действительности с неизбежностью горя, бедствий и потерь»* [2, 265].

Дворянские гнезда России. Этих слов достаточно, чтобы сразу же вспомнить имя И.С. Тургенева. В его творчестве понятие «дворянского гнезда» раскрыто не только в прямом смысле, как место и способ жизни дворянского рода, но и как социальное, культурное и психологическое явление.

Если в романе «Дворянское гнездо» главный герой, Лаврецкий, возвратясь из странствий в родной дом, к своим корням, получает душевные силы и способность наполнить жизнь смыслом, обретает умиротворение и понимает, что эта размеренная, далекая от суеты жизнь наполнена глубоким содержанием и именно она необходима ему, то главный герой романа «Отцы и дети», Базаров, напротив, не признаёт традиционного образа жизни и установившихся ценностей.

В романе «Отцы и дети» молодое поколение дворянства, ниспровергая традиционные нравственные и культурные ценности и устоявшийся уклад жизни, ставит под угрозу само существование родовых и дворянских гнёзд, которые являются носителями этих традиций и этого уклада. Базаров отрицает поэзию, красоту, природу, а значит, отрицает и культуру «дворянских гнёзд». Поэтому в романе «Отцы и дети» сталкиваются две культуры: дворянская культура и культура разночинцев. Но И.С. Тургенев говорит, что, в конце концов, побеждает культура русского дворянства, так как она несет основы нравственности: доброту, сострадание, милосердие, порядочность, честность, верность, то есть высокую духовность.

Во всех этих романах И.С. Тургенев доказывает, что высота духовности «дворянских гнезд» неугасима, так как в противном случае моральные основы русского народа исчезнут, а это может привести к гибели национального духа.

Мотив родового гнезда разрабатывается М.Е. Салтыковым-Щедриным в русле депозитизации. Яркий пример тому описание усадьбы исправника П.М. Хлымова из цикла «Господа ташкентцы». Сатирик, как правило, подчёркивает антиэстетизм этого родового гнезда, его враждебность своим обитателям. О возвращении домой неудачника Степана рассказывается так: *«Наконец он отыскал глазами поставленный близ дороги межевой столб и очутился на головлёской земле, которая родила его постылым, вскормила постылым, выпустила постылым на все четыре стороны и теперь, постылого, вновь принимает в своё лоно»*. Среди бескрайнего, враждебного пространства, бесконечных полей затерялась усадьба Головлевых.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Головлево больше похоже на могильный склеп, чем на родовое гнездо. Этот своего рода топонимический «персонаж» выполняет в произведении важную обобщающую функцию, связует всех героев и события романа. Описывая его, автор использует образ «гроб» (и метонимичен ему «прах»), символизирующий мёртвую замкнутость.

Можно проследить эволюцию образа дворянской усадьбы в творчестве И.А. Бунина. Литературоведы (Л.В. Ершова, Н.В. Зайцева) обращают внимание на диалектичность концепции усадьбы, а также идеализацию усадебной жизни в эмигрантском творчестве писателя. Можно говорить о двойственности отношений И.А. Бунина к миру дворянской усадьбы: негативном, *«отражающем запустение и гибель прежнего “золотого дна” русской провинции»*, и позитивном, *«связанным с глубокой и искренней ностальгией, с памятью, которой свойственно идеализировать прошлое, возвышать и романтизировать его»* [3, 105]. С точки зрения исследователя, в эмигрантский период противопоставленные друг другу позитивный и негативный ряды образов-символов приходят к диалектическому единству: *«усадебная культура представлена в них как часть общероссийской истории»* [3, 107]. Образ дворянской усадьбы сближается по своей семантике с образом России. Усадьба и Россия для И.А. Бунина равно связываются с ощущением тишины, с образом матери и берёзы, а главное – сливаются в образе утраченной и поруганной родины. Россия и усадьба остаются в прошлом, живут лишь в душе; а поскольку душа дышит вечностью, прошлое оберегает бессмертие.

Одним из источников английской усадебной литературы, как и русской, явилась пасторальная поэзия.

Именно пастораль впервые в мировой литературе представила традиционные для усадебного текста оппозиции города и деревни, цивилизации и природы, впервые показала значимость быта, открыла гуманистическое содержание частного духовно-созерцательного существования человека. В XVII веке пасторали в Англии пишут А. Поуп, Дж. Филипс, У. Каупер и другие. Два ключевых произведения в развитии популярной в Англии XVII века описательной поэзии – «Виндзорский лес» (1704 – 1712) А. Поупа и «Времена года» (1726 – 1730) Дж. Томсона. Описательная поэзия ориентировала авторов на изображение реальной природы в ее тончайших подробностях.

Вклад в формирование мироощущения и философии усадебной литературы внесла и английская «кладбищенская» поэзия: тема смерти, подобно теме природы, выступала противопоставлением суете цивилизации, земной погоне за ложными благами. «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1750) Томаса Грея оказала наибольшее влияние на литературную традицию. Параллельно развивалась литература, поднимавшая социальные проблемы английской деревни. Знаменитая поэма Оливера Голдсмита «Покинутая деревня» (1770) построена на контрастном изображении идеализированного патриархального прошлого и мрачного зрелища современной деревни, разоренной огораживаниями.

Одно из самых значительных достижений английской литературы XVIII века – становление семейно-бытового романа, психологически исследующего современную жизнь обыкновенных людей (С. Ричардсон). Важным этапом в становлении английского усадебного романа стал «Векфильдский священник» (1766)

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

О. Голдсмита, а также романы Френсис Берни, отмеченные интересом к проблеме личности и процессу формирования женского характера.

В Англии, стране высокоразвитой усадебной культуры, в конце XVIII – начале XIX века был очень популярен роман о жизни и нравах современного общества, основное действие которого замыкалось в пределах дворянской усадьбы и обуславливалось усадебным хронотопом (Е. Инчбальд, М. Эджворт, Дж. Остен и др.).

Непревзойденным мастером данного жанра была Джейн Остен (1775-1817), писательница, выросшая на традициях Ричардсона и Грея, Голдсмита и Крабба, Каупера и Стерна, Фанни Берни и Марии Эджворт. Шесть ее оконченных романов являют собой вершинные образцы английского романа о «дворянских гнездах». С целью выявить его типологические черты и жанровое своеобразие обратимся к анализу зрелого романа писательницы «Мэнсфилд-парк» (1814).

Содержание романа связано с утверждением ценностей усадебной жизни. Выбор усадьбы в качестве сюжетного пространства предопределяет такие особенности «Мэнсфилд-парка», как ограниченность действующих лиц двумя соседскими семействами, ненасыщенность действия событиями, простота и будничность сюжета. Джейн Остен не затрагивает острые политические, социально-исторические проблемы времени: в деревне течет частная жизнь, закрытая для внешних вторжений. Значение усадебного хронотопа подчеркивается заглавием романа: роман озаглавлен по названию усадьбы, отнесенной в реальное графство центральной Англии – Нортгемптоншир.

Игнорирование писательницей общественной проблематики и отсутствие ярко выраженной событийной линии компенсируются в романе пристальным вниманием к нюансам человеческих отношений, внутренним переживаниям героев, вопросам нравственности и морали, проявляющимся в повседневной жизни. Пространственно-временная ограниченность действия оборачивается неограниченно глубоким проникновением в нравственный смысл поступков и побуждений человека. Внутренним сюжетом романа оказывается этический сюжет, связанный, в первую очередь, с развитием характера центральной героини. Этические нормы, привитые в «гнезде», сыграли решающую роль в судьбе Фанни. Этическая оппозиция города и усадьбы, обязательная для романа о «дворянских гнездах», постоянно прослеживается в «Мэнсфилд-парке»: усадьба связывается с принципами морали и добродетели, а город – с суетой и пороком.

Любовные перипетии и формирование характера, обеспечивающие развитие сюжета, изображаются в романе на фоне национальной усадебной жизни. Природа и быт становятся у Джейн Остен важнейшими объектами осмысления. Хотя Остен редко прибегала к описаниям пейзажа и интерьера, для неё *«малейшие нюансы поведения людей неразрывно связаны с окружающей их обстановкой, и, чтобы психологически точно описывать первое, она должна досконально знать второе. Мир романа – даже те его детали, что не попали в объектив, – жил, облеченный плотью и кровью, в творческом сознании писательницы»* [1, 131].

Редкость пейзажей не отменяет их значимости в общей концепции произведения. Все обращения к теме природы органичны как для творческой манеры Остен, так и для понимания мироощущения мастера романа о

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

«дворянских гнездах», постижения отличительной эстетической и философской проблематики жанра.

Сконцентрировавшись на изображении человека, чаще всего писательница обращается к теме природы с целью характеристики героя. Для усадебного человека природа играет огромную роль в мироощущении; способность героя чувствовать и понимать красоту природы становится у Остен оценивающим критерием.

Лиризм, неизменно отличающий пейзажные страницы в «усадебной» литературе, достигается воссозданием отзвука великолепия природы в человеческой душе. Противопоставление природы и человека, вечной красоты и суетности выводит к глубокой философской проблематике, обязательной в любом «усадебном» романе. Английский акцент проявлен в подчеркивании этической составляющей и, возможно, даже примешивании определенной религиозной окраски. Если в русском романе о «дворянских гнездах» антитеза природы и человека нередко связана с трагизмом ситуации, то английской писательнице не изменяет просветительский оптимизм.

Благодаря усадебному хронотопу романы Джейн Остен позволяли соединить в себе такие типично английские ценностные категории, как почитание «естественной» природы и приоритет семейственности, культуру повседневности и этику частной жизни, нравственное (джентельменское) отношение к окружающим и доминирующую идею личности. Современный человек, по традиции английского романа, проверяется в частной жизни (протекающей в данном случае на фоне природы и национального уклада), любовный сюжет превращается в сюжет нравственного преобразования, любовь поэтизируется как мощная

созидающая сила. По оценкам исследователей, «не многие писатели – возможно, только Шекспир и Диккенс – удостоились в Англии большего культа, чем Джейн Остен» [1, 126].(тема?)

Литература

1. Атарова К.Н. Англия, моя Англия: Эссе и переводы. М., 2006.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. Ершова Л. Лирика Бунина и русская усадебная культура // Филологические науки. 1999, №5.
4. Краснощекова Е. Гончаров. Мир творчества. М., 1997.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства начала XVIII – XIX веков. СПб, 1997.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

*Скоробогатова Елена Александровна,
кандидат филологических наук, профессор
(Харьков, Украина)*

Аннотация. В статье описываются способы представления морфологической категориальной парадигмы в русском стихотворном тексте. Рассматриваются особенности парадигмального поэтического мышления. Утверждается, что в поэзии возможна нейтрализация парадигматических и синтагматических противопоставлений. Анализируются способы формирования поэтических смыслов, характерные для языка русской поэзии нового времени, в основу которых положено категориальное представление имени.

Ключевые слова: поэтический язык, парадигма, морфологические категории, лингвопоэтика.

MORPHOLOGICAL PARADIGM IN POETICAL REPRESENTATION

Abstract. The ways of presenting of morphological categorical paradigm in the Russian poetic text are described in the article. The features of the paradigm poetic thinking are covered. It is claimed that neutralization of paradigmatic and

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

---

syntagmatic contrasts is possible in poetry. The ways of formation of poetic meanings which are specific to the language of the Russian modern poetry, based on a categorical representation of nominal, are analyzed.

Key words: poetic language, paradigm, morphological categories, linguopoetics.

Современный этап изучения морфологии поэтического текста, начало которого обозначено работами И. А. Ионовой [6, 7], определил два основных вектора лингвопоэтического исследовательского движения: от характеристики языковых единиц и категорий к особенностям их поэтической реализации и от выделения поэтических задач к возможностям их языкового воплощения. В рамках первого направления осуществлено описание основных возможностей русской именной морфологической системы. Своевременной, на наш взгляд, является попытка выявить поэтический потенциал морфологической парадигмы русского языка как целостной грамматической сущности, способной передавать в структуре стихотворного текста и дискурса устойчивый поэтический смысл, расширяя и формируя импликосферу русской грамматики.

Существует весьма распространенная точка зрения, согласно которой люди и сейчас, и в древности *«не говорили и не мыслили парадигмами: парадигмы есть просто факт метаописания, факты языкознания, которое “нашло” их в языке»* [14, 108]. На наш взгляд, говорить об отсутствии парадигмального мышления у поэтов – как у поэтов древности, так и у поэтов современных – нельзя. Предметом поэтического осмысления часто является сам язык, его возможности, его способ познания и описания мира. По наблюдениям современных исследователей, всякое поэтическое высказывание отсылает к целостному образу языка.

«Поэтическая филология» (термин Я. И. Гина) – художественное осмысление фактов языка – обращена ко многим лингвистическим объектам. Одним из таких объектов, по нашим наблюдениям, является морфологическая парадигма.

Грамматические категории, представленные в языке оппозициями, в тексте, как правило, репрезентированы отдельными единицами – элементами этих оппозиций. Единица реализует в тексте свое значение обычно в самостоятельном – по отношению к другим членам парадигмы – употреблении, но одновременное использование противопоставленных единиц одной категории на целостном текстовом пространстве приводит к подчеркиванию и выделению именно оппозиционных значений (в нашем случае, грамматических) и к возникновению на их основе контекстуальных значений. Это связано с тем, что парадигматические противопоставления создают «высокое напряжение» между элементами стиховой структуры. Смыслы, возникающие на образно-композиционном уровне, опираются в этом случае на универсальные грамматические значения, но не отдельных единиц, а их комплекса. Линейное развертывание лирического сюжета в поэтическом тексте может не имплицитно, а непосредственно актуализировать парадигматические отношения, выделение которых приводит к созданию ассоциативно-образного художественного пространства, обладающего выраженными метаязыковыми чертами.

В статье предпринята попытка выявить смысловые потенции развертывания в поэтическом тексте категориальной парадигмы. Русский поэтический текст XIX—XXI веков демонстрирует множество примеров подобного использования системных возможностей языка.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Поэтическое текстотворчество разрушает представление о том, что *«класс форм не может выступать в конкретном высказывании как нечто целостное»* [5, 130]. Целостные морфологические парадигмы регулярно используются в русском поэтическом тексте с целью создания поэтических смыслов. Рассмотренный стиховой материал показывает, что полнота категориальной парадигмы в поэтическом тексте передает значение цельности, всеобщности, разнообразия называемого; последовательная представленность парадигмальных форм может выступать как способ развертывания лирического сюжета. Выделение соположений, фиксированных в культурном сознании, служит грамматическим средством актуализации интертекстуальных связей.

Поэтическое осмысление морфологического потенциала парадигм активно в современной авангардной поэзии:

«Говорю, говоришь? Говорит: говорят. // Извергают из уст стохастический ряд // грамматических форм...» (Б. Кенжеев, «Говорю, говоришь? Говорит: говорят...») [9, 11].

Стохастический – случайный, но тот, который носит вероятностный характер. Упорядоченный и системно предсказуемый у поэта-грамматика.

Полнота парадигмы, особенно многочленной, актуализированной в линейном или вертикальном текстовом развертывании, в русском поэтическом тексте нового времени, на наш взгляд, свидетельствует о всеобщности, цельности, законченности называемого или характеризуемого. Это связано, по-видимому, с тем, что *«парадигма не противопоставляет, не разграничивает единицы языка, входящие в ее состав, а их отождествляет, функционально снимает различия»*

[16:1, 29 примеч.]. Например, парадигма лица местоимения и глагола в стихотворении А. Галича подчеркивает, усиливает значение действия, выделяя парадигмально объединенный и обобщенный его субъект:

«Недаром из школьной науки // Всего нам милей слова: // Я умываю руки, // ты умываешь руки, // он умывает руки – // И хоть не расти трава» (А. Галич, «Баллада о чистых руках») (Цит. по: [21, 685]).

Говорить о том, что, создавая этот фрагмент, поэт «не мыслит парадигмами», на наш взгляд, неверно. Он мыслит и творит парадигмами: парадигмальное видение ситуации оязыковляет и представляет графически.

У имен нами отмечены примеры актуализации парадигмы числа, падежа и рода. Условность и относительность противопоставления парадигматики синтагматике в поэзии становится максимально наглядной. Совмещение на общем стиховом пространстве парадигматических и синтагматических связей не только объединяет существующие связи, взаимно укрепляя и обогащая их, но и создает новые смыслы.

Значение рода как словоизменительной грамматической категории актуализируется в родовой парадигме прилагательных, местоимений-прилагательных и при соположении разнородовых прилагательных и субстантиватов, например:

«И когда предамся зною, // Голубой вечерний зной // В голубое голубою // Унесет меня волной» (А. Блок, «Страсть длинной, безмятежной...») [3: 3, 107].

В стихотворении соположение адъективных форм представлено сочетанием форм мужского и женского рода прилагательного и абстрактного субстантивата среднего рода. Выделение таким необычным способом парадигмы слова *голубой*, как и активное использование поэтом

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

абстрактного субстантивата *голубое*, связано с особым значением этого цвета в поэтике символистов. Полнота парадигмы рода подчеркивает корневое значение и создает эффект смысловой полноты, заполненности художественного пространства голубым цветом – цветом премудрости Божией.

Если род существительных при соположении разнородовых субстантивов, имеющих разный корень, как правило, не актуализирован, то наличие согласованных прилагательных или местоимений-прилагательных, составляющих родовую парадигму, легко выделяет грамматическое значение рода определителя и определяемого существительного, полнота родового употребления становится поэтически зримой и значимой, например:

«Он вернется к тебе, твоё чадо любезное, // блудный твой нос, // твоя плоть, // твоей плоти безгрешной частица» (Ю. Левитанский, «Плач о майоре Ковалеве») [12, 146].

Цепочка номинаций одного объекта представлена существительными трех родов (*чадо, нос, плоть*), родовое значение которых актуализировано родовыми коррелятами местоимения *твой* (*твоё, твой, твоя — твоей*) и усилено прилагательными (*любезное, блудный, безгрешной*).

«Любимая, мой ребенок, моя невеста, // мой праздник, моё мученье, мой грешный ангел <...> Дитя моё, моя мука, моё спасенье, // мой вымысел, наважденье, фата-моргана...» (Ю. Левитанский, «Молитва о возвращенье») [12, 142].

Автор обращается к возлюбленной, номинативная цепочка представлена существительными трех родов: женского (*любимая – субстантиват, невеста, мука, фата-моргана*); мужского (*ребенок, праздник, ангел,*

вымысел) и среднего (мученье, дитя, спасенье, наважденье). Значение рода выделено многократно повторяющимися формами местоимения *мой*: *мой, моя, моё*. Подобные местоимения Е. В. Красильникова очень точно характеризует как поддерживающие. На наш взгляд, художественно важной является именно грамматическая исчерпанность родовой парадигмы. Мысль «Ты для меня всё!» можно передать разными способами, в том числе и категориально-морфологически. В идиостиле Юрия Левитанского подобный способ актуализации контекстуального значения абсолютной полноты является регулярным. Образная структура текста стихотворений часто «опирается» на особенности структуры грамматической.

Полнота поэтического ощущения в одном из вариантов стихотворения Евгения Баратынского «Поцелуй» выделена парадигмой рода слова *один*: «*Обман исчез, **один** я, и со мной // **Одна** любовь, **одно** изнеможенье*» (Е. Баратынский, «Сей поцелуй, дарованный тобой...») [2, 147].

Поэтическое сознание, чувствующее не только реальность, но и резерв языковой системы, порой осознает род существительного как средство и способ актуализации и выделения родовой полноты, например:

«*И **времышек-камушек** кинуло, // И **времяшко-камушко** кануло // И **время** крылья простерла*» (В. Хлебников, «В пору, когда в вырей...») [18, 50].

Актуализация родовых значений происходит благодаря непредсказуемости окказиональных дериватов, соположение которых передает значение единства называемого.

Многочленность падежной парадигмы, на первый

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

взгляд, препятствует ее текстовой одновременной представленности, уже трехчленный ряд создает эффект тесноты, ощущение преднамеренности, избыточности формоупотребления, например:

«Ветер ветра ветром гонит» (И. Крылов, «Сочинитель в прихожей») [10: 2, 203].

Однако в поэзии начала XX века, ориентированной на обнажение приема, полиптотон используется достаточно часто, особенно в поэзии М. Цветаевой, А. Блока, И. Северянина, В. Хлебникова. Например:

«Заедай верстою вёрсту, // Отсылай версту к версте!» (М. Цветаева, «Волк») [19: 1, 148];

«В самом себе, как змей, таясь, // Вокруг себя, как плещ, вивась — // Я поднимаюсь над собою: // Себя хочу, к себе лечу, // Крылами темными плещу, // Расширенными над водою» (О. Мандельштам, «В самом себе, как змей, таясь...») [13, 121].

Этот прием служит одной из типичных черт поэтического идиостиля Осипа Мандельштама. Многопадежие местоимений — прием выразительный и семантически сильный.

Его активно используют и современные поэты. Падежные значения в подобных случаях актуализированы, в отличие от случаев, когда словоформы выстраиваются в перечислительный ряд:

«Я, мне, меня, со мной...// Неужто с вами тоже?» (А. Кушнер, «Стрижи-разбойники и ласточки-малютки...») [11, 101].

В этом и подобных случаях происходит блокирование падежных словоформ, значимыми являются не отдельные падежные формы и значения, а их комплекс. Смысловым единством становится многопадежный блок. В стихотворении А. Кушнера, например, представление

местоимения *Я* в виде падежного единства *я, мне, меня, со мной* служит иконическим знаком подчеркнутого внимания лирического персонажа к собственной персоне и способствует передаче иронической авторской оценки.

В стихотворениях Б. Окуджавы встречаем несколько ярких примеров одновременной реализации многочленной и даже почти полной падежной парадигмы существительного: *Что мир весь рядом с ней? С ее горячей медью?.. // Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...* (Б. Окуджава, «Заезжий музыкант») [15, 280].

Этот выразительный прием парадигмального представления имени стал повторяться в песенной поэзии и, в силу своей узнаваемости и экспрессивности, приобрел способность указывать на межтекстовое взаимодействие. Многопадежная модель Булата Окуджавы является своеобразным поэтическим афоризмом – эстетическим знаком, который представляет поэтический стиль и художественный язык в целом. Грамматическая парадигма здесь представлена именно как «пример, образец», на полноту которого ориентируется поэтическая речь.

Поэты хорошо осознают иконические возможности грамматической полноты как показателя полноты смысловой. Например, Михаил Исаковский шужливо восклицает:

Я шел и ругался во всех надежах, // Во всех наклоненьях и числах. (М. Исаковский, «Шуба») [8, 191].

Языковая категоризация мира отображается в поэзии в виде одновременно представленных категориальных наборов и противопоставлений. Морфологическая категория в этом случае выполняет свою основную задачу – «материализации семантических заданий» [5, 5], соположение форм служит средством передачи полноты грамматических значений категории и актуализации

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

частных значений форм. Системные парадигматические отношения между элементами морфологической категории в линейном и вертикальном развертывании поэтического текста материализуются. Проявляется их комплексный «когнитивный смысл», связанный с коррелятивностью и взаимодействием их конституентов.

В связи с актуализацией в поэтическом тексте целостных грамматических парадигм представляется возможным выделить еще один до сих пор не зафиксированный в языке поэзии связанный с ними художественный смысл. Как известно, морфологическая категория рассматривается в современной морфологии как система и как признак. Системный аспект заключается в том, что морфологическая категория *«представляет собой определенным образом организованную систему грамматических классов (противопоставленных друг другу граммем), т.е. рядов грамматических форм с однородным содержанием»* [4, 128]. Признаковый аспект связан с тем, что каждая категория есть признак-параметр определенной части речи [4, 128]. Кроме того, категории служат грамматическим параметром того или иного языка.

Вернемся к примерам использования падежных парадигм существительного. В стихотворении Б. Окуджавы перед нами образец парадигмально представленного существительного *судьба*. «Слово *судьба* не случайно оказывается одним из самых характерных слов русского языка. Оно соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира...» [20, 455]. И представлено это слово в одной из самых ярких и типичных для русского языка грамматических парадигм – падежной. В стихотворении Д. Сухарева «Брич-Мулла» склонение онима *Брич-Мулла* противопоставлено его

откровенно иноязычному происхождению, корреспондирующему с основной темой стихотворения – темой путешествия:

Про тебя жуужжит над ухом вечная пчела: // Брич-Мулла, Брич-Муллы, Брич-Мулле, // Брич-Муллу, Брич-Муллою. (Д. Сухарев, «Брич-Мулла») [1, 663].

Признаковый характер категории падежа участвует в усилении национальной специфичности слова либо противопоставлен ей. В том и в другом случае падежная парадигма как грамматический параметр русского языка участвует в оформлении поэтического смысла.

Последовательность грамматических форм может быть осмыслена поэтом в грамматико-парадигмальном ключе и в сюжетно-смысловом. Поэтическое осмысление морфологической парадигмальной категоризации действительности порою находит прямое представление в сюжетном развертывании текста, например:

Любить — кто, что? кого, чего? Кому / мне, кому, в живот всплакнуть: «О скептик! Ты кормчий, не попавший на корму, / а я люблю: венец, державу, скипетр». / Кому — как ню хвост взвить, а кто умыт / с утра, и в труд дурит, хотя б и сверстник, / скажи ж: «Я Кесарь», — и смешон, убит, / и не хоронят, — чуть не сумасшедший. / Гай Юлий! — автор ввел водопровод, / имен — племен — времен — империй — туз он, / сказал: «я кесарь, — дров-то в рот, а вот / лежит, убит — кем, чем? — третейским трусом. / О ком, о чем писать жизнелюбовь, / юрист с лысцей и козонас без рыльца?» (В. Соснора, «Возвращение к морю (попытка)») [17, 284].

Попытка экзистенциального осмысления жизни поэтически представлена Виктором Соснорой в падежно-парадигматическом ключе. Перед взором лирического героя проходят жизнь и смерть в разных

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

вариантах крушения надежд. Исчерпанность перечня задана исчерпанностью падежной парадигмы. Логическое завершение цикла вариантов совпадает не со смертью (*убит – кем, чем? – третейским трусом*), а с последней грамматической формулой (*О ком, о чем писать жизнелюбовь?*). Авторская заданность парадигмального решения лирической задачи воспевания любви и жизни очевидна.

Актуализация категориальных парадигм и объединенных или противопоставленных грамматических значений демонстрирует на участке грамматики копирование языковых моделей на уровне текста. В подобных случаях происходит поэтическое осмысление лингвальной действительности. Парадигматическая упорядоченность, характерная для научного описания языка, в стихотворном тексте передает определенные поэтические смыслы, фиксирующиеся в культурном сознании языковой поэтической личности.

Сопоставляя стихотворные тексты, в которых используется прием парадигмального представления имени, мы наблюдаем, как в стиховом пространстве имплицитное грамматическое представление многопадежия может превращаться в явное, выраженное. Например, в стихотворении О. Мандельштама «В самом себе, как змей, таясь...» падежное представление местоимения имплицитно, в стихотворении М. Цветаевой «В гибельном фолианте...» парадигмальное представление ключевого слова *женщина* более явно и отмечается многими филологами, а у Б. Окуджавы в «Заезжем музыканте» и у Д. Сухарева слово (*судьба, Брич-Мулла*) явлено каждому читателю-слушателю многопадежным грамматическим блоком. В первом случае можно говорить о «неявной грамматике», тогда как в последнем

многопадежный «грамматический аккорд» служит ярчайшей формально-смысловой приметой текста.

Опираясь на общесемиотическое разграничение парадигматических отношений между элементами в системе и синтагматических – в тексте, приходим к выводу, что в ряде поэтических произведений происходит нейтрализация синтагматики и парадигматики. При этом актуализация категориальных морфологических значений формирует поэтические смыслы, способные закрепляться в языке поэзии определенного периода и служить средством межтекстовой переклички.

Перспективой исследования является изучение поэтического представления синтаксических парадигм.

Литература

1. Антология бардовской песни. М., 2008.
2. Баратынский Е. А. Стихотворения, поэмы. Кемерово, 1984.
3. Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. Т. I. М.-Л., 1960.
4. Бондарко А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной лингвистики. Полевые структуры. СПб., 2005.
5. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови: Морфологія. Донецьк, 1996.
6. Ионова И. А. Морфология поэтической речи. Кишинев, 1988.
7. Ионова И. А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии. Кишинев, 1989.
8. Исаковский М. В. Стихотворения. 2-е издание. М.-Л., 1965.
9. Кенжеев, Б. Сообщение. М., 2012.
10. Крылов И. А. Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1946.
11. Кушнер А. Живая изгородь: Книга стихов. Л., 1988.
12. Левитанский Ю. Д. Годы: Стихи. М., 1987.
13. Мандельштам О. Стихотворения. Проза. М.-Харьков, 2001.
14. Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
15. Окуджава Б. Ш. Стихи и песни. Упраздненный театр. М., 2007.
16. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. I. М., 2004.
17. Соснора В. А. Возвращение к морю: Лирика. Л., 1989.
18. Хлебников, В. Творения. М., 1986.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

---

19. Цветаева М. И. Сочинения в двух томах. Т. I. М., 1980.
20. Шмелев А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // А.А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
21. Эткинд Е. Г. Психопоэтика. СПб, 2005.

ЛАНЦЮЖКОВІ ЕПІТЕТНІ СТРУКТУРИ В РАНИХ ПОЕТИЧНИХ ТЕКСТАХ І. ФРАНКА І Я. КАСПРОВИЧА

*Судець Наталія Анатоліївна
аспірант
(Кам'янець-Подільський, Україна)*

ЦЕПОЧЕЧНЫЕ ЭПИТЕТНЫЕ СТРУКТУРЫ В РАНИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И. ФРАНКО И Я. КАСПРОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена исследованию цепочечных эпитетных структур в ранних поэтических произведениях И. Франко и Я. Каспровича. Осуществлен сравнительный анализ типологических подобий и дифференциальных признаков цепочечных эпитетных структур в поэтических текстах обоих писателей. Рассмотрена специфика употребления цепочечных эпитетных структур и механизмы достижения их экспрессивности.

Ключевые слова: цепочечная эпитетная структура, образ, определение, поэтический текст, И. Франко, Я. Каспрович.

CHAINS OF EPITHETS IN THE EARLY POETIC TEXTS OF I. FRANKO AND OF J. KASPROVICH

Abstract. The article is devoted to the research of chains of epithets in the early poetic texts of I. Franko and of J. Kasprovich. The comparative analysis of typological similarities and differential features of the chains of epithets is done. The specificity of usage of chains of epithets and mechanisms of reaching its expressivity are considered.

Key words: chain of epithets, image, attribute, poetic text, I. Franko, J. Kasprovich.

Однією із стильових властивостей І. Франка і Я. Каспровича є створення ланцюжків (три й більше)

епітетів до одного й того ж поняття. Поетичним текстам митців характерний прийом кількісного накопичення означень у ланцюжки, внаслідок цього поняття набуває ознак багатогранного цілого, зростає ступінь його експресивного забарвлення, також поетами досягається ефект значеннєвої точності висловлювання.

Актуальність дослідження пов'язана з необхідністю подальшої розробки проблеми функціонування ланцюжкових епітетних структур у новій площині і в компаративному аспекті.

Метою дослідження є визначення через порівняльно-типологічний аналіз особливостей функціонування ланцюжкових епітетних структур у ранніх поетичних текстах І. Франка і Я. Каспровича.

Досягнення поставленої мети передбачає вирішення таких завдань:

– простежити типологічні відповідності ланцюжкових епітетних структур у ранніх поетичних текстах І. Франка і Я. Каспровича;

– визначити диференційні ознаки ланцюжкових епітетних структур у ранніх поетичних текстах І. Франка і Я. Каспровича.

Задля досягнення бажаних художніх цілей поети майстерно використовують кількісний чинник означень в епітетній структурі, семантику, функції членів ланцюжка й різні системні відносини між ними. Ланцюжкові епітетні структури є текстотворчим фактором, який утворює семантико-експресивні поля. Зрештою, *«відчутне зростання кількості епітетів у тексті – показник посилення поетичності та ліризму»* [1, 161].

Частини епітетних структур, одна стосовно одної, можуть мати прямий або інверсійний порядок

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

розташування. Прямий порядок розташування – означення знаходиться в препозиції що до означуваного:

«Ще за життя переродивсь колишній // М'який, сердечний, добрий чоловік» [8, 332],

«Głęboki przestwór, od brzegu do brzegu, // Ślepa, bezgwiezdna, czarna noc zalega» [10: 3, 67].

Інверсійний порядок розташування – означення в постпозиції:

«Цар Гарісчандра, Косалі володар. // Високий, статний, молодий, вродливий» [8, 307],

«A blask ich jasny, gorący i zdrowy // Wiedzie człowieka nad królestwa krańce» [1: 4, 73].

Постпозиція означень, характерна переважно для народно-поетичної мови, надає поетичним текстам своєрідного ритміко-інтонаційного звучання.

Твердження науковців щодо експресивності інверсії розходяться. Л. Турсунова наголошує на тому, що *«досить виразною моделлю епітета в мові художньої літератури є модель, у якій епітет виражений прикметником у постпозиції»* [6, 77]. Дослідниця підкреслює важливе значення такого прийому для акцентування якості. Б. Томашевський розглядав інверсію як явище традиційне для поезії: *«Варто сказати, що загалом інверсійне мовлення характерне для мовлення віршованого»* [5, 273]. Попри суперечливість тверджень, вважаємо, що розгляд прямого і інверсованого розташування означень в епітетних структурах дозволить виявити вплив цього прийому на загальну виразність образу.

Препозиційне положення означення є більш традиційним і стилістично закріпленим за поетичними текстами.

У поезії «Поєдинок» цикл «Профілі і маски» І. Франко створює образ тривоги за допомогою ланцюжкової епітетної структури:

Якась **безмірна, темна і глибока** // *Тривога ледом обдала все тіло* [8, 80].

Я. Каспрович у поезії «Drogi Krzyżowe» цикл «Z radolku walki» для характеристики образу ночі теж використав трійчатку:

«*Głęboki przestwór, od brzegu do brzegu, // Ślepa, bezgwiezdna, czarna noc zalega*» [10: 3, 67].

У цих прикладах препозиція означень дає можливість активізувати їхнє якісне значення й, таким чином, надати реченню надзвичайної емоційності за допомогою порядку слів. Також препозиція означень пояснюється прагненням митців виділити саме якісні характеристики образів.

Постпозиційне, або інверсійне, розташування означень в епітетних структурах, хоча і зустрічається в поетичних текстах І. Франка і Я. Каспровича рідше, проте вносить в художній текст інтонаційну виразність.

У поезії І. Франка «У семінарії духовній...» з поеми «Марійка» привертає увагу опис коридорів семінарії:

«*Коритарі темні, // Брудні, вонючі, неприємні — // Важка до доброго дорога!*» [8, 195].

Дещо іншу інтерпретацію образу ночі, ніж у поетичному творі «Drogi Krzyżowe», подає Я. Каспрович у поезії «U piramidy Cestyusza» цикл «Sny i marzenia»:

«*Noc to **wpółjasna, wpółsenna, wpółcicha**, // *Że duch do marzeń nie nadarmo wzdycha*» [11: 4, 63].*

Окрім позитивного оцінного забарвлення, епітетну трійчатку об'єднує перший конкретизуючий елемент «**wpół**», який не дає можливості реципієнту сприймати образ ночі однозначно, створює інтригу.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Інверсія означень в епітетних структурах сприяє посиленню семантики, динаміці опису, експресії, емоційно-експресивне значення поширюється на весь фрагмент тексту. Означення в постпозиції отримують семантико-стилістичне виділення за рахунок логічного наголосу.

Поетичний текст І. Франка «Журавлі» із циклу «Осінні думи» побудований за принципом паралелізму – структури, яка часто використовується у народнопісенній поезії: перша частина є реальною, а друга – символічною. Поезію пронизують мотиви туги осені і прощання. У кількох строфах про осінній відліт журавлів умістилась широка гама настроїв і переживань, які ліричний герой прагне передати разом із журавлями у щасливіший край:

*«Перекажіть про бідність, сльози вічні, // Про труд
безсонний в болі і натузі, // Про чорний хліб твердий,
печений в спузі, // Про спів жалібний, мов вітри
долішні!» [8, 38].*

У фрагменті поезії фіксується випадок, коли означуване знаходиться посередині епітетної структури: *«чорний хліб твердий, печений в спузі»*. У наведеному вище епітетній структурі в препозиції до означуваного «хліб» знаходиться одне означення *«чорний»*, а в постпозиції – парні означення *«твердий, печений в спузі»*, які плавно перебирають на себе увагу реципієнта. Авторський вибір такого розташування означень в епітетній структурі свідчить про його прагнення виділити із ланцюжка означень саме те, яке є особливо значимим у контексті, – *«чорний»*. Постпозиційне розташування парних означень *«твердий, печений в спузі»* сприяє розвитку їх додаткового уточнюючого відтінку. Оточене з обох сторін означуване «хліб» стає основою експресивно-семантичного

поля, виступаючи як його важливий композиційний елемент.

Яскравою особливістю ідіостилю І. Франка є вживання до одного означуваного багатьох означень, що призводить до збільшення означальних частин епітетних структур, які постають в функціонально-естетичній якості як експресивно виразні елементи художнього тексту.

У легенді «Смерть Каїна» мотив братовбивства, який домінує в біблійному переказі, у І. Франка виявляється вторинним, несуттєвим. На перший план виходить мотив покарання і безсмертя. Каїн у поезіях І. Франка зображується як особистість, яка прагне пізнання сенсу людського буття. Фрагмент поезії «Каїн обмірковує побачене в раю» ілюструє роздуми Каїна про те, як поводитися людина, яка спробувала плід із дерева життя:

«Мов другів, обнімав, і був неначе // Той пластер меду чистого, солодкий // і запахуючий, ясний і поживний, // Одним чуттям святим наскрізь пронятий» [8, 287].

У цьому випадку останні шість означень епітетної структури уточнюють значення першого, акцентуючи увагу читачів на ознаках меду. «Я помітив, – пише Л.А. Озеров, – що епітети мають звичай збиватися в купу <...>. Рідко вони бувають повноцінні, часто один веде за собою другий і третій» [3, 162]. Перше означення «**чистий**» розглядається як головне, воно несе основний сенс, інші означення є додатковими і уточнюючими. Саме функція уточнення і конкретизації ознаки є основною у випадку цієї епітетної структури. Для поета важливим було підкреслити кілька однаково важливих і актуальних рис явища, тому використовується ланцюжок означень. Розгорнута характеристика поняття за допомогою означень посилює зображально-виражальний план художнього образу.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Порівняльні звороти є невід'ємною складовою частиною поетичної мови І. Франка. Розмірковуючи над природою порівняння, О. Потебня зазначав, що *«висхідною точкою думки є сприйняття явища, котре безпосередньо діє на чуття; але у власне порівнянні це явище аперцептується чи пояснюється двічі: спочатку безпосередньо, у тій половині порівняння, яке виражає символ, потім – опосередковано, разом із цією – у другій половині, зміст якої стає більш близьким для суб'єкта думки і менш доступним для безпосереднього сприйняття»* [4, 188].

У конкретному поетичному ідіолекті, доводить З. Франко, порівняння *«є результатом натуральної інтуїтивно-відчуттєвої реакції на описувані, часто ретроспективно відтворювані в уяві події і плодом картинно-образного осмислювання поетом фактів і явищ»* [7, 93]. У художній мові порівняння використовують як засіб, за допомогою якого відбувається зіставлення понять, таких, як *живе і неживе, фізичне і психічне*; порівняння може торкатися кількості і якості, експресій і емоцій. У результаті цього зіставлення поняття, що зображується, конкретизується, стає більш яскравим і виразним. Істотно у порівнянні проявляє себе єдність процесів пізнання людиною світу.

Епітетні структури часто ускладнюються порівняльними зворотами різного типу, які можуть передувати ланцюжкам означень або завершувати їх. Внаслідок цього семантика компонентів епітетних ланцюжків уточнюється і розширюється, підкреслюються їх смислові й експресивні відтінки, посилюється емоційне й інтонаційне звучання тексту.

Друга частина поеми І. Франка «Нове життя» під назвою «Стрічка» змальовує дорогу панича Євгенія, який

розчарувався в житті, до села і хати, у якій він планував гостювати. З особливою майстерністю поет змалював образ потяга, який прямував до села:

*«Мов лютий звір зірвавшись з пут, жене // Якесь диво **чорне, невгомне, // Могуче, гримотяче і грізне**» [8, 200].*

Порівняльний зворот, що передує епітетній структурі, націлений на більш точне розуміння реципієнтом ланцюжка означень, він посилює не тільки експресивність цього ланцюжка, але і й цілого фрагменту поетичного тексту.

Поема «Марійка» містить детальний опис учнів духовної семінарії:

*«Хлоп в хлопа всі, **охочі, гожі, // Рум'яні, крепкі і здорові, // Мов дуб при дубі у діброві**» [8, 196].*

Максимального посилення експресивного потенціалу ланцюжкової епітетної структури І. Франко досяг, оточивши її порівняльними зворотами з обох боків. Таким чином митець намагався зацентувати увагу реципієнта на істотних для розуміння образу деталях, викликати певні емоції оцінного характеру, розширити зміст образу, що твориться ланцюжковими означеннями.

Ланцюжкові епітетні структури, ускладнені порівняльними зворотами, у поетичних текстах І. Франка стають засобами художньої репрезентації дійсності, розгорнутими картинами-образами. Митець використовує їх, прагнучи емоційно навантажити контекст і досягти високого рівня художності. Ланцюжкові епітетні структури, ускладнені порівняльними зворотами, у тканині аналізованих поетичних текстів є вагомим естетичним

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

компонентом зображення внутрішнього світу ліричного героя.

У епітетних структурах, що містять три і більше ланцюжкових означень, винесених поетом в кінець контексту, може виникати інтонація незавершеності, і текст завершується трикрапкою. *«Замовчування відображає підвищену емоційність мови і мобілізує контекстуальну увагу читача: внаслідок замовчування увага реципієнта тим більше концентрується на тому, що замовчується; перервану думку контекст зазвичай дозволяє реконструювати до цілісності. Таким чином, замовчування не створює таємниці, а служить засобом акцентування того, про що прямо не сказано»* [2, 57].

Прикладом застосування цього прийому поетичної мови є фрагмент поезії «Поєдинок» із циклу «Профілі і маски»:

*«Мені ж зробилось страшно, тісно, душно...//
Адже ж життя, буття, ім'я і тіло // Сей привид в мене
відбирав бундючно!»* [8, 81].

Закінчивши ланцюжок означень трьома крапками, митець передбачає можливе продовження ряду і закликає до цього реципієнта. Три крапки по завершенні тексту свідчать про те, що не все сказано, цим знаком графічно позначене замовчування. Замовчування є своєрідною вимогою поета до реципієнта стати співучасником, декодувати приховане: воно активізує думки читача, залучаючи його до інтелектуально-творчих пошуків. Відтак, образ, створений такою ланцюжковою епітетною структурою, у свідомості кожного реципієнта стане унікальним за своєю природою.

Ранні поетичні тексти Я. Каспровича не багаті на епітетні структури з великою кількістю означень (більше

трьох), проте для поезії «Giordano Bruno» із циклу «Sny i marzenia» поет зробив виняток:

«Czuł, jak śród gwiazd tych niezliczonej świty // Inne do niego przemawiały twarze, // Nie te przyćmione, nie senne i mgliste, // Lecz pełne ognia, jasne i złociste» [11: 4, 72].

Поет підкреслює надзвичайність божества численними описами зоряного неба. До одного означуваного поет застосував шість означень, які розділені на дві групи сполучником «*Lecz*», який володіє протиставною і водночас еднальною семантикою. Перші три означення ланцюжка мають більш негативне забарвлення, наступні три мають позитивне забарвлення, при цьому кожне означення має свою пару. Таким чином, методом зіткнення в одній ланцюжковій епітетній структурі різних за семантичним значенням понять Я. Каспрович досяг надзвичайно високої виразності образу.

У поетичних текстах І. Франка і Я. Каспровича ланцюжкові епітетні структури є нерозривними єдностями, які володіють посиленою семантичною спаяністю компонентів. Розгорнута характеристика об'єкта за допомогою ланцюжка означень актуалізує в межах контексту зображально-виражальний потенціал художнього образу.

Препозиційне і постпозиційне розташування ланцюжка означень по відношенню до означуваного чинить додатковий художній вплив на образ, що формується.

Аналіз ланцюжкових епітетних структур у поетичних текстах І. Франка і Я. Каспровича дозволив з'ясувати й відмінності між явищами, що досліджувалися: І. Франко збільшує ряд означень до шести, Я. Каспрович у ранній творчості майже не використовує епітетних структур з

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

означеннями більше трьох; І. Франко використовує усі можливі позиції означуваного: в препозиції до ланцюжка означень, в постпозиції і в середині ланцюжка, Я. Каспрович переважно використовує тільки препозиційне розташування означуваного; ланцюжкові епітетні структури з творів І. Франка ускладнені порівняльними зворотами, що не є властивим поезіям Я. Каспровича.

Зіставлення творчості І. Франка і Я. Каспровича чітко виявляє типологічні подібності і диференційні ознаки поетичних текстів кожного з них. Насамперед, у поетів виявляється спільність загальнолюдського, того, що не має просторових обмежень, хоча і осмислюється на локальному (автохтонному) матеріалі. Самобутність кожного митця розкривається в зображенні цієї споконвічно загальнолюдської теми, що безпосередньо пов'язане з індивідуальною неповторністю творчої манери.

Література

1. Волковинський О. Поетика епітета. Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О. В., 2011. – 350 с.
2. Назиров Р. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа: Гилем, 1998. – С. 57–71.
3. Озеров Л. Ода эпитету (Письма о поэзии). // Вопросы литературы, 1972, №4. – С. 135 – 163.
4. Потебня А.А. Мысль и язык. // А.А. Потебня. Слово и миф. М.: Правда, 1989. – С. 17–200.
5. Томашевский Б. Стилистика [2-е изд., испр. и доп.]. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. – 288 с.
6. Турсунова Л. К проблеме классификации эпитетов. // Сб. научн. трудов МГПИЯ им. М. Горька. Вып.75. Вопросы романо-германской филологии. / Отв. ред. А. В. Кунин. М., 1974. – С. 67 – 89.

7. Франко З.Т. Засоби мовної майстерності лірики Т. Шевченка періоду заслання. // З.Т. Франко. Джерела мовної майстерності Т.Г. Шевченка. К.: Вид-во АН УРСР, 1964. – С. 76–98.

8. Франко І. Зібрання творів у 50-ти т. Т. І.: Поезія. / Ред. Н.Л. Калениченко. К.: Наукова думка, 1976. – 501 с.

9. Kasprowicz J. Dzieła poetyckie wyd. zbior. w 22 t. / Jan Kasprowicz; pod red. L. Biernackiego. – Т. III.: Liryki. – Lwów: Towarzystwo Wydawnicze Warszawa: E. Wende i Sp. (T. Hiż i A. Turkuł), 1912. – 318 s.

10. Kasprowicz J. Dzieła poetyckie wyd. zbior. w 22 t. / Jan Kasprowicz; pod red. L. Biernackiego. – Т. III.: Liryki. – Lwów: Towarzystwo Wydawnicze Warszawa: E. Wende i Sp. (T. Hiż i A. Turkuł), 1912. – 318 s.

11. Kasprowicz J. Dzieła poetyckie wyd. zbior. w 22 t. / Jan Kasprowicz; pod red. L. Biernackiego. – Т. IV.: Liryki. – Lwów: Towarzystwo Wydawnicze Warszawa: E. Wende i Sp. (T. Hiż i A. Turkuł), 1912. – 380 s.

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ В РОМАНЕ Л.Н.ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

*Устиян Иван Григорьевич,
доктор хабилитат экономических наук,
конференциар университета
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье дается анализ отражения некоторых политико-экономических и социологических идей классической школы экономического либерализма Адама Смита в романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина».

Ключевые слова: Лев Толстой, Пушкин, Смит, политэкономия, частная собственность, экономическая свобода, освобождение крестьян от крепостного ига.

POLITICAL ECONOMY IDEAS IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY LEO TOLSTOY

Abstract. Some ideas of classical political economy, elaborated by Adam Smith seen through the socio-analytical prism of famous Russian writer Tolstoy have been treated in the article.

Key words: Tolstoy, Pushkin, Smith, political economy, private property, economical liberty, the deliverance of the peasant.

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

IDEILE ECONOMIEI POLITICE ÎN ROMANUL LUI LEV TOLSTOI «ANA KARENINA»

Adnotare. În articol se analizează reflectarea unor idei sociologice și politico-economice a școlii clasice liberale ale lui Adam Smit în romanul lui Lev Tolstoi «Ana karenina».

Cuvinte-cheie: Tolstoi, Pușkin, Smith, economia politică, proprietatea privată, libertatea economică, eliberarea țăranilor de la jugul iobăgiei.

Десятилетие после обнадеживающей экономической реформы 1861 года, проводимой по инициативе императора Александра II под знаком освобождения крестьян от ига крепостного права, в России называли «периодом радужных надежд», прелюдией лучшего будущего. В это время из Сибири стали возвращаться декабристы. Эйфория реформы не миновала и Л.Н. Толстого. В 1863-1868 годах он создал роман «Война и мир», в котором воспел победу русского народа над Наполеоном в отечественной войне 1812 г. Европа признала в Толстом своего гениального писателя.

Десятилетие иллюзорных надежд сменилось десятилетием экономического кризиса (1871 – 1881 гг.). 1871-й стал переломным годом победы монополистического капитализма над капитализмом свободной конкуренции. В этом же году силами реакционных правительств Франции и Германии была подавлена Парижская Коммуна. Экономический кризис отразился на всех сторонах социальной и семейной жизни людей во всех странах Западной Европы. Отчаяние, разочарование и неуверенность в грядущем дне вызвали эпидемию самоубийств, в том числе и по бытовым мотивам. Толстой хорошо знал эти негативные явления, которые проникли и в Россию.

Но самым главным кризисом названного десятилетия в России стал кризис крестьянского хозяйства после реформы 1861 года, в результате которой крестьяне были освобождены формально, без наделения их землей в частную собственность. Материальное положение крестьянства России ухудшилось. В 1873 году Толстой начал роман «Анна Каренина», в котором намеревался, как он писал, отразить «мысль семейную». Роман, показывающий социальную жизнь общества через призму семейной жизни, был окончен в 1877 году и издан отдельной книгой в 1878-ом. Этот роман сразу получил высокие оценки видных русских писателей – современников: Тургенева, Достоевского, Лескова, Фета и др. А немецкий писатель Томас Манн, восторженно оценивший произведение, назвал «Анну Каренину» «социальным романом». И это верно, потому что в романе отражены экономические идеи Смита, Бентама, Милля, Сэя, Герцена, Чернышевского, Шторха – русского академика-политэконома, лицейского профессора Пушкина. Немецкий философ Гегель сказал, что «политэкономия – делает честь мысли...». Это высказывание прямо соотносится с романом «Анна Каренина».

Отметим, что в этом романе мысли Л.Н. Толстого об относительно освобождении крестьян от крепостной зависимости без выкупа или с незначительным выкупом и с наделением их землей в частную собственность с правом наследования созвучны взглядам А.С. Пушкина, о которых нам уже приходилось писать. Созвучия эти, на наш взгляд, заключаются в следующем.

Идеи «экономической социологии», которые Пушкин облек в поэтическую форму, Толстой довел до логического

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

завершения под названием «социально-нравственной социологии».

Пушкин создал своего рода «культурно-литературный институционализм»; Толстой создал два вида институционализма – социальный и духовно-нравственный, которые вобрали в себя и культурно-литературные составляющие. Отметим, что названные аспекты составляют основу социально-экономической школы «институционализма», идеи которой в 1899 году обосновал американский экономист Т. Веблен.

И Пушкин, и Толстой большое внимание уделяли основной социально-экономической и духовно-нравственной ячейке общества («обществу в миниатюре») – семье как базовой «социальной институции общества», из недр которой исторически возросли две очень важные институции – «институция собственности» и «институция государства», или иначе «государственный институционализм».

И у Пушкина, и у Толстого были многодетные семьи, основанные на «патерналистической институции любви» к детям и своим близким. История убедительно доказала, что «институция семьи» является ярким примером прочности, устойчивости и непоколебимости русского народа, верящего в российскую государственность – залог благополучия каждого жителя России. Такие семьи можно рассматривать как «микросударственные институции» по воспитанию убежденных патриотов отечества, носителей «генетического кода» русского народа, который является гарантией жизнестойкости государства.

Все перечисленные здесь созвучия и параллели жизни и творчества двух писателей и мыслителей отражены в таких произведениях Пушкина, как «Евгений

Онегин», «Борис Годунов», «Полтава», «История Петра», романах Толстого «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресенье», «Севастопольских рассказах» и других шедеврах русской литературы.

В данной статье рассматриваются аспекты «социального институционализма» и «духовно-нравственного институционализма» в «семейно-социальном» и «социально-психологическом» романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Л.Н. Толстой всю жизнь следовал завету «чтение – лучшее учение». Он читал постоянно, много и творчески, в том числе Пушкина, с поэзией которого познакомился в возрасте 5 лет. Спустя много лет он писал: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться».

Роман «Евгений Онегин» попал Толстому в руки вечером, и за ночь был прочитан дважды. Следует подчеркнуть, что «Евгений Онегин» пришел к Толстому после того, как он уже прочел произведения Ж.Ж. Руссо «Исповедь», «Эмиль, или о воспитании», «Новая Элоиза» и «Общественный договор» на французском языке из домашней библиотеки.

Толстой, безусловно, разделял мнение В.Г. Белинского, назвавшего роман Пушкина «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни» первой трети XIX века.

Об отношении Толстого к Белинскому рассказал в письме к И.С.Тургеневу один из его друзей – Е.Я. Колбасин. Зайдя к Толстому 8 января 1867 г., он увидел на столе статьи Белинского о Пушкине. *«По поводу этого завязался между нами разговор и, боже!, какая славная перемена. Самолюбивый и упрямый оригинал растаял, говоря о Белинском, торжественно сознался, что он, армейский офицер, дикарь, что вы задели его*

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

страшно своею, по его выражению – “непростительною для литератора громадностью сведений”. Словом, он восхитил меня и порадовал, и я подивился этой крепкой натуре, которая ничего не хочет принять на слово и все добывает посредством собственной критики».

К Пушкину Толстой обращался постоянно. Однажды он приехал домой, в Ясную Поляну, в 4 часа утра, *«все спали, и я, усевшись на балкон, прочел пушкинского “Дон-Жуана” и до того был в восторге, что хотел тотчас писать Тургеневу об своем впечатлении».*

Толстой часто вспоминал замечательную прозу Пушкина, подчеркивая: *«вот так надо написать, – как Пушкин».*

Приведем еще одну важную параллель. Как известно, Пушкин в 30-е годы XIX века написал записку «О народном просвещении» на имя императора Николая I, а спустя 70 лет Толстой адресовал записку правнуку Николая I, молодому императору Николаю II. В обоих посланиях говорится о двух важных вопросах: о свободе (реальной) и о просвещении народа. Но оба императора остались глухими к мудрым мыслям выдающихся людей России. Наоборот, император Николай I затаил злобу на Пушкина и, вместо благодарности, усилил полицейский надзор над ним. Точно так же отнесся Николай II к мыслям Толстого, советовавшего императору реально освободить крестьян от рудиментарных пут крепостного права и дать народу образование – залог прогресса страны и социального благополучия общества. Вместо благодарности царь и его чиновники заставили государственный Синод предать великого гражданина, истинно верующего в идеалы Христа, анафеме, опозорив тем самым не Толстого, а институт монархии.

Пушкин и Толстой советовали своим императорам дать большинству народа – крестьянству экономическую, социальную и личную свободу с одновременным его просвещением не только ради его (народа) блага, но и для блага России и престола. Пушкин и Толстой выступали за легитимные социально-экономические преобразования, без радикализма социальной революции. К сожалению, здравый смысл двух гениев России, которые желали добра и благополучия не только монархии, но и крестьянству, не был оценен. Здесь предложим сравнительное описание наиболее значимых мыслей А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.

Предложения Пушкина:

-организовать массовое просвещение народа, подавляющее большинство которого тогда составляло крестьянство;

-создать большее количество высших, средних учебных заведений и ланкастерских школ (по примеру школ, созданных лордом Байроном в своем имении в Ньюстедде, и по опыту профессиональных школ для солдат-новобранцев, созданных генералом-декабристом М.Ф. Орловым в Кишиневе – И.У.);

-организовать изучение политической экономии «по системе Сэя и Сисмонди» во всех высших учебных заведений России.

В своей записке Пушкин уверял императора Николая I в том, что широкое просвещение народа (крестьянства), особенно в государственных школах, создаст убежденных патриотов, верных царю и Отечеству, и хороших специалистов для всех отраслей народного хозяйства, и особенно для сельского хозяйства.

Предложения Толстого:

-уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию;

-разрешить доступ к образованию подрастающего поколения абсолютно всех социальных классов и слоев населения и особенно крестьянской молодежи;

-наравне с государственными школами и высшими учебными заведениями разрешить создание всякого рода частных школ, как общеобразовательных, так и профессиональных (созвучие с предложениями Пушкина о создании широкой сети ланкастерских школ по подготовке распространенных в то время технических специалистов и квалифицированных рабочих – И.У.). «Свободные частные школы», в том числе высшие, по Толстому, позволили бы получить образование той части молодых крестьян, которые не имели возможность посещать государственные учебные заведения.

Кроме того, Толстой предлагал снять ограничения на доступ молодежи к книгам для «Народного чтения», «почему-то считаемым вредными для народа».

В записке Толстого содержится отличное от Пушкина предложение об освобождении образования и воспитания молодежи от чрезмерной государственной опеки (у Толстого – «правительственного стеснения») с тем, чтобы развить у молодежи и преподавателей силу личной инициативы в лучшем освоении тех теоретических знаний, которые более нужны в реальном народном хозяйстве, особенно в сельском.

Вероятно, о выдающемся английском экономисте Адаме Смите и его классическом политэкономическом учении молодой Толстой узнал из романа «Евгений Онегин», герой которого

«...читал Адама Смита

*И был глубокий эконоом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда **простой продукт** имеет».*

Эта строфа, названная пушкинистами «экономической», отражает положения трех экономических школ – теории либеральной экономики Смита, французской школы физиократов и денежно-торговой системы хозяйствования – меркантилизма.

Толстой, несомненно, обратил внимание на замечания Пушкина относительно устаревшей системы хозяйствования, основанной на подневольном труде крепостных крестьян. Речь идет о двух последних строках «экономической строфы», где говорится о неприятии отцом Онегина новых методов хозяйствования, которые его сын замыслил применять в отцовской вотчине. *«Отец понять его не мог»*, то есть не мог освободиться от груза устаревших, малоэффективных методов ведения сельского хозяйства и по-прежнему *«земли отдавал в залог»*.

Реформаторские действия Онегина, который, вступив во владение именем своего дяди, *«ярем <...> барщины старинной Оброком легким заменил»*, Толстому были близки. Напомним, что в своем родовом имении Ясная Поляна он в середине пятидесятых годов (с 1856 г.) сделал попытку освободить крестьян от крепостной зависимости, а затем эти новаторские, для того времени, экономические идеи исповедовал в своей хозяйственной деятельности герой «Анны Карениной» Константин Левин.

Разумеется, творчество А.С. Пушкина не было для Толстого единственным источником экономических знаний, но показательно, что перед написанием романа

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

«Анна Каренина» он заявлял, что глубоко понял Пушкина. Реформаторские идеи нашли отражение не только в этом романе, но и в повестях, рассказах и публицистике Толстого конца XIX – начала XX веков.

Толстой, как и Пушкин, был убежден, что частная собственность не только дает барину большую степень свободы, но и воспитывает у владельца большую ответственность, направленную на лучшее хозяйствование в своем имении. Ведь и Евгений Онегин, получив в наследство крупную собственность, в одночасье переменялся и оставался «дома целый день», весь «в расчеты погруженный», добросовестно осваивая хозяйственные книги покойного дяди.

«И раб судьбу благословил», – пишет А.С. Пушкин. А Толстой «посоветовал» Левину написать книгу о ведении хозяйства, в которой показать преимущества труда свободного работника.

Напомним базовые принципы либеральной экономической теории А. Смита:

- экономическая свобода товаропроизводителей;
- богатство общества создается только производительным трудом работниками двух отраслей сферы материального производства: сельского хозяйства и промышленности;
- главное богатство не деньги, а реальные материальные блага народного потребления;
- частная собственность товаропроизводителей как синоним экономической свободы с правом наследования;
- свободный доступ к рынку всех товаропроизводителей;
- свободная конкуренция товаропроизводителей;

– либеральное законодательство.

Толстому очень импонировала идея производительного труда свободного фермера, хозяйствующего на земле, которая находится в его частной собственности с правом наследования. Эту идею Толстой проводил в жизнь в своем имении, она отражена и в романе «Анна Каренина».

Но Толстой отверг идею Смита о том, что человеком движет «только личный – эгоистический, корыстный интерес» [2, 27-28]. Для внедрения новых методов хозяйствования, считал русский писатель, нужны новые, молодые, европейски образованные хозяева. «Жизнь выталкивает праздного человека» времен традиционного крепостничества и нуждается в таких хозяевах-новаторах, как Левин, ибо они являются локомотивами экономического и социального прогресса общества.

Следовательно, для Толстого была очевидна ригидность противоречий между «эгоистичными индивидуальными интересами» «экономического человека» (по Смит), то есть богатого барина-землевладельца, и «экономическими интересами коллектива» – работников. Он отказался от политэкономии Смита и в поисках возможности преодоления этих противоречий направляет своего героя по утопическому пути.

Константин Левин работает над книгой под названием «Наука о хозяйстве» – об особенностях ведения сельского хозяйства в новых институциональных условиях, сочетающихся с кризисными явлениями 70-80 годов XIX века. В своей книге Левин намеревался соединить три идеи:

В первой, основной, части своего сочинения Левин намеревался дать «критику всех старых сочинений о

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

хозяйстве» и обосновать «отеческую заботу о работнике», то есть о крестьянине. Во второй – изложить свои рассуждения о «поэтической радости весны». Третью часть предполагалось назвать – «Наука о хозяйстве».

Термин «политическая экономия» Л.Н. Толстой и его герой употребляли, когда речь шла о стоимостных методах хозяйствования. В полемике со Степаном Аркадьичем Облонским Левин уточнил замысел книги: *«Я говорю не о политической экономии, я говорю о науке хозяйства. Она должна быть как естественные науки и наблюдать данные явления и рабочего с его экономическим и духовно-нравственным идеалами...»* [3, 162-170]

Здесь Толстой высказал свое отрицательное отношение к классической политической экономии с ее идеями о «денежном хозяйстве» («денежном мире», «стоимостной экономике»), то есть экономике чистогана и всевластия денег, поднятых до уровня идеала рыночной экономики в книге Адама Смита «Богатство народов». Толстой соглашался со Смитом только по одному вопросу – вопросу о материально-вещественном богатстве стран и народов. *«Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимое для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов»,* – писал Смит [2, 12]. Следовательно, под богатством понимается материально-вещественная форма продуктов труда. Именно в эту форму верил успешный хозяин-собственник Л.Н. Толстой. Он не воспринял таких стоимостных категорий политэкономии Смита, как деньги, прибыль, процент, кредит, капитал и др. Писатель выступал против абсолютизации денежной

формы богатства без надежного материально-вещественного эквивалента.

Толстой пытался обогатить науку о хозяйстве данными специальных наук: агрономии – с подотраслями знания (земледелие, почвоведение), зоотехнии. Как реальный хозяин-собственник, Толстой убедился в том, что успешное развитие крупного помещичьего хозяйства зависит от степени экономической, социальной и личной свободы крестьянина-работника, считая, вслед за Монтескье, Смитом, Пушкиным и Байроном, что «высокий урожай больше зависит от степени свободы крестьянина, нежели от плодородия почвы».

Анализируя книгу Смита «Богатство народов» и критически осмысливая стоимостные политэкономические категории автора, Толстой пришел к выводу, что книга написана с «позиции капитала» и что главной идеей ее является производство богатства для господствующего класса – английской буржуазии. Более того, Толстой заметил, что главная забота Смита – это восхваление общего политэкономического «принципа высокой экономической эффективности» реальной рыночной экономики, то есть народного хозяйства, опять же связанного с интересами буржуазии – собственности капитала.

Будучи под впечатлением книг Смита и Шторха, бесед с Герценом и Прудоном, а также на основе личных наблюдений, Толстой уже на первых страницах романа «Анна Каренина» говорит о несправедливой оплате «работников» и предлагает устранить эту несправедливость методом экономических реформ. Левин в своей книге «Науке о хозяйстве» и должен был дополнить принцип «экономической эффективности» Смита идеей «социальной справедливости» Сисмонди,

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

принципом «справедливой зарплаты» Шторха, а также идеями последователей Смита – Бентама и Милля, которых Толстой упоминает на первых страницах романа. Эти экономисты осуществили заметный сдвиг теории Смита в сторону социальных проблем на основе «принципа социальной справедливости».

Книги, в том числе социологические, которые Толстой изучал при написании «Анны Карениной», составляют огромную – около 1600 названий – библиотеку. Информацию он черпал также из множества газет и журналов. Можно предположить, что Толстой вынашивал идею создания особой экономической науки – «науки о хозяйстве», в которой стоимостные экономические категории Смита, отражавшие «экономическую эффективность», гармонично сочетались бы с категориями социологического характера, родственными принципу «социальной справедливости», где есть место и духовно-нравственным идеалам самого Л.Н. Толстого. Эта наука, обогащенная данными естественных наук, была бы направлена на повышение благосостояния «работника» – единственного создателя материальных богатств общества.

Величайшая заслуга Толстого – писателя, мыслителя и проповедника заключается в том, что он подчинил экономическую социологию человечества одному единственному вопросу – вопросу счастливой жизни каждого индивидуального человека. *«Двигатель всех наших действий есть все-таки личное счастье»*, – считал он. Но личного счастья, по Толстому, можно достичь, только убежденно следуя двум фундаментальным принципам жизни, созданных Петром Великим на заре его преобразовательной деятельности: *«трудитесь»* и *«молитесь»*. Это означает, что труд только тогда что-

нибудь да стоит, когда он связан с духовно-нравственными идеалами христианства. Хороший мужик-работник – это православный человек, который всегда считает, что успешные результаты его труда достигнуты при постоянной божественной помощи, сконцентрированной в народной мудрости: «Да поможет нам бог». Начиная косовицу сена, Левин советуется с опытным мужиком Фомичем.

- Ну, что скажешь, Фомич, – косить или подождать?

- Да что ж! По-нашему до Петрова дня подождать. А вы раньше всегда косите. Что ж, бог даст травы добрые. Скотине простор будет.

- А погода, как думаешь?

- Дело божье. Может, и погода будет» [3, 245].

После этого разговора Левин организовал энергичную косовицу сена, работая бок о бок с мужиками, обедая вместе с ними и пробуя домашнего крестьянского кваса. Работа спорилась, барин и мужики остались довольными хорошим, душистым сеном, собранным с луговых трав в самой хорошей хозяйственной фазе.

В романе много эпизодов, где Толстой описывает, как складываются отношения барина и работников.

В один из дней, рано утром, Левин, после необходимых хозяйственных распоряжений поехал на покос, где «косцы шли уже по второму ряду». Левин «насчитал сорок два человека». Там были «родные» мужики, которых Левин хорошо знал, опытные работники, такие, как старик Ермил, энергичный Тит и молодой Васька. Вручая хозяину подготовленную для него косу, Тит не без гордости предупреждает, что инструмент хорошо наточен: «Готова, барин; бреет, сама косит ...» Мужики смотрели на Левина с уважением и

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

любопытством, ибо барин не обязан косить сено. *«Смотри, барин, взялся за гуж, не отставать!»*, – говорит высокий старик [3, 252-253]. Замечание важное, потому что в работе косцов необходима слаженность. *«Постараюсь не отстать»*, – ответил Левин и встал за опытным косцом Титом.

В процессе труда складывались доброжелательные человеческие отношения между барином-хозяином и мужиками.

«...Левин, давно не косивший и смущенный обращенными на себя взглядами, в первые минуты косил дурно, хотя и махал сильно. Сзади его слышались голоса:

- Насажена неладно, рукоятка высока, вишь, ему сгибаться как, – сказал один.

- Пяткой больше налягай, – сказал другой.

- Ничего, ладно, ... – продолжал старик. – Вишь, пошел... Широко ряд берешь, умаешься... Хозяин, нельзя, для себя старается!»

Толстой не упустил ни одной мелочи, ни одной подробности сенокоса.

«Грава пошла мягче, и Левин, слушая, но не отвечая и стараясь косить как можно лучше, шел за Титом. Они прошли шагов сто. Тит все шел, не останавливаясь, не выказывая ни малейшей усталости; но Левину уже страшно становилось, что он не выдержит: так он устал.

Он чувствовал, что махает из последних сил, и решил просить Тита остановиться. Но в это самое время Тит сам остановился и, нагнувшись, взял травы, отер косу и стал точить. Левин расправился и, вздохнув, оглянулся. Сзади его шел мужик и, очевидно, также устал, потому что сейчас же, не доходя Левина,

остановился и принялся точить. Тит наточил свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На втором приеме было то же. Тит шел мах за махом, не останавливаясь и не уставая. Левин шел за ним, стараясь не отставать, и ему становилось все труднее и труднее: наступила минута, когда, он чувствовал, у него не остается более сил, но в это самое время Тит останавливался и точил».

И далее: «Так он прошли первый ряд. И длинный ряд этот показался особенно труден Левину; но зато, когда ряд был пройден и Тит, вскинув на плечо косу, медленными шагами пошел заходить по следам, оставленным его каблуками по прокоосу, и Левин точно так же пошел по своему прокоосу. Несмотря на то, что пот катил градом по его лицу и капал с носа и вся спина его была мокра, как вымоченная в воде, – ему было очень хорошо. В особенности радовала его то, что он знал теперь, что выдержит...»

Следующее замечание Толстого показывает очень важную составляющую духовно-нравственной и социально-экономическую лаборатории «внутреннего Я» (слова Толстого – И.У.) Левина:

«Он не думал, ничего не желал, кроме того, чтобы не отстать от мужиков и как можно лучше сработать. Он слышал только лязг кос и видел перед собой удаляющуюся прямую фигуру Тита, выгнутый полукруг прокоса, медленно и волнисто склоняющиеся травы и головки цветов около лезвия своей косы и впереди себя конец ряда, у которого наступит отдых».

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

Далее Толстой показывает возникшую «цепь сцеплений» – совершенно новые духовно-нравственные связи, гармонизирующие интересы хозяина и мужиков:

«Пройдя еще один ряд, он (Левин – И.У.) хотел опять заходить, но Тит остановился и, подойдя к старику, что-то тихо сказал ему. Они оба поглядели на солнце. “О чем это они говорят и отчего он не заходит ряд?” – подумал Левин, не догадываясь, что мужики не переставая косили уже не менее четырех часов и им пора завтракать.

- Завтракать, барин, – сказал старик.

- Разве пора? Ну, завтракать.

Левин отдал косу Титу и с мужиками, пошедшими к кафтанам за хлебом, через слегка побрызганные дождем ряды длинного скошенного пространства пошел к лошади. Тут только он понял, что не угадал погоду и дождь мочил его сено.

- Испортит сено, – сказал он.

- Ничего, барин, в дождь коси, в погоду гребь! – сказал старик» [3, 254].

Толстой пишет о трудолюбии народа, трудовом опыте и ответственности крестьян за результаты труда:

«Старик, прямо держась, шел впереди..., точным и равным движением, не стоившим ему, по-видимому, более труда, чем маханье руками на ходьбе, как бы играя. Откладывал одинаковый, высокий ряд. Точно не он, а одна острая коса сама вжикала по сочной траве...» Сзади Левина шел молодой Мишка, который *«видимо, готов был умереть скорее, чем признаться, что ему трудно»*. Левин шел между ними. *«Коса резала сама собой. Это были счастливые минуты. Еще радостнее были минуты, когда, подходя к реке, в которую утыкались ряды, старик*

обтирал мокрою густою травой косу, полоскал ее сталь в свежей воде реки, зачерпывал брусницу и угощал Левина».

Угощая барина, старик говорил: *«Ну-ка, кваску моего! А, хорош!»*. Левин *«действительно, никогда не пивал такого напитка, как это теплая вода с плавающей зеленью и ржавым от жестяной брусницы вкусом»*.

Левин, как барин-хозяин и как друг мужиков, окунулся в жизнь крестьян, участь у них великой премудрости человеческого бытия, освященного духовно-нравственными идеалами Христа, которые помогали жить полнокровной творческой жизнью. Толстой наделил Левина своими личностными качествами: человеколюбием, пиететом перед народной жизнью с ее трудностями и радостями. Такая жизнь, по его мнению, должна облагородить все социальные слои населения России новой преобразующей силой *«во всех ее проявлениях»*. Герой Толстого испытывает радость от нелегкого земледельческого труда:

«Чем далее Левин косил, тем чаще и чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело, и, как бы по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные минуты... Трудно было только тогда, когда надо было прекращать это ... движение».

Труд приблизил Левина-барина к мужикам: он стал слушаться опытного старика, делая все то, что делали все косцы:

«- Ну барин, обедать!» – сказал решительно старик и предложил отведать тюрки. Левин принял угощение, и *«тюрка была так вкусна, что Левин раздумал ехать домой обедать. Он пообедал со стариком и разговорился с*

Раздел III. Литературоведение и лингвопоэтика: полилог научных концепций

ним о его домашних делах, принимая в них живейшее участие, и сообщил ему все свои дела и все обстоятельства, которые могли интересовать старика. Он чувствовал себя более близким к нему, чем к брату, и невольно улыбался от нежности, которую он испытывал к этому человеку». После обеда старик помолился и лег под кустом. Уставший Левин сделал то же самое и тут же заснул. А когда проснулся, испытал чувство удовлетворения. Он «оглянулся вокруг себя и не узнал места: так все переменилось. Огромное пространство было скошено...» [3, 256]

Уборка и вывоз сена происходили с настроением той самой «поэтической радости», о которой Левин собирался писать в своей книге. «Все это потонуло в море весёлого общего труда. Бог дал день, бог дал силы. И день и силы посвящены труду; и в нем самом награда», – пишет Толстой.

Часть косцов ушла домой, а «народ, оставшийся ночевать в лугу, не спал почти всю короткую летнюю ночь. Сначала слышался общий веселый говор и хохот за ужином, потом опять песни и смехи... Левин, не замечаемый народом, продолжал лежать на копне и смотреть, слушать и думать. ... Весь длинный трудовой день не оставил... другого следа, кроме веселости».

Именно этой ночью, отдыхая на копне сена, Левин сделал важные для себя выводы. Во-первых, необходимо «отречение от своей старой жизни». В первый раз он ясно подумал о том, что «от него зависит переменить ту столь тягостную праздную, искусственную и личную жизнь, которую он жил, на эту трудовую, чистую и общую прелестную жизнь».

Он испытывал «тоску по Будущей жизни», *«простой и чистой жизни, наполненной чувством народной мудрости и достоинства»*;

И еще ему хотелось создать прочную семью, похожую на семью молодого крестьянина Ивана Парменова, и вместе с женой переменить старую жизнь на новую, обогащенную мудростью народа. Левин, как никогда, почувствовал себя частицей своего народа и работал на воцарение в жизни социально-экономической и духовно-нравственной гармонии интересов между ним – богатым барином и его мужиками-крестьянами, которым он постарается помочь стать богаче и счастливее.

Литература

1. Пушкин А.С. СС в 10 т. М.: Правда, 1981.
2. Смит Адам. Богатство народов. М.: Мысль, 1962.
3. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Серия: Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1976.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И
ДИДАКТИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ
ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В
ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ**

**ИДЕИ Н.Ф. ФЕДОРОВА
КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ
ЭТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

*Батыр Татьяна Борисовна,
доктор философии, старший преподаватель
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье рассматривается этическая сторона философского наследия Н. Ф. Фёдорова, её воздействие на воспитание и формирование личности. Понимая философию Общего Дела Н. Ф. Фёдорова как некий идеал, который должен стать «внутренней целью» человека и фундаментальной составляющей воспитательного процесса, автор подчеркивает, что знание основных идей его философии с детства может способствовать формированию высокой нравственности человека.

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров, этическое воспитание, дробный идеал, целостный идеал, трагизм, Философия Общего Дела.

**N. F. FIODOROV'S IDEAS
AS INHERENT PART
OF ETHIC-EDUCATIONAL PROCESS**

Abstract: The article deals with the ethical part of N. F. Fiodorov's philosophical heritage, with the influence of the former upon the upbringing and formation of the person. Ideal as the "internal intention" is the fundamental part of the educational process. The Philosophy of Common Deed by Fiodorov is nothing less than the ideal. One cannot conceive education without ideals. Acquaintance with these ideas since childhood can contribute to the development of high morality.

Key words: N. F. Fiodorov, ethics, education, fractional ideal, holistic ideal, tragedy, Philosophy of Common Deed.

IDEILE LUI N.FEDOROV – PARTE INSEPARABILĂ
A PROCESULUI ETICO-EDUCATIV

Adnotare. În articol este abordat aspectul etic al moștenirii filosofice ale lui N.Fedorov, influența ei asupra procesului educativ și formarea personalității. Trăfind filosofia Cauzei Comune ale lui N.Fedorov ca un ideal care ar trebui să devină «scop în sine» ale omului și componentă fundamentală al procesului educativ, autorul subliniază, că cunoașterea din copilărie a ideilor de bază a Filosofiei Cauzei Comune, pot contribui la formarea înaltelor calități morale ale omului.

Cuvinte-cheie: N.Fedorov, educația etică, ideal diferențiat, ideal integru, tragizmul, filosofia afacerilor generale.

Этика, предметом которой является мораль, а основополагающими понятиями – Добро и Зло, присутствует в жизни человека едва ли не с первых месяцев жизни. Даже тогда, когда мы знаем, что маленький человечек совсем не понимает смысла произносимых нами слов, мы всё же говорим ему: «Так ведь нельзя!», «Так некрасиво!», «Как тебе не стыдно?», «Ну, разве можно так?», «*Воспитанные* дети так себя не ведут»... Сказанное нами интонационно вовлекает ребёнка в ту систему этических ценностей, которая была привита нам родителями, прародителями, прапрародителями... Чувствуя и артикулируя незыблемые нормы, мы не даём разрушиться целостности, достраиваем и оберегаем её; в основе наших помыслов и наших действий находится тот самый «целостный идеал» (Н. А. Сетницкий [4, 659]) или «всеобщий синтез», названный Николаем Фёдоровичем Фёдоровым ещё и «супраморализмом» [3, 388].

С развитием человека соотношение приемлемого/неприемлемого, дозволенного/недозволенного, морального/аморального становится всё более значимым и определяющим настоящее и будущее индивидуума. Этическая проблематика занимала центральное место в системе взглядов реформатора философской мысли Сократа, в учениях стоиков, эпикурейцев, киренаиков, киников. Понятие «этика» является производным от

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

многозначного слова «этос» «с неустойчивым терминологическим статусом» [1]. Первоначально в античной философии «этос» означало ‘место совместного проживания’, ‘совместное жилище’ [1]. И лишь с развитием общества этот смысл стал связываться с ‘совокупностью нравственных императивов, имплицитно присущих intersubjectному пространству’ [1] – правилами, порождаемыми совместным проживанием, а также такими понятиями, как совесть, дружба, смысл жизни, самопожертвование, взаимопомощь, взаимопонимание, преодоление агрессии и многими другими, постоянно пополняемыми и переосмысливаемыми в ходе развития науки этики.

Вплоть до недавнего времени, да и сейчас, имя основоположника «философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова ассоциировалось не иначе, как с утопизмом, несбыточностью, фантазёрством, и было известно очень узкому кругу специалистов или академических работников. Можно даже сказать, что оно было совсем неизвестно. Фёдоров в сознании даже знающих его людей воспринимался как «философ-утопист», а изложенные им идеи – как «консервативно-патриархальные иллюзии» [3, 5]. При всей «несуразности» его учения, Николай Фёдорович ещё при жизни пользовался большим уважением очень известных людей, таких, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, К.Э. Циолковский, Н.А. Бердяев С.Н. Булгаков и многих других. Фёдорова читали, изучали, обсуждали, анализировали. Фёдорова читают, изучают, обсуждают, анализируют. Его «странная» философия продолжает привлекать не столько своей необычностью, особенностью, но, может быть, даже в большей степени,

своей человечностью, почитанием всякой человеческой жизни, сроднённостью со всем миром и с каждым человеком как неслучайным телеологическим элементом целостности как идеала.

Почему же учение Фёдорова должно и может стать неотъемлемой частью этического воспитания? Жизнь людей состоит из человеко столкновений, человеко сосуществований, одним словом, из человекообмена. Смысл жизни человека не может быть исчерпан одной лишь его «саможизнью». Самодостаточность – явление на определённой ступени опасное, вредное, самоизъедающее. Самодостаточность имеет меру, сверхмерная самодостаточность – пагубна для личности. Люди, окружающие человека, и есть его целостная, осмысленная жизнь. Природа и культура суть различны, они даже антиподы. Целостность – явление культурное, разумное, нарушаемое неразумностью, стихийностью природы. В результате целостность как культурное явление распадается, становясь единичной, подчиняясь неразумной природе и подстраиваясь под неё. Уникальность человеческой личности – это дань не природе, а культуре (природе лишь отчасти). Потеря человека – это потеря культуры, заключенной в природу. Теряя человеческое тело, мы теряем и часть *нашей* целостности; теряем тот смысл жизни, к которому шли и который приобрели.

Упомянутый выше Николай Александрович Сетницкий (1888-1937), убеждённый последователь фёдоровского дела, в своей работе «Целостный идеал» подразделяет все идеалы на «дробные» и «целостные». Дробные идеалы являются, по мысли Сетницкого, «разрозненными частями недовершённой и недоделанной постройки» [4, 660]. «Обращаясь к теориям Фёдорова, –

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

пишет Сетницкий, – необходимо отметить, что и здесь имеет место, пожалуй, наиболее яркая попытка дать целостное построение...» [4, 663]. «При этом сам автор рассматривает свои писания не как полную, законченную и совершенную постройку, а только как первоначальные эскизы, очерки и наброски <...> Смыслом его утверждений является <...> стремление к осуществлению того дела, которое он считает задачей, смыслом и целью человечества и в осуществлении коего он видит единый, единственный и целостный идеал» [4, 663]. «Идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека», связанный у Канта с «внутренней целью», носителем которой может быть только человек [202], есть «фундаментальная составляющая воспитания [2]. Само «воспитание можно определить как устремление к достижению идеала, идеального образа» [2]. Два русских мыслителя – Н.О. Лосский и В.В. Зеньковский, озаглавившие свои статьи, посвящённые «необыкновенному библиотекарю», одинаково и лаконично – «Н.Ф. Фёдоров», – тоже считали, что у каждого человека должен быть свой идеальный образ, свой идеал. Никто, наверное, не станет переубеждать других в том, что без идеала жизнь разумных существ пуста, бессмысленна и обесчеловечена.

Философская система Фёдорова представляет собой идеал, к которому должно стремиться всё человечество, все поколения, которым люди должны руководствоваться в своих жизненных целях, во всех делах, во всех устремлениях. Источниками нравственности и понимания чувства долга являются две значимые работы Николая Фёдоровича – «Супраморализм, или Всеобщий синтез» и «Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского,

неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записки от неучёных к учёным, духовным и светским, к верующим и неверующим»).

Первая из них написана Фёдоровым за год до смерти мыслителя, в 1902 году. Этой работой Николай Фёдорович предпринимает попытку дать «учёное» название своему учению. В «Супраморализме» автор кратко и чётко излагает основные идеи «всеобщего дела».

Прежде чем перейти к существенным для данной статьи аспектам, целесообразно обратиться ещё к одному этическому термину, а именно к деонтологии. Напомним, что данное понятие было введено английским социологом и философом Иеремией Бентамом, жившим в XVIII и XIX веках. (К сожалению, философское и научное наследие Бентама изучено мало, и сводится, по сути, к «принципу пользы» в этической сфере. В настоящее время издано несколько монографий, в которых беспристрастно и скрупулёзно рассматриваются взгляды этого учёного и философа). Двухтомный труд под названием «Деонтология, или Наука о морали» увидел свет в 1834 году. Бентам употребил слово «деонтология» для «обозначения теории нравственности в целом» [5, 158]. Со временем его значение срослось со своими этимологическими корнями. В переводе с греческого δέου значит нужное, должное. Деонтология – это раздел этики, изучающий «проблемы долга и должного» [5, 157]. Вся философия Николая Фёдоровича и есть определение долга человека перед человеком, и долг этот неординарен с позиций его (Фёдорова) времени и нашего. В понимании философа поступательность в сочетании с развитием науки и техники недостаточна для истинного прогресса; поступательное движение назад наряду с движением

Раздел IV. Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе

вперёд с одновременным применением научных открытий во благо всех поколений – вот в чем состоит величие человеческого духа, ума и исполнение долга во всей его полноте. В 4 главе «В чём наша задача?» книги «Вопрос о братстве, или родстве» автор обращает наше внимание на то, что *«пока человечество не достигло воскрешения, оно составляет единый род только в представлении»* [3, 249]. «Долг воскрешения» – это «общая цель» и «общая работа», *«а иной высокой цели, естественной, невыдуманной, неискусственной, кроме воскрешения отцов, или восстановления всеобщей любви, нет и быть не может»*, – констатирует основоположник Философии Общего Дела [3, 249]. *«Как бы ни было велико количество умерших, оно не может дать основание к безусловному признанию смерти, так как это было бы отречением от сыновнего долга, от сыновства. Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестаёт быть тем, что он есть и чем должен быть. Увеличивающееся количество умерших отцов не уменьшает, а увеличивает сыновний долг»* (выделено нами – Б.Т.). Для нашего притупившегося чувства непонятно, какая аномалия, какая безнравственность заключается в выражении «сыны умерших отцов», т. е. сыны, живущие по смерти отцов, как будто ничего особенного, ничего ужасного не произошло! Нравственное противоречие **“живущих сынов”** и **“отцов умерших”** может разрешиться только долгом всеобщего воскрешения» [3, 258].

Своеобразие фёдоровского космизма сокрыто в видении двух форм космической силы: вне нас и внутри нас. Космическая сила вне нас *«бессильна против смерти, потому что не имеет о себе ни сознания, ни чувства»*

[3, 263], т. е. не наделена ни разумом, ни нравственным чувством. «Космическая сила» в нас, по Фёдорову, превосходит «все интересы» [3, 263], потому что «это сознание **обязывает** человека, так как всякий человек есть сын, и эта обязанность есть долг воскрешения» [3, 263].

Поэт и философ А.К. Горский в статье «Николай Фёдорович Фёдоров и современность» пишет: *«Только у ребёнка теплится здоровое, не ущемлённое чувство жизни, совершенно неотделимое от понятия её вечной восстанавливаемости, возгораемости, от идеи воскресения и воскрешения»* [4, 577-578]. *«Для неиспорченного ребёнка, для “евангельского дитяти” (как любил выражаться Фёдоров) совершенно непредставим столь дикий абсурд, как смерть “окончательная”». Чтобы вбить в голову это противоестественное понятие, требуется долголетнее давление «воспитания», «оглушающий гипноз стада “взрослых и умных” людей, угнетающая пытка страхом, отчаянием и т. п. Наконец мозг тупеет, робеет, не умеет додумать до конца ни одной мысли, забитый, замордованный человек покоряется бессмыслице, возводя её в перл житейской мудрости: “Сила солому ломит”, “Выше головы не прыгнешь”, “Плетью обуха не перешибёшь” и т. п.»* [4,578].

Ознакомление, пусть даже в самых общих чертах, учащихся и студентов высших учебных заведений с «сумасбродными» идеями великого мыслителя Фёдорова заложит основы здоровой, по-человечески мыслящей личности, даст возможность не перечеркнуть ушедшую жизнь и не подвести под неё жирную, чёрную черту, кричащую о том, что мы *здесь*, а они *там*. И мы, и они – это те же самые жизни, окультуренные, но убранные ещё не «офёдорованной» природой, и, к сожалению, пока ещё мало офёдорованной культурой. А это культура не

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

утопическая, а человеческая, глубоко моральная, и, ещё раз повторимся, здоровая.

Литература

1. Новейший философский словарь [Электронный ресурс URL:<http://www.slovopedia.com/6/221/771450.html> (дата обращения: 20.02.2014)]
2. Саратовская духовная Академия. Сборник статей [Электронный ресурс URL: <http://www.sarpds.ru/trudy-spds-sdornik-vypusk-1-©-saratov.-2007/2012-12-27-12-5-23.html> (дата обращения 01.03.2014)]
3. Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений в 4 т. Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995.
4. Фёдоров Н. Ф. Pro et Contra. СПб.: Изд.-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004.
5. Философский энциклопедический словарь. / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичёв и др. – 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с. ISBN 5-85270-030-4.

**СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ СЛОВА *ВЕТЕРАН***

*Руднева Людмила Николаевна,
доктор филологии, конференциар университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

Аннотация. В статье содержатся некоторые методические рекомендации по изучению лексики героико-патриотического содержания в плане отражения семантических изменений в русском языке. Такой лексико-семантический анализ проводится на примере лексемы **ветеран** и близких по смыслу слов.

Ключевые слова: семантический аспект, словарная работа, военно-патриотическая лексика.

**THE SEMANTIC-DERIVATIONAL ANALYSIS OF THE *VETERAN*
(FROM EXPERIENCE OF LEXICAL WORK AT THE RUSSIAN
LANGUAGE LESSONS)**

Abstract. This article provides some guidelines for the studying of heroic and patriotic vocabulary in terms of reflecting the semantic changes in the Russian language. Such lexical-semantic analysis is carried out on the example of a lexical item of *veteran* and related words.

Key words: semantic aspect, vocabulary work, military-patriotic vocabulary.

ANALIZA SEMANTICĂ CUVÎNTULUI *VETERAN*
(DIN EXPERIENȚA UTILIZĂRII LEXICALE
LA LECȚIILE DE LIMBĂ RUSĂ)

Adnotare. În articol se conțin unele recomandări metodice pentru studierea lexicii conținutului eroico-patriotic în planul reflectării schimbărilor semantice în limba rusă. O astfel de analiză semantică se propune în baza lexemei veteran și a cuvintelor apropiate după sens.

Cuvinte-cheie: aspectul semantic, lucrul cu dicționarul, lexica militaro-patriotică.

Приближается знаменательная дата – 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., поэтому в процессе проведения занятий по русскому языку важно обратить внимание на словарную работу, глубоко проанализировать значительные героико-патриотические понятия, связанные с Великой Отечественной войной: послевоенные поколения трудно представляют и понимают события и факты военной поры.

Есть слова и словосочетания, которые нуждаются в пояснении.

Цель статьи – охарактеризовать слово *ветеран* и близкие по смыслу слова и словосочетания с военно-патриотическим содержанием: ратный подвиг, защитники Родины, партизанское движение, участники боев, фронтовики, ветераны войны и многие другие.

С учетом возрастных особенностей школьников были распределены задания между классами. Например, пятиклассникам учительница одной из школ поручила написать письма ветеранам войны. С помощью учащихся был составлен текст письма-обращения, и на уроке

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

ребятам было предложено написать его под диктовку. Кроме того, каждый класс получил задание письменно объяснить значения трех слов: а). фронтовик, однополчанин, ветеран; б). патриот, герой, подвиг; в). война, битва, победа.

Проверка письма-диктанта выявила характер ошибок, а также степень понимания пятиклассниками предложенных слов. На следующем уроке были объяснены допущенные ошибки и проведена словарная работа.

Опишем здесь работу только над тремя словами – фронтовик, однополчанин, ветеран. В тексте письма (в диктанте) эти слова связаны с одним и тем же понятием – участник Великой Отечественной войны:

- фронтовик – тот, кто находился на фронте, в действующей армии [2: XVI, 1575];
- однополчанин – товарищ по полку, сослуживец по полку [2: VIII, 699];
- ветеран – опытный, бывалый, испытанный в боях воин [2: II, 247].

В принципе эти слова хорошо известны учащимся, но письменная работа выявила слабые стороны их знаний.

Слово *фронтовик* школьники определили близко к словарю. Для половины учащихся оказалось трудным слово *однополчанин*. Они понимают его так: «это один полковник», «это друг», «служил сам в полку»; четыре ученика из 16 вовсе не смогли определить значение этого слова.

Слово *ветеран* оказалось орфографически трудным (витиран, витеран, ветиран) и семантически не вполне осмысленным. Поэтому оно заслуживает более подробного описания.

Учащиеся осмысливают слово через такие признаки-понятия: 1). человек, совершивший героический (мужественный) поступок, подвиг – 12 человек; 2). участвовавший в войне (в боях) – 4 ученика. Такое понимание не вполне совпадает со словарным толкованием: ‘опытный, бывалый, испытанный в боях воин’: *старый ветеран, седой ветеран* [2: II, 247]. Это различие станет понятным, если сопоставить содержание понятия и семантику слова *ветеран*:

Признаки понятия	Значение слова
<p>Ветеран (войны, армии):</p> <ul style="list-style-type: none"> - участвовал в боях, - опытный, - бывалый, воин, - военнослужащий, прослуживший в армии много лет, - имеющий награды, - совершивший боевые подвиги. 	<p>Словарное определение основывается на некоторых признаках:</p> <ul style="list-style-type: none"> - участие в боях, - наличие военного опыта.

Нетрудно понять, почему учащиеся, в отличие от Словаря, положили в основу своего понимания значения слова другие признаки: на груди ветеранов они видят ордена и медали, которыми те были награждены за боевые подвиги в годы войны.

В подобных случаях помощь учителя, научного работника (филолога) дает возможность представить картину истории слова в тесной связи с историей обозначаемых событий, явлений. Наша справка такова.

Слово *ветеран* восходит к латинскому *veteranus* (от *vetos* – ‘старый’). В Древнем Риме *veteranus* – звание

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

воинов, прослуживших под знаменем продолжительное время [2: II, 247]; солдаты, уволенные из армии по возрасту с правом земельного и денежного обеспечения [5].

В XIX веке слово *ветеран* было заимствовано из французского языка. К концу столетия слово расширило свое первоначальное, этимологическое значение: оно стало обозначало не только старого ‘одряхлевшего солдата’, но и ‘престарелого служаку, сановника, чиновника, деятеля, на каком-либо поприще... заслуженного старца’ [1: I, 188]

В годы Великой Отечественной войны, на фронте, слово *ветеран* претерпело некоторые смысловые сдвиги: оно обозначало не ‘престарелых воинов, солдат’, как отмечает предвоенный Толковый словарь Д.Н. Ушакова [4: II, 263]. Им называли опытных, бывалых воинов, участвовавших во многих боях с 1941 – 1942 г. Это были, главным образом, люди младшего и среднего возраста. Такое обновление значения слова не вытеснило его прежнего значения ‘старый солдат’. Сравните: 1). «В нашем полку наряду с ветеранами, воюющими с первых дней войны, есть много способных молодых летчиков» («Правда», 19 мая 1944 г.); «Ковпак С. – старый ветеран партизанского движения» [П. Вершигора, «Люди с чистой совестью», кн. 1-2, 1948, с.109]

Вот почему Словарь СРЛЯ в 1953 г. фиксирует словоупотребление так: ‘Опытный, бывалый, испытанный в боях воин’ [2: II, 247]

В военные годы слово *ветеран* в новом его употреблении стало сближаться с контекстуальными синонимами «старрики», «старички», «старожилы» в их переносном значении:

1) «В бой идут одни старики» (название фильма о летчиках-фронтовиках;

2) «Привычка “старичков” шутя переносить тяготы боевой жизни помогла “новичкам” чувствовать себя увереннее» [П. Вершигора, «Люди с чистой совестью», с. 10];

3) «К тому же на личном примере, как говорили старожилы полка, ему хорошо было известно, что потери пушек чреваты для комполка неприятностями...» [А.Первенцев, «Честь смолоду», 1949, 228]

После войны слово *ветеран* расширило свое значение, раздвинув рамки словесных связей:

1) В. – партизаны, В. подполья, В. – антифашисты, В. сопротивления, а также военнослужащие, окончившие многолетнюю службу в армии;

2) заслуженные деятели в той или иной области: В. революции, В. партии, В. труда, В. науки, В. искусства. В этих сочетаниях слово *ветеран* указывает на большие заслуги людей во время их многолетней службы в армии и продолжительной трудовой деятельности.

Нередки случаи образного, переносного употребления слова: «Дома, как старые ветераны, несли на себе следы то больших, то меньших ранений» [А. Фадеев, «Ленинград в дни блокады», цит. по ССРЛЯ, 2, 247]

Таким образом, в семантической структуре слова *ветеран*, на наш взгляд, можно выделить три значения: 1) старый воин; 2) участник Великой Отечественной войны; 3) человек, долго проработавший на каком-либо предприятии, заслуженный работник в какой-либо области.

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

Итак, чтобы учащиеся правильно уяснили истинное значение слова *ветеран*, вести работу над ним целесообразно в такой последовательности:

1. Указать на исходное, этимологическое значение слова (подчеркнуть, что признак '*старый*' является в нем основным).

2. Дать сведения о том, что на русской почве в течение XIX-XX вв. слово расширило свое значение, чему способствовали социально-политические факторы (революции, войны и др.). Особую активность проявило слово после Великой Отечественной войны, что подтверждается появлением таких сочетаний: *ветеран войны, ветеран революции, ветеран партии, ветеран труда, ветеран науки* и др. [З: II,157].

3. Опираясь на словарные толкования, показать смысловые отношения слова *ветеран* (воен.) с близкими по значению словами в разные периоды.

4. Литературно-иллюстративные примеры можно почерпнуть из очерков, воспоминаний, стихотворений, песен о ветеранах-фронтовиках.

5. Раскрывая понятие *ветеран*, нужно наглядно, в сопоставлении, показать фотодокументы двух периодов жизни фронтовиков – в молодом и пожилом возрасте (см. материалы газет, музейные экспозиции и др.).

6. Привести примеры из жизни, назвав имена известных учащимся лиц – ветеранов войны и труда.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло семь десятилетий. Это срок, достаточный для того, чтобы в языке, в том числе в семантике слов, произошли объективные изменения. Однако для сбережения исторической памяти необходимо, чтобы в сознании

молодого поколения существовало адекватное представление о значении слов, являющихся воплощением этой памяти, в том числе их коннотации. Поэтому работа с военно-патриотической лексикой актуальна сегодня как в школе, так и в вузе.

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955.
2. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ 1). В 17 т. М., 1948-1965.
3. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ 2). В 20 т. М., 1991.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. М., 1935-1940.
5. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1953.

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ

*Демченко Людмила Ивановна,
кандидат филологических наук, профессор
(Приднестровский государственный университет
им. Т.Г.Шевченко)*

Аннотация. Преподаватель вуза должен обладать универсальными качествами как личность, как оратор, как руководитель, как профессионал. Цель работы – выявление характеристик коммуникативного поведения преподавателя. Это позволит определить уровень его профессионально-речевой культуры и пути ее дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: преподаватель вуза, студент, культура, коммуникативное поведение, профессионализм, элитарная личность.

COMMUNICATIVE ACTIVITY OF THE TEACHER AS A REPRESENTATIVE OF ELITE CULTURE

Abstract. The university lecturer should have universal qualities as a person, as a speaker, as a leader, as a professional one. The aim of this work is to

Раздел IV. Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе

---

identify the characteristics of the teacher's communicative behaviour. It will allow defining the level of his/her professional and speech culture and a way of its further improvement.

Key words: university lecturer, student, culture, communicative behaviour, professionalism, elite personality.

ACTIVITĂȚI DE COMUNICARE A PROFESORULUI ÎN CALITATE DE REPREZENTANT ELITAR AL CULTURII

Anotare. Profesorul unei instituții superioare trebuie să posede alese virtuți în calitate de personalitate, de orator, de conducător, de profesionist. Scopul lucrării rezidă în identificarea particularităților comportamentului comunicativ al profesorului. Acest fapt va permite definirea nivelului profesional de cultură a vorbirii și a modalităților de îmbunătățire a acestuia.

Cuvinte cheie: profesor, student, cultură, comportament comunicativ, profesionalism, personalitate elitară.

COMMUNICATIVE ACTIVITY OF THE TEACHER AS A REPRESENTATIVE OF ELITE CULTURE

Abstract. University lecturer should have universal qualities as a person, as a speaker, as a leader, as a professional. The aim of this work is to identify the characteristics of communicative action of the teacher. It will allow defining the level of his professional and speech culture and a way of its further improvement.

Key-words: teacher of higher education institution, student, culture, communicative action, professionalism, elite personality.

Как подчеркивают эксперты в области педагогики высшей школы, преподаватель вуза должен обладать особыми универсальными качествами, не только профессиональными, но и личностными.

К преподавателю вуза, считают эксперты, предъявляются следующие требования:

- высокий профессионализм и профессиональная культура;
- коммуникативная компетентность;
- психологическая и педагогическая грамотность;

- общественно-политическая и экономическая компетентность;
- умение использовать современные информационные технологии;
- высокий уровень общей культуры.

Коммуникативная культура предполагает знание и активное использование литературных норм как в устной, так и в письменной речи, соблюдение правил речевого этикета в различных учебных и внеучебных ситуациях, владение лексическим и фразеологическим богатством языка, знание иностранных языков, активное использование эффективных методов и приемов межличностного общения.

Следует отметить, что вопросам многогранной деятельности преподавателя в высшем профессиональном образовании уделяется недостаточное внимание, и прежде всего, отсутствуют целенаправленные исследования в области речевого мастерства вузовского педагога. А в стенах вуза можно услышать далеко не литературную речь не только студентов, но и преподавателей.

Если сравнить характер общения и речевую деятельность преподавателя, скажем, 60-70 годов прошлого века с деятельностью в новом тысячелетии, то отличия весьма существенны. Исследователи в области педагогической деятельности (С.И. Архангельский, Ю.К. Васильев, А.Ч. Щербаков, Н.В. Кузьмина, В.А. Слостёнин, А.А. Леонтьев, Н.Н. Тарасевич, Т.В. Иванова и др.) определили факторы, влияющие на формирование современного педагога-профессионала.

Во-первых, студенты перестали быть пассивными слушателями и потребителями информации. В современной лекции часто проявляется активная позиция студентов, может возникнуть спор, дискуссия. Студенты

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

могут отстаивать свою точку зрения, приводить неопровержимые доказательства, комментировать определенные положения.

Во-вторых, изменился классический стиль лекционных занятий. Современная лекция считается успешной, если на ней присутствует вопросно-ответная форма общения, создаются проблемные ситуации, используются современные технологии. Естественно, что в таких условиях вербализация общения достаточно активна и динамична.

В-третьих, обязательным компонентом современной лекции является технологичность лекционных и практических занятий (использование компьютера, интернета, аудио- и видеозаписи, макетов).

В связи с этим возрастает роль коммуникативной культуры преподавателя, который не только создает условия творческого диалога, но и активно реализует его в своей практической деятельности.

Чтобы не быть голословными, мы провели вместе со студентами небольшое исследование. Целью исследовательской работы явилось выявление характеристик общекультурного и коммуникативного поведения преподавателя, что позволит определить уровень профессионально-речевой культуры, пути ее дальнейшего совершенствования.

Основной метод – составление примерного вопросника для студентов. В эксперименте участвовало 110 студентов разных факультетов. Исследование проводилось в рамках практического курса «Культура и техника речи преподавателя», который читается на педагогических специальностях всех факультетов.

Студенты оценивали внешний вид преподавателя (показатель его эстетического вкуса), его характер, речевую деятельность, степень коммуникабельности, его профессионализм и общую эрудицию.

1. На первый вопрос – *нравится ли вам внешний вид преподавателя* – большинство студентов ответило, что им нравится внешний вид выбранного для наблюдения преподавателя. Считают, что большинство преподавателей соблюдает деловой стиль одежды (костюм, строгое платье). 20% студентов считает, что преподавательницы не должны приходить на занятия в брюках, но уж если пришли, то должны надевать удлиненные жакеты, кардиганы. Студентам-юношам не нравятся замысловатые прически преподавательниц, не нравятся челки, свисающие на глаза, яркий макияж. 2% студентов отметило, что нежелательно, чтобы преподаватели приходили на занятия в очень коротких юбках, яркой и блестящей одежде: это утомляет зрение и отвлекает на лекции. Одна студентка охарактеризовала и неряшливую преподавательницу, отметила, что часто юбка у нее мятая, с пятнами, неаккуратная прическа, неровно покрашены губы. Общее мнение: преподаватель должен следить за своей внешностью, этим он тоже воспитывает студентов – будущих учителей.

2. На второй вопрос – *оцените характер преподавателя* – студенты ответили довольно объективно. Считают, что у одних преподавателей характер спокойный, ровный (таких преподавателей большинство - 72%), к студентам относятся доброжелательно; их движения плавные, жесты сдержанные. Других оценили как людей неуравновешенных, вспыльчивых, у которых «семь пятниц на неделе» (около 16%); у таких преподавателей очень подвижное лицо, глаза горят или

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

смеются, и вся гамма обуревавших их чувств написана на лице, движения резкие; они редко салятся на занятия, довольно быстро передвигаются по аудитории; жестикация резкая и не всегда соответствует требованиям культуры, т.е. они размахивают двумя руками, указывают пальцем и пр. Но все же, как считают студенты, с такими преподавателями интереснее работать: часто они фанаты своего предмета. Третьих оценивают как людей равнодушных, не заинтересованных в своей работе (9%); взгляд полусонный, движения и жесты замедленные, ленивые; вопросы задают вяло и ответы выслушивают тоже вяло, без интереса. Четвертых охарактеризовали как недоброжелательных, ехидных, стремящихся показать свое превосходство и тем самым унижить студентов (2%), а одного преподавателя назвали даже не злым, а злобным. Такие преподаватели относятся к студентам как к существам более низкого порядка; неверные ответы студентов комментируют саркастически, иногда в обидной и даже оскорбительной форме. Исследователи подчеркивают, что *«важно стремиться взвешивать каждое свое слово, понимать, что оно является сильнейшим раздражителем, может оказать огромное воздействие на человека»* [5]. Люди равнодушные, раздражительные и злые не должны заниматься педагогической деятельностью. Они профнепригодны.

3. Все студенты считают, что ***вузовские взаимоотношения преподавателей и студентов заметно отличаются от манеры общения учителей со школьниками.*** Первокурсники отмечают, что школьные педагоги общаются с учащимися как с детьми, а в вузе общение «как со взрослыми», и это им импонирует. Отмечают, что речь вузовского преподавателя резко

отличается от речи учителя: более весомая, логичная и убедительная. Третьекурсники считают, что в вузе взаимоотношения – «на равных, дружеские и доверительные», нет той скованности, что была при общении со школьными учителями. Некоторые отметили, что кураторы часто тоже переходят на учительский стиль общения: читают им нотации, уговаривают учиться, не пропускать занятия. Большинство студентов полагает, что такое общение не приносит пользы, что следует к нерадивым студентам применять более жесткие и действенные меры.

В условиях перехода от школьной системы к вузовской происходит изменение образа жизни, целевых установок, поэтому преподавателям вузов необходимо приложить максимум усилий и педагогического мастерства, чтобы снять психологическую нагрузку, облегчить студентам адаптационный период. Это требует затраты моральных, физических сил и времени. Решить эту задачу можно только в том случае, если в вузе будет нормальный психологический климат, составным компонентом которого является соблюдение правил педагогического этикета.

4. По мнению А.К. Михальской, *речевой этикет преподавателя* должен стать «высшим образцом, выражающим систему «должных и желаемых ценностей»; он обусловлен спецификой педагогического общения в вузе [2].

Всем опрошенным без исключения импонирует этикетное обращение на «вы». Это в какой-то степени указывает на уважительное отношение преподавателя к студенту, на признание его взрослым и независимым человеком. Одному преподавателю, позволяющему себе невежливо относиться к студентам, группа предъявила

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

требование: «Обращайтесь к нам на «вы». Мы уже взрослые люди».

Разнообразные высказывания были по поводу манеры обращения к студентам: одни обращаются по фамилии, деловым тоном, не допускающим никакого отклонения от сути вопроса (около 40%); другие обращаются вежливо, спокойно, называют по имени (56%), – это импонирует студентам, и они оценивают такие обращения положительно; иногда обращаются ласково и даже с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Танечка, Василек*) – оценивают отрицательно (3%); некоторые выработали такую расслабленную, несколько ленивую форму общения, что уж совсем не нравится студентам, как и их резкий безапелляционный тон (1%).

Типичными же нарушениями речевого этикета в речи преподавателей являются: использование единиц со сниженной стилистической окраской; злоупотребление словами и устойчивыми оборотами, имеющими отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию (*черт его знает, до черта, мне по фигу, закройте рты, что за дикий смех?*); излишняя категоричность высказываний (*этот ученый – идеалист, и говорить не о чем*).

Мы попросили студентов проанализировать этикетные формулы приветствия, прощания, благодарности, употребляемые преподавателями. Почти все опрошенные отмечают, что преподаватели, заходя в аудиторию, здороваются, но здороваются по-разному. Многие студенты считают, что приветствие является важной составной частью момента лекции, поэтому торопливое с порога «Здравствуйте!» на лекции неуместно. К тому же не все требуют, чтобы студенты

вставали, приветствуя преподавателя, а это тоже, по их мнению, часть организации занятия. Раньше в российских вузах профессора торжественно приветствовали аудиторию: «Здравствуйте, господа студенты», – тем самым подчеркивая свое уважение к студентам, признавая их равенство с собой как личностей и будущих коллег [3].

Студенты отмечают, что редко кто из преподавателей прощается, часто нет концовки лекции. Есть мнение, что, услышав звонок, студенты не обращают внимания на заключительные слова. Некоторые отмечают, что после звонка, когда преподаватель заполняет журнал, студенты, выходя из кабинета, сами прощаются.

Некоторые преподаватели неукоснительно соблюдают правила хорошего тона: благодарят студентов за внимание на лекции, за правильный ответ, работу на доске, оказание какой-либо помощи, но большинство студентов отмечает, что редко от преподавателя можно услышать слова благодарности, поощрения, что, по их мнению, свидетельствует о недостаточной внутренней культуре преподавателя.

5. Студенты отмечают, что большинство преподавателей ***относится к студентам доброжелательно, но строго.*** Это проявляется в обращении к студентам, в поощрительных репликах, в желании им помочь (*вы – молодец, хорошо, оригинальное решение, блестяще, вы убедили нас, у вас все получится*).

Но 18% студентов отметили покровительственное отношение и 2% – пренебрежительное отношение, проявляющееся во взглядах, в обращении, в репликах-комментариях высказываний студентов (*посмотрим, на что вы способны; ты, что, и думать умеешь?*). Отрицательные реплики преподавателя чаще звучат, особенно в ситуациях неподготовленности студентов к

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

занятию. *(Садитесь, это не ответ. Вы опять ничего не знаете. Зачем вы вообще поступили в университет? Таким здесь делать нечего! Вы – хронический лентяй).*

Студенты убеждены, что замечания должны быть корректными, спокойными *(я советую вам, мне кажется, что..., было бы лучше, если вы...)*. Недопустимым студентам считают комментарии типа *надо мозгами думать; как таких простых вещей не понимать; никакого воображения; пятиклассник, и тот сможет решить эту задачу и т.п.*

Все это разрушает межличностные отношения, оставляет обиду и мешает дальнейшему плодотворному общению. Задача преподавателя состоит в том, чтобы добрым вежливым словом и уважительным отношением смягчить стрессовые ситуации, особенно во время контроля знаний. Исследователи подчеркивают, что *«важно стремиться взвешивать каждое свое слово, понимать, что оно является сильнейшим раздражителем, может оказать огромное воздействие на человека»* [5].

6. Следующий вопрос: ***умеет ли преподаватель создать на занятии благоприятную обстановку.***

7. Ценят студенты, когда преподаватели сами рассуждают и позволяют рассуждать студентам. Следует помнить слова Конфуция: *«Ученье без размышления бесполезно, а размышление без ученья опасно»*. Положительно отзываются студенты об умении преподавателя связывать учебный материал с подходящими ситуациями реальной действительности, что позволяет использовать жизненный опыт, самостоятельно приходиться к каким-либо выводам (такой прием использует около 60% преподавателей). Положительно оценивают

использование на занятии технических средств, наглядности (оживляет занятие).

Причинами дискомфортной обстановки являются следующие факторы:

- студенты не подготовились к занятиям, и преподаватель стал нервничать;
- излишняя строгость и требование абсолютной тишины, что лишает студента возможности высказать свою точку зрения. В этом случае происходит замена реального общения со студентом диалогом с самим собой, возникает коммуникативный барьер между участниками общения;
- требование придерживаться только точки зрения лектора;
- отсутствие внимания к собеседнику, неумение или нежелание педагога грамотно строить отношения равенства и др.

В настоящее время в вузе большинство преподавателей не столько ценит дисциплинированность студента, сколько умение самостоятельно мыслить, находить нестандартное решение [1]. Однако все еще значительная часть педагогов придерживается сугубо авторитарных позиций и не интересуются мнением *студентов (в ваши годы не должно сметь свое суждение иметь)*, не говоря уже о том, чтобы с ним считаться (*я профессор, вы должны меня слушать. Моя точка зрения для вас – закон*).

Нарушение нормальных отношений, неуважение к студенту влияют на самочувствие, здоровье как студентов, так и преподавателей. Для каждого человека важно, чтоб его понимали, уважали его мнение. Если этого не происходит, то такие переживания могут стать причиной неврозов и даже психозов [4].

Раздел IV. Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе

Большое значение имеет ориентация на учебный диалог. Если он становится нормой коммуникативного взаимодействия педагога и студентов, то формируется позитивное отношение к овладению информацией, повышается мотивация обучения и активности студентов, снижается неуверенность, закрепляются доверительные отношения с преподавателем, который постоянно побуждает к нестандартному мышлению.

К такому стилю обучению нужно готовить не только педагогов, но и студентов. Если студент привык к роли пассивного «получателя знаний», то трудно ожидать от него мгновенной перестройки. Студенту необходимо увидеть в преподавателе заинтересованного собеседника и коллегу.

8. **В оценивании речевой деятельности преподавателя** большую роль играют голосовые данные, дикция, соблюдение орфоэпических и акцентологических норм, выразительность речи, манера говорить. Студенты отмечают, что у большинства преподавателей хорошо поставлен голос – ведь это их основной рабочий инструмент: благозвучный, гибкий в зависимости от ситуации речи, выносливый, в меру громкий, не вызывает неприятных ощущений. Но назвали отдельных преподавателей, которые говорят слишком громко – это утомляет, и материал усваивать труднее. Не нравятся преподаватели, которые говорят быстро (*трещит как пулемет, как сорока, тысячу слов в минуту выдает*). Многие отметили приятный, мелодичный тембр голоса, особенно у женщин. И только одна студентка отметила приятный тембр у мужчины. Отметили, что тембр ухудшается у курящих преподавателей.

Дикция четкая и ясная. У двоих преподавателей отмечают нарушения дикции и высказывают мнение, что таких людей не следует брать на педагогическую работу.

Немаловажное значение в речевом общении приобретают мимика, взгляд, поза, телодвижения, жесты (*Не всегда важно, что мы говорим, но всегда важно, как мы говорим*). А.С. Макаренко говорил, что очень важно, каким тоном говорит педагог; что одну и ту же фразу можно произнести пятьюдесятью способами [6].

Важным компонентом коммуникативной культуры является *соблюдение литературных норм*. По подсчетам, у 50 % преподавателей не наблюдаются отклонения от литературных норм; у 40% – встречаются акцентологические ошибки; у 10% – отмечаются ошибки и орфоэпические, и лексические, и грамматические. Самыми распространенными являются акцентологические ошибки: неправильное ударение – *средства* *вм.* *средства, партер, позвонишь, пила, брала, дала. начала*; путаница в употреблении *е[‘э]* и *ё[‘о]*: *новорождённый, безнадежный, подоплёка, унёсший, одноимённый но *афера, бытие, житие, современный, гололедица, опека; ошибки в произношении слов с твердым и мягким согласным перед *е [э]*: *т(э)рмос, но тема; текст, но т(э)рма; температура, но ад(э)кватно; д(э)т(э)ктив, но декан*. Распространенными ошибками в устной речи является неправильное произношение некоторых известных фамилий. Правильное произношение: *К. Бальмонт, Роберт Бёрнс, художники Александр, Андрей, Сергей Ивановы, но поэт-символист Вячеслав Иванов; С.И. Ожегов, художник Пикассо, комедия Бомарше «Фигаро» и др. Путаница в употреблении глаголов *одеть* и *надеть* (одеть кого-то, надеть на себя); неправильное употребление глаголов *ложить* *вм.* *класть, положить*;***

Раздел IV. Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе

поставить укол *вм. сделать*; *играться* *вм. играть*;
извиняюсь *вм. извините меня*.

Для имиджа преподавателя важны не только интеллектуальная содержательность речи, но и ее выразительность, т.е. эмоциональная наполненность, ее интонационный рисунок.

9. В.В. Соколова говорит о том, что «культура педагогического общения может быть представлена в виде **умения задавать вопросы, слушать собеседника, анализировать выступление, умения понять другого человека, ориентироваться в сложившейся ситуации**» [6].

Анализируя речевую и педагогическую деятельность преподавателей, студенты отмечают, что большинство владеет этими необходимыми качествами, но некоторые **не умеют лаконично и четко задавать вопросы** (назвали двух преподавателей); **не умеют спокойно выслушивать ответы студентов** и на занятиях и на экзаменах, перебивают, иногда даже агрессивно (назвали трех преподавателей); некоторые преподаватели больше говорят сами, чем студенты (отмечено у трех преподавателей). Не **все умеют объективно оценивать ответы** на экзаменах, часто рассматривают зачетки, и в этом случае ориентируются на общую успеваемость студента (такое замечание прозвучало в четырех выступлениях студентов).

Причины названных профессиональных недостатков различны: дефицит общей культуры, незнание правил речевого этикета, нетерпеливость, привычка к авторитарным методам педагогического воздействия.

10. Следующие вопросы: **свободно ли владеет преподаватель учебным материалом? В какой степени пользуется конспектом?** Отвечая на них, студенты

отметили, что их преподаватели – мастера своего дела, любят свой предмет, свободно владеют материалом, приводят интересные факты, рационально распределяют рабочее время на лекции, за ними удобно конспектировать, они голосом выделяют главное; тон спокойный, скорость умеренная, тембр приятный (около 80% лекторов). Но некоторые педагоги устраивают из лекции диктант. Естественно, что такой прием и утомителен, и неэкономичен во временном плане, но, к сожалению, он еще не изжил себя, и студенты отметили по одному такому лектору на каждом факультете. Почти всем студентам не нравится, когда преподаватели пользуются конспектами; считают, что это своеобразная шпаргалка, и преподаватель недостаточно владеет учебным материалом (хотя с таким выводом можно поспорить!).

11. Студенты высоко ценят преподавателей, которые на лекции **высказывают свое мнение** по раскрываемой проблеме, дают аргументированную собственную оценку тому или иному явлению. Студенты считают, что такие преподаватели стоят на верхней ступени социальной и педагогической лестницы.

12. Отметили студенты и такой прием, как **умение шутить** (им пользуется около 40% преподавателей). «Научный смех», по выражению писательницы И. Грековой, позволяет легче воспринимать учебный материал, создавать на занятии психологический комфорт.

13. Как положительный момент отмечают умение преподавателя «их завести», т.е. **создать условия для спора, дискуссии** (в споре рождается истина)

Если студент ценит преподавателя не только как научного наставника, блестящего лектора, но и как духовно богатого, высокоморального, воспитанного человека, то он старается взять у него и тему для курсовой

**Раздел IV. Методологическая стратегия
и дидактические тактики образования и воспитания
в поликультурном обществе**

и дипломной работы. Преподаватель становится ближе, понятнее, доступнее, и у студента появляется потребность не только поговорить «по душам» на учебные темы, но и обсудить некоторые жизненные проблемы, которые волнуют молодого человека.

14. На вопрос: **можно ли данного преподавателя назвать интеллигентом?** – многие студенты затруднялись ответить или отвечали уклончиво. Причина, как выяснилось, в том, что многие не знают, что такое интеллигент, интеллигенция. Студенты интеллигентом считают человека знающего, образованного, владеющего учебным материалом. И совершенно не учитывают таких признаков интеллигентности, как умение критически мыслить, способность к систематизации знаний и опыта, а также наличие высоких моральных качеств личности: доброты, милосердия, сдержанности, вежливости, чувства собственного достоинства, скромности, верности своим принципам и идеалам и пр.

Подводя итог, мы задали студентам вопрос: можно ли выбранного ими преподавателя **считать представителем элитарной культуры?** Многие затруднялись ответить на этот вопрос. Анализ студенческих работ показал, что такие преподаватели составляют только около 30%: их характеризуют безупречная речь, корректное поведение, высокий профессионализм, они соблюдают речевой этикет. Большинство преподавателей – более 60% – это представители среднелитературной культуры. Однако для 10% вузовских педагогов нормой является литературно-разговорная речь с использованием сленга, молодежного жаргона; к литературным нормам русского языка они относятся небрежно.

Но в целом студенты положительно оценивают педагогический корпус преподавателей нашего университета, высоко оценивают их научный потенциал, педагогический этикет, высокие нравственные качества, считают, что большинство преподавателей можно, по выражению Т.А. Ладыженской, назвать «коммуникативными лидерами».

Литература

1. Айнштейн В. Преподаватель и студент: искусство общения. // Высшее образование в России. 2000, № 6.
2. Михальская А.К. Педагогическая риторика. М., 1998.
3. Педагогика и психология высшей школы / Под. ред. М.В. Булановой-Топорковой. Ростов, 2006.
4. Прихожан А. Хочу, чтоб меня понимали. // Популярная психология. Хрестоматия. М., 1990.
5. Рукавчук Л.Н. Энциклопедия этикета. СПб., 1997.
6. Соколова В.В. Культура речи и культура общения. М., 1995.

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ СЛАВИСТИКИ
ЯССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА «АЛЕКСАНДРУ ИОАН КУЗА»**

*Врачу Марина,
доктор филологических наук, старший
преподаватель;
Вэрару Анка Елена, магистрант;
Кобылэ Оана, магистр филологии;
Рудь Анна, магистрант
(Яссы, Румыния)*

Аннотация. Работа посвящается юбилею кафедры (1905-2015). После вступительной части, посвященной истории города Яссы и становлению университета, в персоналиях рассказывается о деятельности видных славистов и русистов, работавших на кафедре. Не исчерпывая тему, так как история кафедры связана с не одним поколением видных исследователей, достойных внимания преподавателей, авторы приводят данные о направлениях научной работы кафедры в настоящее время.

Ключевые слова: воспитание, культурная память, история высшего образования, история румынской русистики и славистики.

**FROM THE HISTORY OF THE DEPARTMENT OF SLAVONIC
STUDIES ALEXANDRU IOAN CUZA UNIVERSITY IASI**

Abstract. This paper is devoted to the 110 anniversary of the Department (1905-2015). It gives a brief introduction to the history of academic life in Iasi. Structured around the prominent scholars who worked in the department, the paper does not exhaust its subject; the result of the efforts of several devoted generations of teachers.

Key words: *academic memory, cultural values, education, philology, Romanian Slavonic and Russian studies.*

DIN ISTORIA CATEDREI DE SLAVISTICĂ A UNIVERSITĂȚII
DE STAT DIN IAȘI “ALEXANDRU IOAN CUZA”

Adnotare. Articolul este consacrat jubileului catedrei (1905-2015). După cuvîntul introductiv privind istoria orașului Iași și afirmării universității, în baza persoanelor se povestește despre activitatea slaviștilor și rusiștilor de vază care au lucrat în cadrul catedrei. Fără a epuiza tema, deoarece bcnjhby rfnllhtq este legată de mai multe generații de profesori emni, dascălii noștri. În lucrare se menționează și direcțiile actuale lucrului științific de la catedră.

Cuvînte-cheie: educație, memorie culturală, istoria învățămîntului superior, istoria slavisticii și rusisticii românești.

Около шестисот лет тому назад на берегах реки Бахлуй образовался небольшой городок, впоследствии ставший столицей Молдавского княжества, а потом Румынского государства – Яссы (Яшь). Он противостоял многочисленным нашествиям татар и османов, пережил поджоги и эпидемии. Впервые город был упомянут в 1408 году в торговом договоре молдавского правителя (господаря) Александра Доброго. Предполагается, что город является более древним, поскольку некоторые здания датируются 1395 г. (Армянская церковь).

Со временем город Яссы разросся. Он во многом был первым. В 1640 г. господарь Василе Лупу создал здесь первую княжескую школу, по модели Киево-Могилянской Академии, и типографию при монастыре Трех Святителей, где была издана первая печатная книга в Молдове. Еще тогда были заложены основы первого в Румынии университета, названного в честь Александру Иоана Куза – правителя, при котором произошло объединение двух румынских княжеств. В 1816 г. в доме К. Гика впервые была сыграна пьеса на румынском языке. Вскоре, в 1840 г., в Яссах был открыт первый в Румынии национальный театр.

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

Яссы часто находились на распутье политических конфликтов. Именно здесь началась революция 1848 г., которая впоследствии распространилась по всей Румынии.

С этим городом связаны судьбы многих поэтов и писателей, художников и композиторов, исследователей из разных сфер науки и политиков: митрополитов Варлаама (1632-1653) и Дософтея (1624-1693), Д. Кантемира (1673-1723), М.Эминеску (1850-1889), И.Крянгэ (1837-1889), М. Когэлничану (1817-1891), Дж. Э. Паладе (1912-2008), Е. Раковицэ (1868-1947), Т. Майореску (1840-1917), С. Бэлаша (1932-2008), Н. Куляну (1832-1915) и др.

Часть истории города Яссы хранится в многочисленных музеях: Дворце культуры, комплексе литературных домов-музеев, где жили классики румынской литературы М. Эминеску, И. Крянгэ, М. Садовяну, Дж. Топырчану, О. Казимир, Национальном комплексе музеев «Молдова», Музее естественных наук, дворце-музее А.И. Куза и др.

Важно упомянуть, что Яссы являются одним из центров восточного христианства. На сегодняшний день в городе насчитывается около 50 православных церквей и монастырей: монастыри Галата и Четэуца, церковь Трех Святителей, Митрополитский Собор «Св. Параскева», церковь Св. Николая Чудотворца, монастырь Голия, церковь Св. Спиридона, церковь Св. Нектария и др.

Яссы очень красивы. Частично сохранившаяся старая архитектура дает возможность увидеть его историю. Благодаря богатому культурному наследию за Яссами закрепилось звание культурной столицы Румынии.

Ясский университет «Александру Иоан Куза» – одно из старейших высших учебных заведений страны. Его предыстория началась в XVI веке: в 1562-1563 гг. Василе Лупу создал в Яссах Коллегию при монастыре Трех

Святителей, которая в 1640 г. обрела статус Академии (Васильянская Академия). В 1714 г. князь Н. Маврокордат, при поддержке патриарха Иерусалимского Хрисанта Нотары, основал Ясскую Княжескую Академию. В 1813 г. ее называли высшей школой «филологии и наук», впоследствии – школой Высшего Образования по Наукам. Основы собственно университета были заложены задолго до его официального открытия Михэйлянской Академией, созданной в 1835 г. Ее основатель, князь Михаил Стурдза, определил точную цель этого учебного заведения: публичное образование на национальном языке. Первым ректором Академии был французский ученый Шарль Мезонаб, а среди ее преподавателей числятся самые просвещенные умы Румынии: Георге Асаки, Ефтимие Мургу, Ион Ионеску де ла Брад, Ион Гика, Михаил Когэлничану, Якоб Чихак и др.

Согласно регламенту 1835 г., Михэйлянская Академия состояла из трех факультетов: философского, юридического и богословского. По своей структуре яское учреждение было подобно академиям Австрии и немецких государств. В 1846 г. Академия прекратила свою деятельность.

Официальное открытие современного университета в торжественной обстановке состоялось 26 октября 1860 г. во время княжения Александра Иоана Кузы.

Тогда в нем было три факультета: юридический, философский и богословский. После принятого в 1864 г. закона о среднем и высшем образовании, согласно новому, вступившему в силу 4 апреля 1896 г., закону, была произведена реорганизация факультетов, и число их достигло пяти: юридический, медицинский, философских и филологических наук, богословия (филиал последнего был открыт в 1916 г. в Кишиневе). Согласно этому закону,

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

университет должен был стать «самым передовым культурным центром страны».

В конце XIX и в первой половине следующего века в Яском университете работали крупные деятели культуры, профессора и знаменитые исследователи: литературовед, писатель, публицист, литературный критик Дж. Кэлинеску (1899-1965), математики А.Мюллер (1879-1965), О.Майер (1895-1966), П.Богдан (1910-1965), химик П.Пони (1841-1925), зоологи П.Бужор (1862-1952), И.Борча (1879-1936), историк, писатель, философ, педагог и социолог А. Ксенопол (1847-1920), юрист и политик М. Кантакузино (1855-1925) и др.

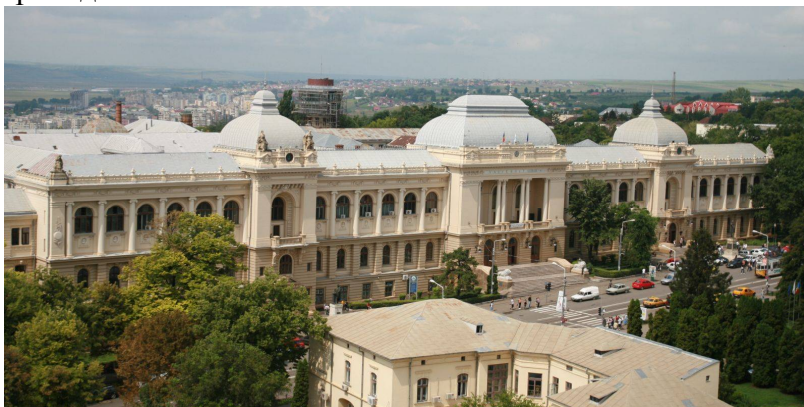
За полвека своего существования Яский университет стал не только учреждением образования молодых людей, но и символом культуры. После объединения Румынии в 1918 г. он начал развиваться быстрыми темпами, отвечая растущим запросам народа. Принятые в 1932, 1937, 1938 гг. законы способствовали расцвету факультетов и кафедр.

Во время второй мировой войны университет передислоцировали в Трансильванию, в город Алба-Юлия. При возвращении нашли его здание серьезно пострадавшим.

В период 1945-1989 гг. Яский университет претерпел немало изменений; его структура корректировалась одиннадцать раз. Девятое десятилетие прошлого века стало для университета периодом упадка. Осенью 1989 г. действовало лишь шесть факультетов: биологии-географии-геологии, права, филологии, истории-философии, математики-физики и экономических наук.

В начале XXI в. университет быстро развивался: укреплялась и модернизировалась его материальная база, совершенствовался образовательный процесс, значительно

возросло количество студентов, профессоров и преподавателей.

На фото: Ясский университет «Александру Иоан Куза»

Сегодня академическая программа университета реализуется на 15 факультетах. Он занимает достойное место среди других европейских вузов.

Университетская библиотека имени Михая Эминеску сыграла особую роль в судьбе нашего вуза. В ее основе лежала «Библиотека школ» и публичная библиотека, основанная в 1839 г. Библиотека непрерывно развивалась, обогащая унаследованный книжный фонд покупкой новых изданий и книжными дарами. Здесь работали библиотекарями одни из самых просвещенных людей Румынии: историк и языковед Б.П. Хаждеу, поэт М. Эминеску, филолог А. Филиппиде и др.

Сегодня университетская библиотека – это первая в стране целиком информатизированная библиотека. Она располагает тридцатью читальными залами, расположенными в центральном здании и в ее филиалах при факультетах.

Образование, научная жизнь и деятельность отдельных факультетов, а также международные связи

Ясского университета широко представлены в новом здании Музея, открывшегося в 2010-ом, юбилейном году.

**Научная деятельность кафедры славистики
*Илие Бэрбулеску (1873-1945)***

Илие Бэрбулеску родился 3 декабря 1873 г. в Бухаресте. После окончания лицея «Св. Сава» в родном городе он поступает на историческое отделение факультета филологии и философии, где учится у профессоров Б.П.Хашдеу, слависта И. Богдана, В.А. Уреке, Гр. Точилеску и др. После окончания университета (в 1895 г.) Бэрбулеску учился и стажировался в университетах Загреба, Праги, Лейпцига, Берлина и Вены, он слушал лекции по истории и филологии Т. Маретича, А. Лескина, В. Ягича, К. Иречки. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию по фонетике кириллицы в румынских текстах XVI-XVII века в Загребском университете. После издания новой версии диссертации в 1904 г. И. Бэрбулеску был удостоен первой премии Румынской Академии.

По возвращении в Румынию И. Бэрбулеску работал переводчиком, а затем стал заместителем директора Государственных архивов в Бухаресте.

Вскоре И. Бэрбулеску приехал в Яссы, на должность профессора в Университете «Александру Иоан Куза». В 1905 г. он создал здесь первую в Румынии кафедру славистики. Между 1930 и 1932 гг. Бэрбулеску был деканом факультета филологии и философии. Директор журнала «Архив», член Ясского *Общества истории и философии*, член-корреспондент Румынской Академии (1908) и Королевской Академии наук в Белграде (1914), И.Бэрбулеску посветил себя изучению языковых, культурных и политических отношений, уделяя особое

внимание русскому языку. Об исследовательских приоритетах говорят названия его трудов: *«Румынские литературные течения в период культурного славянизма»* (Изд-во «Каса шкоалелор», Бухарест, 1928 г.), *«Индивидуальность румынского языка и основы старославянского языка»* (Бухарест, 1929 г.).

Кроме того, профессор И. Бэрбулеску создает учебники, среди них *«Курс славистики»* (Изд-во «Александру Иоан Куза», Яссы, 1929), учебник по русской литературе и др.

Петру Караман (1898-1980)

П. Караман родился в с. Вырлезь, Галаць, в крестьянской семье. Учился в Яссах на филологическом факультете университета, где занимался фольклором и философией культуры. Он преподавал румынский язык в Софии и в Черновцах. Получив в 1925 стипендию в одном из польских университетов, Караман защитил диссертацию в Кракове по этнографической теме *«Обряд колядования у славян и румын. Сравнительное исследование»* (напечатана в 1933 г. в Варшаве). С 1939 г. Караман начал работать доцентом на кафедре. Он читал лекции по старославянскому языку, истории древнерусской литературы и литературы пушкинской поры, по палеографии и румынско-славянской палеографии. К сожалению, во время второй мировой войны тексты были утеряны. В связи с военными событиями нельзя не напомнить значимый факт из биографии ученого: именно профессор Караман, спасая библиотеку университета, сопровождал ее к месту новой дислокации вуза; в 1945 г. он лично позаботился о возвращении книжного фонда в Яссы.

Университетская карьера была грубо прервана изгнанием профессора с кафедры по политическим

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

причинам. Это не помешало ученому оставаться патриотом и продолжать свои исследования.

К несчастью, именно тогда, когда П. Караман достиг крупных успехов в науке, сторонники нового политического режима прервали его педагогическую деятельность. Так как обстоятельства оказались против него, профессор Караман нашел утешение в книгах.

Имя профессора Карамана занимает особое место в румынской культуре благодаря его исключительным достижениям в области науки и педагогическим качествам. Он был языковедом, этнологом, занимался сравнительным изучением языков и традиционной культурой Востока и юго-востока Европы.

Лишь после смерти П. Карамана выяснилось, что он написал 12 книг, 32 статьи (общим объемом около 6000 машинописных страниц), в которых рассматривал основные проблемы этнологии и славистики. Однако эти труды не были сразу опубликованы, поскольку мало кто оценил их по достоинству и никто не хотел брать на себя ответственность за издание. К счастью, это произошло, и тогда стал понятен масштаб трудов ученого: обряды, мифы, вера, обычаи, народная литература (песни, заговоры, баллады, сказки и т.д.), элементы музыки и деревенской хореографии, ключевые концепты румынской культуры – все это составляет материал его книг.

Избранная библиография П. Карамана:

Жизнь Ивана Тургенева. Ж. «Ынсемнэрь йешене» («Ясские записки»), 1940, Институт Графических Искусств;

Фольклорные и этнографические исследования. Яссы: изд-во «Жунимя», 1997;

Проблемы сравнительной стилистики, касающиеся румынского и русского языков. Изд-во Ясского университета, 2000;

Грамматика русского языка, фонетика и морфология;

Концепт человеческой красоты в сознании румын и жителей Юго-восточной Европы. Изд-во Ясского университета, 2011;

Поучения Владимира Мономаха своим сыновьям, «Исследования славяноведения», 1999, № 9;

История русской литературы, 1943.

Посмертно профессор Караман был избран членом Румынской Академии Наук (1991 г.).

Василе Харя (1895-1987)

Василе Харя родился 13 июля 1895 г. в селе Суслень Оргеевского района Бессарабской губернии.

В 1924 г. В. Харя окончил философско-филологический факультет Ясского университета. Поработав несколько лет по специальности, он получает стипендию и уезжает учиться в Париж, где посещает курсы социологии в *École des Hautes Études* и в Сорбонне. Возвратившись в Яссы, занимает должность ассистента на кафедре социологии и этики в университете «Александру Иоан Куза». Помимо своей университетской деятельности, В. Харя преподавал педагогику в Ясском педагогическом училище им. Василе Лупу и вскоре стал его директором.

В 1942 г. Василе Харя защитил докторскую диссертацию в Бухарестском университете по теме «*Философия Толстого*». Изданная в 1944 г. и переизданная в 2014 (трудами его аспирантки Л. Которча), монография является одной из самых значимых в Румынии работ, посвященных «патриарху русской литературы». В 1948 г. Харя стал доцентом, а в следующем году вошел в состав

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

кафедры славистики Ясского университета. Здесь он преподавал русский язык и литературу. Через некоторое время профессор Харя стал заведующим кафедрой.

В. Харя проработал в университете до 1965 г., до пенсионного возраста, продолжая свою научную деятельность, в том числе в качестве руководителя докторантов.

В. Харя занимал особое место среди интеллектуалов своего времени, интересовался литературными, этнологическими, социологическими и философскими вопросами, был прекрасным педагогом. Но его педагогической карьере предшествовала работа в публицистической сфере. Еще в 1916 г. он становится сотрудником, а потом редактором газеты «Молдавское слово». Его статьи печатались в газетах «Новая Румыния», «Совет страны», в которой работал редактором, «Напутствие». В 1925 г. он начинает сотрудничать с журналом «Вяца ромыняскэ» («Румынская жизнь»), в котором появляются его переводы с русского языка.

Об исследовательских интересах ученого говорят названия его трудов:

Русское мессианство XV и XVI века («Румынская жизнь», 1927, №27);

Гносеологические идеи Льва Н.Толстого (1930);

Влияние Дмитрия Кантемира на Антиоха Кантемира («Журнал истории и литературной теории», 1967, №1) и др.

Александру Закордонец (1912-1977)

Александру Закордонец родился 13 марта 1912 г. на Украине, а через год его семья переехала в Кишинев. В 1932 г. он подал документы в Ясский университет «Александру Иоан Куза», на отделение русского языка и

литературы филолого-философского факультета. После получения диплома посвятил себя педагогическому труду и проработал в сфере науки и образования 30 лет. С 1941 г. до 1975 г. А. Загордонек преподавал старославянский язык, сравнительную грамматику русского языка, историческую грамматику русского языка, историю литературного русского языка, современный русский язык, русский фольклор. Профессор Загордонек является автором около ста научных и научно-дидактических работ (учебников, монографий, статей, рецензий, заметок) по языкознанию, истории языка и литературной критике. Среди них *«Грамматика русского языка. Фонетика и морфология»* (изд-во «Русская книга», Бухарест, 1949); *«Курс старославянского языка»* («Дидактическое и педагогическое изд-во», Бухарест, 1962). Большое значение имеют его исследования в области славянской филологии: *«Проблемы сравнительной стилистики румынского и русского языков»* (1973); *«Языковые аспекты переводов с русского языка на румынский язык»* (1959).

А. Загордонек известен и как литературовед. Он является автором статей и исследовательских работ, посвященных русским писателям. Также он занимался переводами.

Аритон Врачу (1927-1987)

Профессор Аритон Врачу родился 20 января 1927 г. в селе Ончешть-Зелетин, уезд Бэкэу. После окончания лицея «Джордже Баковия» он поступил в Ленинградский университет на филологический факультет, где изучал славянские, балтийские, восточные и другие языки; окончил его в 1955 г. В Румынии научные интересы А. Врачу были связаны с проблемами общего и сравнительного языкознания, индоевропеистикой, лингвистической

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

контактологией, славистикой, балтистикой, балканистикой, историей румынского языка и пр. В сферу его научных интересов входили также прикладные вопросы лингвистики, теория перевода и лингводидактика.

С 1960 г. до 1964 г. он преподавал румынский язык в Софийском университете (Болгария). Там же написал, под руководством Вл. Георгиева, свою докторскую диссертацию *«Автохтонные элементы румынского языка»* и защитил ее 1967 г. На основе этого исследования была опубликована монография *«Язык дако-гетов»* («Факла», Тимишоара, 1980). Около пяти лет профессор Врачу был заведующим кафедрой. Большая часть его лекций, в которые ученый вкладывал не только доступную информацию, но и результаты своих исследований, представленных на международных конференциях, была напечатана. Это *«Курс исторической грамматики русского языка»* («Педагогическое и дидактическое изд-во», Бухарест, 1963); *«Сравнительная грамматика славянских языков»* («Педагогическое и дидактическое изд-во», Бухарест, 1965); *«Курс общей лингвистики»* (1972), *«Лекции по фонетике, фонологии, грамматике и сравнительной лексикологии славянских языков»* (Изд-во университета «Александру Иоан Куза», 1975) и др.

Профессор Врачу интересовался также вопросами переводоведения и стилистики, и сам занимался переводами (в том числе, книги Ю. Кожевникова *«Эминеску и проблема романтизма в румынской литературе XIX века»*, Яссы, 1979). Из избранной библиографии трудов профессора Врачу в этой области: *«Чехов и проблемы языка»* (1960); *«Переводы Джорджа Кошбука на болгарский и сербский языки»* (1967); *«Поэзия Тудора Арgezья в двух сербохорватских версиях»* (АУИ, новая серия, третья часть, том XXVI, 1980); *«Повесть о*

капитане Копейкине в раннем переводе на румынский язык» (1983).

Эмиль Йордаке (1954-2005)

Эмиль Йордаке родился 16 декабря 1954 года в селе Мовилень Ясского уезда. В 1975-1979 гг. учился в Ясском университете на отделении русского языка и литературы-румынского языка и литературы филологического факультета. В 1993 г. получил степень доктора филологических наук за диссертацию «*Семиотика поэтического перевода*» (научный руководитель профессор Иван Евсеев, «Западный университет» г. Тимишоара). Эмиль Йордаке работал учителем в школах уезда Ботошань и ответственным секретарем редакции журналов «*Ботошанские тетради*» и «*Литературные беседы*». За сравнительно недолгий срок он прошел путь от должности ассистента до профессора в Ясском университете, был заведующим кафедрой славистики и членом румынского Союза писателей.

Йордаке стал автором 8 книг литературной критики, 3 курсов лекций, переводчиком 20 книг, 28 послесловий и предисловий и около 150 исследовательских трудов и статей. Его научные, критические и исторические статьи, рецензии и презентации книг, переводы были опубликованы в разных газетах и журналах: «Ботошанские тетради», «Звезда», «Лучафэрул», «Атений», «Хроника», «Время», «Литературная Румыния», «Культурный обозреватель», «Поэзис», «Литературные беседы». Э. Йордаке остается одним из лучших переводчиков русской прозы и поэзии.

Автор книг «*Семиотика поэтического перевода*» (Изд-во «Пан», Яссы, 1994); «*Послание Сергею Есенину*» (Изд-во «Время», Яссы, 1995); «*Бегство из Зоорландии*» (Изд-во «Молдова», Яссы, 1997); «*Сергей Есенин. Человек*

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

и поэт» (Изд-во «Жунимеа», Яссы, 1998); *«Горизонтальная литература»* (Изд-во «Время», Яссы, 1998); *«Книги на столе»* (Изд-во «Время», Яссы, 2000); *«Исследование о Гоголе»* (Изд-во «Время», Яссы, 2000) и др.

Изданные курсы лекций Э. Йордаке: *«Лекции по иконологии»*, *«Русские культурные эпохи»* и др.

Благодаря Э. Йордаке в Румынии были изданы на русском языке: Ф.М. Достоевский, *Дневник писателя*, том 1-3 (Изд-во «Полиром», Яссы, 1998-2000); Н.В. Гоголь, *Сборник сочинений*, том 1 (Изд-во «Мир», Бухарест, 1998); Н.В. Гоголь, *Сборник сочинений*, том 1-3 (Изд-во «Полиром», Яссы, 1999-2001); Павел Флоренский, *Столы и утверждение истины* (Изд-во «Полиром», Яссы, 1999).

Переводы книг: Фёдор Абрамов, *Дом* (Изд-во «Мир», Бухарест, 1985); Лев Шестов, *Начала и концы* (Изд-во «Европейский Институт», Яссы, 1993); Борис Пастернак, *Доктор Живаго* (Изд-во «Молдова», Яссы, 1994, II выпуск: 1997, III выпуск, Изд-во «Полиром», Яссы, 2000); Иосиф Бродский, *Ниоткуда с любовью* (Изд-во «Время», Яссы, 1995); Борис Пастернак, *Доктор Живаго. Стихи из романа*. (Изд-во «Хеликон», Тимишоара, Яссы, 1996); Дмитрий Мережковский, *Гоголь и Дьявол* (Изд-во «Фидес», Яссы, 1996); Владимир Набоков, *Подвиг* (Изд-во «Пантеон», Пятра-Нямц, 1996); Ф.М. Достоевский, *Записки из подполья* (Изд-во «Время», Яссы, 1996); Дмитрий Мережковский, *Большая Россия* (Изд-во «Фидес», Яссы, 1997); Дмитрий Мережковский, *Неизвестное Евангелие* (Изд-во «Фидес», Яссы, 1997); Ф.М. Достоевский, *Идиот* (Изд-во «Полиром», Яссы, 1998); Л.Н. Толстой, *Анна Каренина* (2003), Владимир Маканин, *Андеграунд* (2004).

Эмиль Йордаке был удостоен Премии Союза писателей (Яссы, 1994, 1997, 2002 гг.) и ордена за выдающиеся заслуги в области культуры (2004).

Илие Данилов (1946-2012)

Илие Данилов – выпускник филологического факультета университета «Александру Иоан Куза». Он был автором 80 работ по языкознанию. В 2007 г. Илие Данилов издал два тома, связанных с тематикой читаемого им курса лекций на магистрантском уровне – *«Словарь мифологии и русских сказок»* (Изд-во «Полиром»). В журнале «Китежград», членом редколлегии которого он был, И. Данилов публиковал материалы, послужившие основой для вышеупомянутого издания, а также статьи на различные филологические и историко-культурные актуальные современные темы: *«Старообрядчество с исторической и политической точки зрения»* (2003, №1); *«Единство в разнообразии»* (2003, №8); *«Одно событие, которое могло растворится в повседневной анонимности»* (2003, №9); *«Ботошань 150»* (2003, № 10); *«От варварства до цивилизации»* (2003, №11).

Об исследовательских приоритетах ученого свидетельствуют его доклады на многочисленных научных конференциях, симпозиумах, выступления на различных культурных мероприятиях. Назовем темы лишь некоторых из этих докладов:

«Мифическое и историческое сознание, отраженное в славянских пословицах» (национальный симпозиум «Направления и перспективы славистики в Румынии», Клуж-Напока, 2006 г.); *«Зооморфизм в славянской мифологии»* (национальный симпозиум, посвященный столетию кафедры славистики университета «Александру Иоан Куза», Яссы, 2006 г.); *«Крещение русского народа,*

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

духовный выбор или политический маневр» (национальный симпозиум «Человек и мифология», Сучава, 2005 г.).

Кроме того, И. Данилов занимался переводческой деятельностью, писал рассказы и пьесы.

Сорина Бэлэнеску

С.Бэлэнеску окончила филологический факультет (отделение «Русский, английский и румынский язык и литература»). В 1979 г. она защитила докторскую диссертацию в Бухарестском университете по творчеству А.П. Чехова под руководством профессора Т. Николеску. Как преподаватель, издатель и переводчик профессор Бэлэнеску сделала очень много для изучения творчества Достоевского, Толстого и Чехова в Румынии. Читала курсы лекций по истории русской литературы XIX и XX веков.

С. Бэлэнеску является автором литературоведческих книг: *«Просто предложения. Поэтические попытки»* (Изд-во «Университет Ал. И. Куза», Яссы, 1994); *«Драматургия Чехова – символ и театральность»* (Изд-во «Жунимеа», Яссы, 1983).

Она подготовила к изданию собрание сочинений А.П.Чехова в пяти томах (Изд-во «Универс», Бухарест, 1986-1999); сборники рассказов А.П. Чехова – *«“Степь” и другие рассказы»*, *«“Невеста” и другие рассказы»* (Изд-во «Полиром», Яссы, 2001-2002). Ее заслугой как литературоведа в этих изданиях является составление научного аппарата (введений, историко-литературных комментарииев, примечаний и т.д.).

С. Бэлэнеску стала также издателем книги Василе Харя *«Дмитрий Кантемир и его сын Антиох»* (Изд-во «Университет Александру Иоан Куза», Яссы, 1999). Ею

написаны вступительная статья, комментарии и примечания к монографии.

Перевела на румынский язык драматические произведения русских авторов – комедию Михаила Рощина «*Старый Новый Год*» (Министерство культуры, Бухарест, 1980), комедию Михаила Булгакова «*Мёртвые души*», по повести «*Мёртвые души*» Гоголя (Ясский Национальный театр, 1996) и др.

Несколько книг профессор Бэлэнеску посвятила истории ясского драматического театра, руководила докторскими диссертациями по театроведению.

В 1995 г. была удостоена премии ясского Союза писателей.

Ливия Которча

Л. Которча окончила филологический факультет Ясского университета по специальности «Русский язык и литература – румынский язык и литература». Тема докторской диссертации, которую она защитила в 1978 г. под руководством В. Харя, – «*Лермонтовская лирика. Тематико-структурные исследования*» (Изд-во «Жунимя», Яссы, 1983). Профессор Которча читала лекции по русской литературе XIX века, по русской культуре, вела занятия по теории литературы, поэтике и заведовала кафедрой после 1990 г., была научным руководителем многих докторантов, в том числе членов кафедры. Л. Которча – исследователь, обозреватель и критик русской литературы, в особенности периода модернизма, автор статей по теории поэтического языка, переводчик прозы, поэзии и драматических произведений, автор эссе по вопросам эстетики и взаимодействия искусств.

Л. Которча перевела на румынский язык произведения Владимира Набокова – «*Приглашение на казнь*», с предисловием (Изд-во «Полиром», Яссы, 2003);

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

Анны Ахматовой – «*Стихотворения. Проза*» – с замечаниями и комментариями (Изд-во Университета «Александру Иоан Куза», Яссы, 2004); О. Мандельштама «*Разговор о Данте*» (Изд-во Университета «Александру Иоан Куза», 2001); М.Агеева «*Роман с кокаином*» (Изд-во «Жунимья», Яссы, 1997, II издание: Изд-во «Полиром», Яссы, 2007) и др.

Л. Которча была инициатором издания журнала «Исследования славяноведения». Она является активным автором специализированных журналов и газет: «Научные анналы», «Романославика», «*Cahiers roumains d'études littéraires*», «Коллегия», «Литературные разговоры», «Ежегодник языкознания и литературной истории», «Время».

Ее работы издавались и за границей: в Будапеште, Братиславе и Москве.

Наталья Кантемир

Н.Кантемир родилась 16 августа 1936 г. в Кишинёве. После окончания Теоретического лицея в городе Пятра-Нямц (1946-1953) она поступает в Бухарестский институт им. Максима Горького на филологический факультет (1953-1955), после третьего курса переводится в Яссы, где оканчивает филологический факультет университета. В 1973 г. получает научную степень за диссертацию по творчеству Константина Паустовского (научный руководитель профессор Василе Харя).

В 1979 г. Н. Кантемир начала преподавать румынский язык и цивилизацию в Люблинском университете. Она была первым лектором, получившим медаль за научную деятельность.

Во время педагогической деятельности в Ясском университете Н. Кантемир публиковалась в «Научных

анналах» вуза, специализированных изданиях Польши, России и других славянских стран. Кроме того, ее статьи публиковались в периодике: «Литературные Яссы», «Хроника», «Литературные беседы», «Атеней» (г. Бакэу).

Свою переводческую деятельность Н. Кантемир начала в 1962 г. Она, перевела на румынский язык «Педагогические труды» А. Добролюбова, «Статую» Геннадия Гора, «Повесть разума» Михаила Зощенко, «Чёрное море» Константина Паустовского. В 1979 г. участвовала как член СП в Международном конгрессе переводчиков в Москве и Ереване.

Автор книг «Деяния поляков» (Изд-во «Общество Петра Андрея», Яссы, том I – 1996, том II – 1998); «Ключи Царицы» (Изд-во «Хроника», 2011).

Члены кафедры славистики Ясского университета с гордостью продолжают традиции, начатые предшественниками. Особое внимание уделяется преподаванию сравнительной грамматики славянских языков. В этой связи необходимо вспомнить одного из последователей профессора А. Врачу, Василе Ротунду (1938-2007), который в 60-е – 70-е гг. опубликовал ряд статей по данной проблематике.

Исследования теоретических вопросов славистики стимулировались преподаванием чешского, польского, сербского, хорватского, болгарского, украинского языков.

Закономерно, что этот аспект деятельности кафедры конкретизировался в исследовании славяно-румынских культурных и языковых контактов – польско-румынских (Д. Трочин, Н. Кантемир, А. Врачу), румынско-болгарских (А. Врачу, А. Никоарэ, М. Лозбэ), румынско-сербско-хорватских (А. Врачу, А. Никоарэ).

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

Интерес к изучению старославянского языка унаследован рядом последователей проф. А.Закордонца: И. Смук, Д.Трочин, Т. Маковой (опубликовавшим в 1977 г. работы «Старославянские и церковнославянские тексты» и «Старославянско-румынский словарь»).

Разумеется, предметом изучения для членов кафедры становились и теоретические аспекты современного русского языка. Так, В. Ротунду, который, как отмечено выше, много сделал в области сравнительной типологии славянских языков, в 70-е – 80-е плодотворно исследовал особенности русского словообразования. Этими же вопросами занимались старшие преподаватели Думитру Трочин, Юлия Смук, Габриел Истрате, Франческа Русу, а также Мария Морару и Тимофте Маковой.

Вопросы, возникавшие в процессе преподавания русского языка в румынской среде, привели к созданию на кафедре славистики «практической школы», в которой увлеченно и компетентно работали как носители русского языка из русской и молдавской эмиграции, так и представители славянских меньшинств, проживающих в Румынии: Мария Бивол, Татьяна Мэляну, Светлана Негру, Франческа Русу, Тамара Врачу. Ими было написано немало статей, учебников, созданы сборники текстов для занятий по литературе, сборники упражнений по практической грамматике, текстов для перевода и обратного перевода. Все эти дидактические труды опубликованы издательством Ясского университета.

Опыт работы по преподаванию русского языка отражен также в материалах для дисциплины «Практический курс русского языка», подготовленных старшими преподавателями Е. Стратулат, М. Лозбэ, Т. Врачу, С. Негру, Л. Которча, М. Панциру.

В период, когда преподавание русского языка осуществлялось на всех факультетах, кафедра обеспечивала учебными материалами специальности филологического профиля.

Действующий профессорско-преподавательский коллектив кафедры славистики

Леонте Иванов, профессор. Докторскую диссертацию защитил в 2003 г. по теме «*Образ русского и России в румынской литературе (1840-1945 гг.)*» (Кишинев, «Картьер», 2004). В 2005 году перевел (в соавторстве с М. Врачу) книгу «*Принцесса Кантемир. Портрет эпохи и неизданные письма*» (Изд-во университета «Александру Иоан Куза», 2005). В 2011 г. был опубликован тем же издателем, в том же соавторстве, следующий том, содержащий неизвестные румынским исследователям материалы об А. Кантемире.

Л. Иванов (в соавторстве с Э. Йордаке, А. Никоарэ и М. Врачу) принимал участие в коллективном проекте кафедры, начатом Э. Йордаке, по переводу «*Дневника писателя*» Ф.М. Достоевского (в 3-х томах, 3 издания, «Полиром», Яссы, 1998-2000). Переводчиками подготовлен и научный аппарат издания (комментарии, индексы).

В русле интересов Л.Иванова – его статьи о русских путешественниках в Молдавии и в румынских княжествах: «*Н.И. Субботин, путешественник по Молдове*», «*И. Хелиаде Рэдулеску и Николай Карамзин, путешествия по Европе*» («Исследования славяноведения», XI, Яссы, 2006 г.). Большую научную ценность имеют комментарии к названным работам.

Одним из приоритетов научной работы Л. Иванова является исследование старообрядчества в Румынии. Он обозначен, в частности, публикацией в 2005 г. труда

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

«Секретные миссии в Румынских Княжествах: Н.И.Надеждин» («Китеж-град»), а в 2006 – исследования «Культура русских липован в народном и международном контексте» (Т. IV, Бухарест); изданием записок Н.И.Надеждина «О заграничных раскольниках» (презентация, перевод и примечания Л. Иванова); переводом «Истории древлеправославной церкви» Ф.Е. Мельникова (1-я часть, Бухарест, 2014).

В 2007 г. ясская газета «Время» издала труд Л. Иванова о Льве Николаевиче Толстом «Литературные ретроспекции». Недавно вышел перевод заметок Ивана Аксакова «Письма из Бессарабии», «Кладбище по имени Европа» (Изд-во Ясского ун-та). Другим проектом является перевод и издание переписки Достоевского, из которой уже были опубликованы части в журнале «Китеж-град».

Профессор Иванов читает лекции по творчеству Толстого, Достоевского, по русской прозе XX века, а также по литературной имагологии.

Марина Врачу является автором исследований по русской литературе и культуре, занимается переводами. Совместно с Л. Ивановым она работала над проектами «Принцесса Кантемир. Портрет эпохи и неизданные письма» (2004) и «Антиох Кантемир» (2011).

Ее докторская диссертация «Иосиф Бродский: жизнь и творчество» была продлена в других публикациях – исследовании «Иосиф Бродский и Марина Цветаева» («Исследования славяноведения», 2007), книге «Встречи с Иосифом Бродским» (Яссы, 2011), переводе первого тома эссе И. Бродского «Меньше единицы» (Бухарест, 2011).

Как преподаватель истории русского языка, М. Врачу занимается переводами классических произведений древнерусской литературы на румынский язык и их

изданием: *«Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное»* (Изд-во «ИнтерМедия. Тимпул», 2011), *«Повесть временных лет»* («Доксология», 2013) и, в соавторстве, *«Домострой»*.

В последние годы сфера научных интересов М. Врачу расширилась интересом к особенностям восприятия русской культуры, в частности, «русского ренессанса», в Румынии.

Старший преподаватель М. Врачу читает лекции и ведет практические занятия по современному русскому языку, истории русского языка, славяноведению, прикладному языкознанию, истории румынской славистики и поэзии XX века, переводоведению и истории славянских лингвистических учений.

Людмила Беженару защитила докторскую диссертацию по теме *«Гений в романтизме румынской, русской, французской, английских литератур»* в 1999 г. (Изд-во «Технополис», Яссы, 2005).

Автор переводов: Иван Ильин, *«Основы христианской культуры»* («Культура», 2005, №4); Н.Рубцов, *«Звезда полей среди волн и скал»* (Изд-во «Технополис», Яссы, 2009) и др.

Научные интересы Л.Беженару отражены в книгах, среди них – *«Искание света. Монография Монастыря Ворона»* (Изд-во «Тринитас», Яссы, 2003).

Ее статьи были изданы в различных газетах и журналах: *«Николай Бердяев и Владимир Соловьев об Андрогинизме»* («Культура. Международный журнал философии культуры и аксиологии»); *«Настало время снова открыть Ильина»* («Культура»); *«Berdyaev about the Faustic Fate of Culture»* («Культура»); *«Речевая личность и коммуникативное пространство»* («Исследования славяноведения»); *«Елена Волошанка и Софья Палеолог:*

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

борьба за русский престол» («Исследования славяноведения») и др.

В различных периодических и специальных изданиях доцентом Л. Беженару опубликовано большое количество статей по проблемам образования: «*Чему учит школа?*», «*Актер сцены, именуемый классом*», «*Сочинение на свободную тему*», «*Гений Пушкина*» и др.

Приведенный перечень публикаций, конечно, не является исчерпывающим: Людмила Беженару – разносторонний и продуктивный исследователь.

Л. Беженару преподает русский язык (разделы «Лексикология», «Синтаксис»), русскую культурологию, литературу XIX века.

Публикации *Клаудии Дрэча* отражают интерес преподавателя к прикладной лингвистике. Некоторые из ее публикаций: «*Переводоведческий подход: Сервантес на румынском языке*» («Научный вестник Бухарестского экологического университета «Д. Кантемир», отделение Иностранные языки и литература, Языкознание», Бухарест, 2003); «*Перевод – межъязыковая и межкультурная коммуникация (языковые и социокультурные аспекты)*», (2006); «*Юридический язык: между “техническим” и “доступным”*» («Право и общество», 2003-2004).

Занималась переводами с испанского языка.

Тема докторской диссертации *К. Дрэча* – «*Модус и модальность в русском и румынском языках*».

К. Дрэча ведет занятия по морфологии и синтаксису современного русского языка, истории русского языка и переводоведению.

Н. Маноле занимается вопросами русского барокко, ее тема – «*Исторические и типологические координаты русского барокко*». Публикации: «*Румынские слова*

церковнославянского происхождения» («Исследования славяноведения»); *«Просодия А. Кантемира: латинское стихотворение»*, *«Шаткое равновесие между добром и злом»* («Исследования славяноведения»), *«Песни гуцулов Буковины»* (национальный симпозиум «Дни славянской культуры», Клуж, 2006 г.) и др.

Старший преподаватель Н. Маноле ведет занятия по современному русскому языку, древнерусской литературе и литературе XIX века, читает лекции по лингводидактике и отвечает за педагогическую практику студентов.

Кафедра сотрудничает со своими выпускниками. Так, доктор филологических наук Чечилия Матичук, научный сотрудник Института румынской филологии «А. Филиппиде», ведет занятия по истории русской прозы XIX и XX вв., в частности, лагерной прозы. Тема ее диссертации, вышедшей отдельной книгой, – *«Проза А.Солженицына – литературный документ ГУЛага»* (2013).

Сотрудники кафедры являются членами профессиональных и культурных ассоциаций – Общества славистов, МАПРЯЛ, Союза писателей. Ежегодно в последнюю неделю октября в рамках Дней Ясского университета «Александру Иоан Куза» кафедра организует международные научные конференции.

Кафедра издает ежегодный журнал «Исследования славистики».

С 1991 г. на кафедре возобновил свою работу Лекторат польского языка. У нас преподавали Б. Подгурска, К. Вейска, Я. Яновска-Ласкэр, Т. Климовски, Е. Ческовски, М.Ф. Окштул и др. польские коллеги. В настоящее время занятия для студентов и широкого круга желающих, в том числе в рамках

Раздел V. Страницы истории русской филологической науки

образовательной программы студентов-русистов, ведет Д. Кашпшик.

Сегодня на отделении русского языка и литературы учатся около 50 студентов и магистрантов. Студенты-нефилологи изучают русский язык в рамках программы Эрасмус. Кафедра организует также уроки русского как факультативного для филологов. Весьма большое количество курсантов позволяет утверждать, что уровень востребованности русского языка, открывающего доступ к русской культуре, остается достаточно высоким.

Послесловие редколлегии журнала «Славянские чтения». Начиная с первого номера журнал ведет рубрику «Страницы истории русской филологии в Молдове». Она остается в планах. Но публикацией этого материала мы обозначаем появление еще одного раздела – посвященного истории славистики и русистики в зарубежных вузах, прежде всего тех, с которыми сотрудничает Славянский университет и наш журнал. Мы благодарны студентам и магистрантам, которые под руководством доктора Марины Врачу скрупулезно изучили историю кафедры славистики Ясского университета, с почтением и гордостью рассказали о ее основателях и видных ученых-славистах, в разное время внесших весомый вклад в становление кафедры, осветили все аспекты деятельности кафедры сегодня. Особую ценность в этом материале представляют достаточно подробные библиографические списки по персоналиям.

Сайт кафедры: <http://media.lit.uaic.ro/slavistica/>

РЕЦЕНЗИИ

О МОНОГРАФИИ С.Л. ПОПОВА «РУССКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В КОГНИТИВНО- ЭВОЛЮЦИОННОМ ОСВЕЩЕНИИ (ХАРЬКОВ, 2014)

*Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии,
профессор университет
(Кишинев, Республика Молдова)*

Русская грамматическая вариантность достаточно давно, с момента появления грамматик Адодурова и Ломоносова, является объектом внимания как ортологов, так и рядовых носителей языка, в особенности современных корректоров и литературных редакторов. Уже более полувека теоретическим осмыслением и практической дифференциацией грамматических вариантов занимается специальная лингвистическая дисциплина – ортология. Однако при всей несомненности исторических достижений этой дисциплины постоянно ощущалась потребность в теории, которая, с одной стороны, объясняла бы закономерности образования и функционирования грамматических вариантов в процессе языковой эволюции, с другой – давала бы ясные представления о когнитивном по своей сути, потенциально эволюционирующем механизме восприятия грамматических вариантов и принятия логичного решения при выборе одного из них. Осознание такой потребности автором рецензируемой монографии способствовало осуществлению им выбора аспекта исследования русских грамматических вариантов, названного соответственно

когнитивно-эволюционным. Актуальность такого выбора и, как следствие, предпринятого исследования несомненна.

В первой части монографии С.Л.Попов определяет состояние изученности понятий языковой нормы и грамматической вариантности. Отдав положенную для начала монографии дань традиции, автор извлекает из этой традиции необходимое для проводимого им исследования рациональное зерно: критерии нормативности и понятие императивных и диспозитивных грамматических вариантов. Особенно важным фрагментом первой части следует признать главу 1.3, посвященную теоретическим и практическим проблемам грамматической вариантности. Указанные теоретические проблемы заключаются в непонимании динамичности нормы, неоправданной аксиоматичности утверждения о том, что варианты развивают язык, непредставлении грамматических вариантов в виде системы, организованной по семантико-стилистическим основаниям, излишней обобщенности некоторых типов грамматических вариантов по грамматическим признакам, неверном отнесении вариантов к грамматическим ярусам, в том числе одновременном отражении одних и тех же типов грамматических вариантов в разных разделах одного ортологического пособия. Практические проблемы изучения грамматической вариантности состоят в неверной дифференциации грамматических вариантов, несоблюдении таких критериев признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. Теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности автор предлагает разрешить в рамках когнитивно-эволюционного подхода.

Вторая часть книги посвящена изучению проблемы логичности грамматики как когнитивно-эволюционного коррелята логичности мышления с обоснованием зависимости качества логичности от успешности восприятия. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что для изучения грамматической вариантности, с которой связана проблема выбора правильного или уместного варианта, особенно важным является когнитивное понятие восприятия. После этого остается один естественный шаг до признания влияния качества восприятия на качество логичности, что имеет важное значение для дифференциации грамматических вариантов. Качество восприятия убедительно представлено автором как потенциально эволюционирующая градация трех его степеней: синкретизма, поверхностности и альтернативности (в двух ее разновидностях – императивной и диспозитивной). Гораздо подробнее эти степени обоснованы в предыдущей монографии С.Л. Попова «Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования» (2013), на которую в рецензируемой здесь монографии имеются соответствующие ссылки.

В третьей части представлена когнитивно-эволюционная интерпретация грамматической вариантности. Определены когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов: императивное упорядочение и диспозитивная достраиваемость грамматики, – а также соответствие коммуникативной потребности как условие реализации грамматическими вариантами когнитивно-эволюционных функций. Убедительно показаны аспектные корреляции грамматической вариантности и эволюционирующей когниции, а именно: корреляция императивности и диспозитивности грамматической вариантности и

альтернативного восприятия, познавательности императивно упорядочивающей и диспозитивно достраивающей функций грамматических вариантов и функций биологической многоклеточности, императивности / диспозитивности грамматических вариантов и безрезультатности / успешности категоризирующей деятельности левого полушария мозга, однокритериальности выбора, бинарности, сходства грамматических вариантов и поверхностности восприятия, трехуровневой схемы восприятия и этапов эволюции грамматической вариантности: от синкретичного – через поверхностное – к двум видам альтернативного: императивному и диспозитивному. Справедливым представляется вывод о том, что, коррелируя с императивной и диспозитивной разновидностями альтернативного восприятия, императивные и диспозитивные грамматические варианты находятся на высшем уровне грамматического отражения результатов восприятия и познания человеком действительности, и именно на этом теоретическом основании корректны общие утверждения о том, что варианты развивают язык. Корректно обращено внимание на два аспекта применения схемы степеней восприятия: она применима к восприятию, наблюдаемому не только у носителей языка, пользующихся языком стихийно, но и у лингвистов-нормализаторов. Материал исследования оправданно ограничен языковым критерием регулярности и когнитивным критерием смешиваемости. Абсолютно логичным для рецензируемой работы выглядит привлечение положений теории аргументации, что позволило зафиксировать два наиболее веских аргумента, имеющих значение для дифференциации грамматических вариантов: прямую эмпирическую верификацию и логическое обоснование. Как следствие выявления

степеней восприятия и ведущих аргументов сформулирован перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов и продемонстрированы его существенные отличия от понятийно пересекающихся с ним методов компонентного, дистрибутивного и контекстологического анализа. Обоснованы возможность и необходимость семантико-стилистической, с выделением центральных и периферийных явлений, интеграции грамматических вариантов, имеющей очевидные преимущества перед их традиционным грамматическим обобщением. Установлены корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основа такой интеграции, что позволило автору зафиксировать четыре центральных рода грамматических вариантов: диспозитивные грамматические антонимы, диспозитивные грамматические квазиантонимы, диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, императивные грамматико-стилистические синонимы.

В четвертой части вполне успешно осуществлено перцептивно-аргументационное описание системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении. Данная часть исследования отличается четкой структурированностью и логической строгостью изложения. Убедительно разделены центральные и периферийные явления как внутри видов, так и на уровне родов в системе русских грамматических вариантов. Особый интерес представляет описание тенденций в сфере «вариантов ненормативных, но потенциально заполняющие лакуны русской грамматики» (глава 4.7).

Выводы по главам, параграфам и монографии в целом логичны и доказательны, но, следует признать, не всегда в одинаковой степени. Например, дифференциация вариантов *ждать поезд* – *ждать поезда* как семантически

конкретных и абстрактных выглядит убедительнее дифференциации как таких же вариантов *новая авеню* – *новое авеню* (пункт 4.1.1). Однако совершенно очевидно, что причина такой недостаточной убедительности кроется не в аргументах автора, а в трудноразличимости русских родовых вариантов, дифференциацию которых по одному универсальному критерию до С.Л. Попова никто не предпринимал.

Авторский стиль изложения вполне научен, но в то же время не перегружен проявлениями сайентизма, хотя временами демонстрирует увлеченность автора громоздкими синтаксическими конструкциями. Другим не очень существенным недостатком рецензируемой монографии можно признать подробность авторской аргументации в случаях, достаточно очевидных без столь многочисленных доказательств.

Монография С.Л. Попова представляет научный интерес и является полезной с практической точки зрения. Примененный в исследовании перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов, позволяющий контролировать качество восприятия и аргументации при объяснении межвариантных различий, может быть полезным в ортологической практике, по итогам которой ортологов часто упрекают в субъективности. Полученные результаты дифференциации русских грамматических вариантов могут быть учтены при создании ортологических пособий. Семантико-стилистическая интеграция диспозитивных и императивных грамматических вариантов может способствовать более системному, нежели традиционное грамматическое, усвоению этих вариантов.

ИНФОРМАЦИЯ. НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛДАВСКИХ РУСИСТОВ

*Млечко Татьяна Петровна,
доктор хабилитат филологии,
профессор университет
(Кишинев, Республика Молдова)*

Преподаватели и исследователи русского языка, методисты, литературоведы и культурологи в нашей республике всегда в той или иной форме поддерживали отношения между собой. Особым их объединением стало создание в 2001 году *Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ)*, профессиональной общественной организации. По своему названию и характеру деятельности оно соотносится с МАПРЯЛ (Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы), членом которой является, и с названиями национальных организаций аналогичного профиля в 80 других странах – АСПРЯЛ (США), КазПРЯЛ (Казахстан), УАПРЯЛ (Украина) и т.д.

Однако деятельность молдавских русистов в системе МАПРЯЛ начиналась задолго до 2001 года. В советский период русисты Молдавии были приобщены к деятельности МАПРЯЛ как преподаватели РКИ, поскольку в вузах республики широко осуществлялась работа с иностранными студентами на подготовительных и основных факультетах. После распада СССР организация молдавских русистов возродилась в **1997** году сначала в статусе коллективного члена МАПРЯЛ, которым стал Отдел истории языка и культуры русского населения Молдовы, функционировавший в составе Института

национальных меньшинств Академии наук РМ. Позже в качестве коллективного члена в МАПРЯЛ вошел также Славянский университет РМ, вуз с русским языком преподавания.

И только в 2001 году появилась национальная организация русистов Молдовы. Её деятельность лишь в малой степени сохранила ориентацию на истончившийся в республике сегмент РКИ, а сосредоточилась на проблемах преподавания русского языка как родного и как языка межнационального общения в уже ставшей зарубежным государством Республике Молдова. Соответственно новым задачам первым руководителем МОПРЯЛ стал доктор педагогики В.Н. Костецкий, долгие годы работавший в системе переподготовки кадров филологического профиля и широко известный в учительской среде.

На фото: **Мухаметшин Ф. М.**, доктор политических наук, профессор; Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в РМ, **Млечко Т.П.**, доктор хабилитат филологии, профессор, ректор Славянского университета, председатель МОПРЯЛ, член Президиума МАПРЯЛ, **Костецкий В.Н.**, доктор педагогики, конференциар, директор образовательных программ РЦНК, Почетный председатель МОПРЯЛ (слева направо)

Поводом к объединению послужило многое. В 90-е годы, когда, с одной стороны, были еще живы и сильны прежние связи с коллегами из России и других республик, хотелось это сотрудничество сохранить вопреки всеобщему разобщению и разрыву официальных контактов. С другой стороны, ослабевал престиж русского языка и менялось отношение к его изучению /преподаванию. Возникла необходимость отстаивать себя и позиции русского языка в сфере образования, перестраиваться в новых обстоятельствах, появилась потребность в профессиональной поддержке, в коллегиальной солидарности. Мы ощущали разницу, что такое каждый сам по себе и что такое мы вместе.

И это «мы» немалочисленный и немаловажный сегмент общества. При создании организации заявки о вступлении в нее были получены от преподавателей всех вузовских кафедр, связанных с русской филологией, от исследователей АН РМ, и главное – от учителей практически всех школ республики с русским языком преподавания и от отдельных учителей довузовских учебных заведений с государственным языком преподавания. Всего – около 1,5 тысяч человек. Сейчас только в доуниверситетских учебных заведениях с разными языками преподавания, количество которых, по данным последних лет, значительно сократилось, работает около 2 тысяч русистов. Все они в той или иной степени вовлечены в деятельность МОПРЯЛ либо являются адресной группой тех инициатив и действий, которые организацией реализуются.

Как и в любой другой общественной организации, постепенно сформировался актив МОПРЯЛ с постоянным фиксированным членством в организации и регулярной оплатой членских взносов. В него вошли руководители и

представители всех вузовских кафедр, на которых ведется подготовка и переподготовка филологов-русистов, педагоги из разных учебных заведений республики, исследователи академического профиля, сотрудники различных структур, чьи должностные обязанности предполагают заботу о судьбе русского языка. Самое главное, это люди, чей профессиональный авторитет неоспорим, а потенциал самореализации в многогранном пространстве русистики не исчерпан.

В.Н. Костецкий, ныне директор образовательных программ РЦНК, продолжает свою работу в организации в качестве **Почетного председателя МОПРЯЛ. Заместителями председателя МОПРЯЛ** избраны Н.А. Горбачева, доктор педагогики, главный специалист Министерства просвещения РМ, курирующий вопросы преподавания русского языка в республике, и Е.В. Сирота, зав. кафедрой славянской филологии в Бельцком государственном педагогическом университете им. А. Руссо.

В руководящий **Совет МОПРЯЛ**, состоящий из 15 человек, входят активные и авторитетные представители разных структур, деятельность которых непосредственно связана с русским языком и культурой. Это ученые и преподаватели, руководители филологических кафедр и факультетов – профессор И.А. Ионова (Славянский университет), В.Н. Носов (Молдавский государственный университет, руководитель Центра Русского мира в этом вузе), Г.Г. Топор (Кишиневский педагогический университет им. И. Крянгэ), О.К. Герлован (Тираспольский государственный университет в Кишиневе), это также вузовские преподаватели: Т.Н. Сузанская (руководитель Центра Русского мира в Бельцком ГПУ), Н.Ф. Донцу, Н.А. Дамиан, И.И. Цвик, Л.Н. Руднева, В.И. Тудосе. Линия академических исследований представлена в Совете

С.П. Прокоп, доктором филологии, директором Центра этнологии Института культурного наследия АН РМ. Преподающие русский язык и литературу в лицеях О.А. Сайко и О.В. Думитраш представляют в Совете МОПРЯЛ учительский корпус.

Практически ежегодно в списке личных достижений членов МОПРЯЛ появляются защищенные диссертации (Н.А. Горбачева, О.В. Думитраш, И.И. Цвик, В.Н. Бражук, Т.П. Млечко), новые книги – монографии и учебники, победы в профессиональных международных конкурсах, выступления с докладами на престижных научных форумах. Так, солидная делегация МОПРЯЛ участвовала в Конгрессах МАПРЯЛ в Варне и в Шанхае, в научных конференциях в Бельгии (Левен), Испании (Гранада), в Румынии (Бухарест) и др. В этом же списке и многочисленные яркие успехи в учебе, конкурсах и на олимпиадах тех, кого наши коллеги-преподаватели обучают русскому языку как учебному предмету и как специальности.

Помимо того, что каждый русист делает непосредственно на своем рабочем месте, в своем коллективе, МОПРЯЛ определяет для себя общие задачи для их совместной реализации.

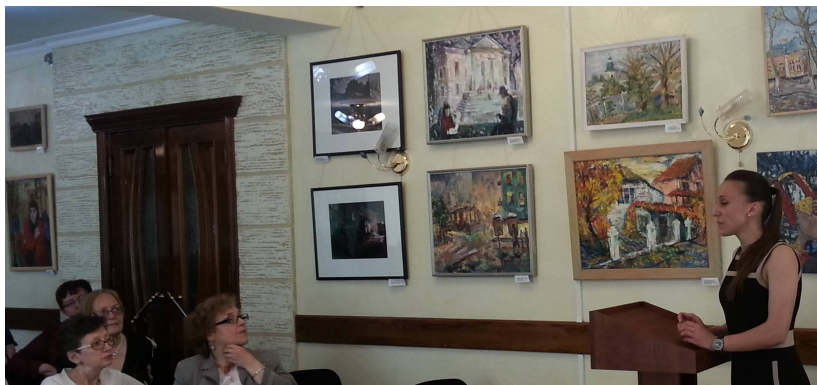

На фото: Заседание МОПРЯЛ в РЦНК

Например, в прошлом году мы инициировали первый конкурс дипломных работ по русскому языку или

русской литературе для филологов-выпускников (лиценциата и магистратуры) всех вузов, где ведется их подготовка. Победителей конкурса мы не только наградили, но пригласили и со вниманием выслушали на специальном заседании МОПРЯЛ, которое проходило в формате круглого стола, где обсуждались проблемы молодого учителя-словесника в современной школе. Эта тема стала предметом специального мониторинга, по результатам которого сложилось реальное представление о судьбе и положении тех, кто готов и хочет преподавать русский язык в Молдове. Речь о новом поколении русистов, по отношению к которому важна наставническая и организационная поддержка МОПРЯЛ.

На фото: выступает **Ольга Снякова** – одна из победительниц конкурса, выпускница магистратуры Славянского университета 2014 года

Естественно, многие наши задачи решаются в партнерстве с другими организациями и структурами. Так, по инициативе МОПРЯЛ специалисты из РУДН на базе Славянского университета провели специальные курсы по подготовке преподавателей для проведения Комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам

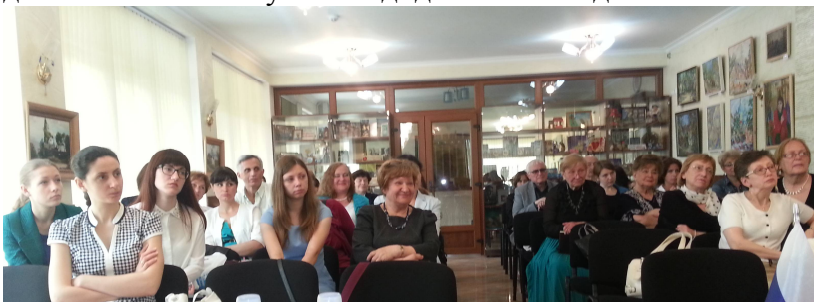
законодательства РФ для мигрантов. Соответствующий сертификат и право подготовки мигрантов к сдаче Комплексного экзамена получили более ста русистов и преподавателей гуманитарных дисциплин республики.

С интересом относится МОПРЯЛ и к ежегодным республиканским олимпиадам по русскому языку. Нами была разработана эмблема этой олимпиады, а также внедряется традиция ежегодного награждения тех учителей-словесников, чьи воспитанники неоднократно становятся победителями национальных и международных Олимпиад по русскому языку и литературе. Поскольку МОПРЯЛ некоммерческая организация, то мы награждаем пока немногих из достойных, изыскивая особые возможности их поощрения. Помимо специальных дипломов МАПРЯЛ, это поездки на профильные стажировки, семинары и другие мероприятия в Россию, о которых мы специально ходатайствуем перед различными российскими структурами. Еще одна форма особого признания заслуг членов нашей национальной организации русистов – это рекомендация на награждение Международной медалью А.С. Пушкина, которая присуждается по решению Президиума МАПРЯЛ. В разные годы её были удостоены В.Н. Костецкий (2001), И.А. Ионова (2003) и Т.П. Млечко (2005). В этом году на заседании Президиума МАПРЯЛ в Праге кандидатуры, выдвинутые нашей организацией, были поддержаны, и Медаль заслуженно вручается вузовскому преподавателю доценту Т.Н. Сузанской (БГПУ) и школьному учителю высшей категории Т.Г. Черных (Кишиневский лицей им. Н.В. Гоголя).

Нашей организации немало дает постоянное и активное членство в международной ассоциации русистов. Вместе с другими национальными организациями,

коллективными и индивидуальными членами МАПРЯЛ мы своими взносами поддерживаем активную деятельность общего координационно-информационного центра, который работает на нас всех. Это сайт, где можно найти и расположить любую актуальную информацию о русистах и русистике, о мероприятиях и событиях, это издание журналов «Русский язык за рубежом» и «Русское слово в мире», это сводный план всех мероприятий, которые проводятся в мире и нашей стране под эгидой МАПРЯЛ.

Кстати, в этом году в сводный план МАПРЯЛ включено солидное мероприятие, которому наша организация придает большое значение, – 70-летие кафедры славянской филологии Бельцкого государственного университета им. А. Руссо. Кафедра известна своими специалистами и выпускниками, своими достижениями в научной и дидактической деятельности.

На фото: участники Круглого стола по проблемам молодых преподавателей – русистов в современной школе

МАПРЯЛ осуществляет также большую организационную работу. Она ориентирована на огромный круг людей, получающих возможность, в том числе финансовую (финалисты и гости), участвовать в таких больших мероприятиях, как Европейский и Всемирный конкурс русского языка для всех категорий носителей и

пользователей языка, как Международная олимпиада по русскому языку, как акции «МАПРЯЛ – русскому миру» и, конечно, проводимые раз в четыре года Конгрессы МАПРЯЛ.

Сейчас идет активная подготовка к очередному Конгрессу МАПРЯЛ, который в сентябре 2015 года пройдет в Испании под патронатом королевской семьи в университетском городе Гранада.

На фото: Т.П. Млечко и Ю.Е. Прохоров, гл. редактор журнала «Русский язык за рубежом» на заседании Президиума МАПРЯЛ в Праге, посвященном подготовке к XIII Конгрессу в Гранаде

Заявки на участие и свои материалы подали без малого две тысячи русистов со всего мира. Молдавская делегация, что отраднo и показательно, будет одной из самых многочисленных – 23 человека из разных учебных заведений и исследовательских организаций.

В качестве волонтеров – с финансовым обеспечением Международной ассоциации – и в Конгрессе будут участвовать два студента из нашей республики

Игорь Корнилов из Славянского университета и Людмила Парахонько из Бельцкого госуниверситета.

У любой профессиональной организации есть завидная миссия формулировать компетентное суждение по определенному кругу проблем и преимущество быть востребованными в этом качестве обществом и властью. МОПРЯЛ осознает и эту свою роль. Мы делаем СВОЁ дело и имеем право на СВОЕ слово в вопросах, касающихся судьбы и преподавания русского языка.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ОПЫТ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ
СО СТУДЕНТАМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ:
презентация материалов
научно-практической конференции**

*Репида Вячеслав Борисович,
доктор истории, профессор университета
(Кишинев, Республика Молдова)*

Правовые основы современного высшего образования как никогда ранее ярко отражают тенденцию к унификации на уровне континентов и всего мирового образовательного пространства. Все международные и национальные правовые документы позиционируют высшее образование как ключевой фактор культурного, экономического и социального развития общества. При этом миссией высшего образования является не только подготовка специалистов, способных конкурировать на национальном и международном рынке труда, но также сохранение и продвижение национальных культурно-

исторических ценностей в контексте поликультурности мира.

Цели и задачи внеаудиторной работы в рамках данного подхода расширятся и углубляются одновременно, что требует модернизации традиционных форм и методов внеаудиторной работы.

В декабре 2014 г. в Славянском университете вышел в свет сборник материалов научно-практической конференции «Международный и национальный опыт внеаудиторной работы со студентами высшей школы [1].

На презентации сборника организатор и координатор конференции проректор по учебной работе Славянского университета, доктор истории, профессор **Репида В. Б.** в докладе «Методология внеаудиторной работы со студентами высшей школы в условиях формирования единого общеобразовательного пространства» обозначил методологические изменения и современные ресурсы внеаудиторной работы со студентами, способы реализации подходов учебными подразделениями, социальными партнёрами.

Секция

«Цели и содержание внеаудиторной работы со студентами высшей школы»

Доктор экономики **Черга Т. Б.** (Славянский университет) рассмотрела самостоятельную работу как фактор, способствующий формированию познавательной активности студентов, развитию их профессиональной компетентности, обратив основное внимание на мотивацию и репродуктивную работу.

Кандидат социологических наук **О. В. Юрова** и **Д. В. Моисеева** (Волгоградский государственный технический университет, Россия) рассмотрели один из возможных вариантов организации учебного процесса по дисциплине «Управление изменениями».

Кандидат педагогических наук **Скибо Т. Ю.** и **Федорова С. Г.** (Воронежский институт высоких технологий, Россия) показали специфику организации внеаудиторной работы со студентами как три взаимосвязанные целевые направления деятельности на основе принципа добровольного участия, создания и совершенствования условий для развития самоуправления.

Заместитель декана экономического факультета **Е. Г. Москалюк** (Славянский университет) раскрыла основные проблемы работы куратора академической группы на опыте экономического факультета СУ.

Роли внеаудиторной работы со студентами и ее преимуществах в воспитании конкурентоспособных специалистов посвятили свои сообщения студенты выпускники **Лайпанова Ф. А.** и **Соломоненко Н. Г.** (Северо -Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь).

Секция

«Ресурсы внеаудиторной работы со студентами высшей школы»

Вопросы дистанционного обучения как основы открытой международной образовательной системы XXI века рассмотрела доктор психологии **Кобылянская Л. И.** (Славянский университет). В этом же ключе выступили кандидат исторических наук **Т. Д. Засорина** и кандидат философских наук **Н. Н. Хомутова** (Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Россия, г. Санкт-Петербург), предложив с целью интенсификации образовательного процесса активное использование электронного учебно-методического комплекса, технологии разметки страниц HTML, каскадных таблиц стилей CSS, что позволит улучшить передачу и навигацию учебного материала.

Методологические и практические аспекты реализации проектного подхода в образовательном процессе студентов инженерно-экономических специальностей были раскрыты в докладе доктора экономики **Балиной И. В.** (Славянский университет).

В докладе доктора педагогических наук, профессора **Зарецкой И. И.** (Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, Россия, г. Москва) «От внеаудиторной работы к системе воспитательной деятельности» раскрываются приоритетные направления развития воспитательного пространства вуза; воспитание, социализация студентов рассматриваются как фактор обеспечения качества профессионального образования.

Старший преподаватель **Кожокарь И. В.** (Славянский университет) показала своё видение ресурсов внеаудиторной работы со студентами специальности «Психология» в период прохождения ими профессиональной практики.

Правильному распределению учебной нагрузки преподавателей и техническому обеспечению их работы посвящен доклад кандидата экономических наук **Т. М. Зеленской** (Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Россия, г. Санкт-Петербург).

Секция

**«Научно -исследовательская и
учебно-исследовательская
работа со студентами высшей школы»**

В докладе **Галковской О. А.** и кандидата философских наук **Марковой Т. И.** (Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Россия, г. Санкт-Петербург) «Организация исследовательской внеаудиторной работы в

рамках студенческих научных обществ: история вопроса) рассматриваются проблемы формирования и развития внеаудиторной работы студентов в формате студенческих научных обществ (СНО) с момента зарождения университетов в Европе.

Хомутова Н. Н., Засорина Т. Д. (Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Россия, г. Санкт-Петербург) в докладе «Личностная включенность студентов в творческую внеаудиторную научно-исследовательскую работу, как условие ее эффективности» приходят к выводу, что самообразование способствует самовоспитанию, дает человеку информацию, необходимую для осознания себя и окружающего мира.

Доктор экономики **М. В. Компанец** (Славянский университет) рассматривает роль научно-исследовательской работы студентов в формировании профессиональных компетенций экономиста.

Доктор технических наук, профессор **Косолапов А.А.** (Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта им. акад. В. Лазаряна, Украина) делится опытом организации научно-учебно-исследовательской работы студентов в рамках курсового проекта по созданию информационно-управляющей системы интегрированной АСУ предприятием.

Студентка **Мнацканова Л. Ф.** рассказывает об опыте Научной библиотеки Северо -Кавказского федерального университета в организации внеаудиторной работы студентов. Её коллега студентка **Мансурова А. Ф.** оценивает роль научного студенческого кружка в приобретении навыков самостоятельной работы в современных условиях.

Секция

**«Культурно-просветительские программы
как часть внеаудиторной работы
со студентами высшей школы»**

Коллеги из Ясского университета им. Александра Кузы (Румыния) **Меришор Доминге**, доктор теологии **Богдан Кожоча**, **Стелиан Оника** показали деятельность факультета ортодоксальной теологии по сохранению национального религиозно-культурного наследия как неотъемлемую часть внеаудиторной работы студентов.

Тезисы **Л.А. Денисовой** (Российский гидрометеорологический университет, г. Москва) посвящены экскурсионной работе как одному из методов обучения в системе гуманитарного образования.

Вопросам формирования профессиональных компетенций у студентов специальности «Журналистика» путем проведения внеаудиторной культурно-просветительской работы посвящен доклад преподавателя **Е.О. Кобылян** (Славянский университет). По мнению автора, это повышает активность студентов, их инициативность и конкурентоспособность в профессиональной среде.

Секция

**«Специфика внеаудиторной работы со студентами
по профилям и специальностям высшей школы»**

Интерактивным формам и методам самостоятельной работы студентов по социологии посвящен доклад кандидата педагогических наук **Рапаевой М.В.** (Национальная академия управления, г. Киев, Украина). Автор продемонстрировала их практическую реализацию на примере учебной дисциплины «Социология»

Кандидат медицинских наук **Хижняк В.В.** (Харьковский национальный медицинский университет,

Украина) раскрыл специфику внеаудиторной работы с украинскими студентами медицинского университета IV уровня аккредитации по правовым дисциплинам

Исследование степени объективности тестовых заданий закрытой формы в компьютерных системах контроля знаний представили доктор технических наук **В. М. Гусликов** и доктор физико-математических работ **В. И. Ганчар** (Славянский университет). Они рассмотрели пути оптимизации тестовых заданий закрытой формы, исследовали влияние некоторых параметров тестовых заданий на возможность получения проходного балла студентами, не имеющими необходимых знаний, показали правомерность использования таких заданий для некоторых видов контроля знаний, предложили алгоритм определения оптимального числа ответов в тестовом задании и количества необходимых тестовых заданий.

В работе пяти секций конференции приняли участие 28 работников высшей школы и 4 студента-выпускника из Молдовы, России, Румынии, Украины. Число иностранных участников составило 75%.

Желаем коллегам дальнейшей успешной работы и приглашаем принять участие в международной научно-практической конференции «Интерактивные методы обучения студентов» (декабрь 2015 г.), организуемой Славянским университетом.

Литература

1. **Experiența internațională și națională a activității extracurriculare cu studenții instituțiilor superioare de învățământ", conferință științifico-practică internațională** (2014; Chișinău). Experiența internațională și națională a activității extracurriculare cu studenților superioare de învățământ : Materiale ale conf. ști.-practice intern. = Международный и национальный опыт внеаудиторной работы со студентами высшей школы : Материалы междунар. научно-практ. конф., 18 dec. 2014 / науч. ред.: В. Б. Репида. – Chișinău : Universitatea Slavonă, 2014. – 225 p.

СЕТЕВОЙ УНИВЕРСИТЕТ СНГ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ВУЗОВ МОЛДОВЫ

*Ионова Ирина Александровна,
доктор хабилитат филологии,
профессор университетар
(Кишинев, Республика Молдова)*

В этом году у Сетевого университета Содружества Независимых Государств первый юбилей: ему исполняется 5 лет. Срок небольшой, но некоторые итоги может подвести и сам университет с таким необычным и говорящим названием, и Славянский университет Молдовы.

Проект создания Сетевого университета был инициирован Российским университетом дружбы народов в 2008 году. Основными целями проекта были повышение качества и привлекательности высшего образования, укрепление сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования в рамках единого образовательного пространства государств содружества. По сути, это аналог программы «Эразмус Мундус» на пространстве СНГ.

При разработке проекта предполагалось, что финансирование обучения может осуществляться за счет грантов (квот), выделяемых РФ. Кроме того, проект был поддержан Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества (МФГС) государств-участников СНГ.

На разработку и продвижение проекта ушло два года.

Решение о создании Сетевого университета было принято 10 декабря 2010 года в Кремле на заседании Совета глав государств-участников СНГ. В заседании приняли участие Президент России Дмитрий Медведев, президенты и премьер-министры стран СНГ. Республику

Молдова представлял вице-премьер Правительства – министр экономики Валериу Лазэр.

Среди важнейших вопросов межгосударственного сотрудничества (участники саммита обсудили тогда итоги российского председательства в Содружестве и наметили приоритеты деятельности на ближайший год) был рассмотрен и вопрос о создании сети университетов. В своём выступлении на встрече и после на пресс-конференции Дмитрий Медведев отметил высокую значимость Сетевого университета СНГ, который позволяет студентам общаться, получать глобальное образование с учётом специфики образования на территории различных стран СНГ.

В 2010 году состоялся и первый прием в магистратуру Сетевого университета.

Что же такое Сетевой университет СНГ сегодня?

Это консорциум нескольких университетов стран содружества. Головной организацией – координатором и идейным вдохновителем, естественно, является университет, который инициировал проект, разработал его и воплотил идею в жизнь – Российский университет дружбы народов.

В момент основания в консорциум Сетевого университета вошли 16 ведущих вузов из восьми стран СНГ: Республики Армении, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республика Молдова, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Украины.

Молдову в этом перечне представлял Славянский университет.

Сегодня, в 2015 году, в консорциум входят вузы девяти государств СНГ: к нему присоединилась Азербайджанская Республика.

Для того, чтобы оценить масштабность действующего Сетевого университета и его возможности, следует назвать сотрудничающие в нем вузы. Их около 30. Количество вузов-партнеров указано приблизительно: Сетевой университет развивается, и ежегодно к консорциуму присоединяются новые участники.

Вот их неполный состав:

Бакинский славянский университет, Белорусский государственный университет, Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Донецкий национальный университет, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Ереванский государственный лингвистический университет им. В. Брюсова, Ереванский государственный университет, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Кыргызско-Российский Славянский университет, Московская государственная юридическая академия, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (МГИМО), Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Новосибирский государственный университет, Российско-Таджикский Славянский университет, Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, Российский университет дружбы народов, Санкт-Петербургский государственный университет, Славянский университет (Республика Молдова), Таджикский национальный университет, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова.

Нельзя не обратить внимание, что значительная часть членов консорциумов – это авторитетнейшие университеты России, которые принимают у себя для обучения в магистратуре (и, заметим, в аспирантуре) выпускников партнерских вузов из стран СНГ.

Существует Координационный совет Сетевого университета, в состав которого входят представители всех вузов-партнеров. Славянский университет Молдовы в этом совете представляют ректор университета Татьяна Петровна Млечко и заведующий кафедрой славянской филологии Ирина Александровна Ионова.

Сетевой университет дает возможность пройти обучение по следующим направлениям: «Юриспруденция» (специализация «Международное право»), «Менеджмент» (специализации «Управление международными проектами» и «Международный менеджмент»), «Экономика» (специализация «Международная торговля»), «Филология» (специализация «Русский язык и литература»), «Международные отношения» (специализация «Мировая политика»). В области информатики и энергетики реализуются направления «Автоматизация технологических процессов и производств», «Мехатроника и робототехника» (специализация «Промышленная робототехника и робототехнические комплексы»), «Материаловедение и технологии материалов» (специализация «Ракетно-космические композитные конструкции»), «Нефтегазовое дело» (специализация «Мониторинг и техническая диагностика газотранспортных систем»). По направлению «Туризм» осуществляется обучение по специальностям «Межкультурные коммуникации в туризме» и «Планирование и развитие туризма на государственном уровне».

Из всего этого многообразия в Республике Молдова реализуются возможности обучения только по направлению «Филология» со специализацией «Русский язык и литература».

К сожалению, в Молдове возможности Сетевого университета СНГ используются до обидного мало, отчасти из-за недостатка информации, но не исключено, что причиной отстраненности от такого перспективного проекта является нежелание структур, от которых это зависит, предпринять шаги в направлении сотрудничества.

Квоты на поступление в Сетевой университет Славянскому университету выделяются ежегодно. Следует признать, что открывающиеся возможности мы используем далеко не в полной мере. Основная причина в том, что сегодня в вузах Молдовы вообще по специальности «Русский язык и литература» обучается очень немного студентов. И уехать учиться за границу, даже при желании и только на год, могут себе позволить далеко не все выпускники лицензиата. Планы устройства личной жизни, материальные обстоятельства семьи – все это зачастую побуждает к предпочтению магистратуры в альма-матер или вообще отказу от второго цикла университетского образования.

Как осуществляется прием в Сетевой университет, как организуется учебный процесс, какие преимущества дает данная программа?

Для того, чтобы учиться в Сетевом университете, нужно поступить в магистратуру вуза, являющегося членом консорциума. В Республике Молдова – это Славянский университет. Вступительные экзамены в оба вуза абитуриенты сдают один раз – по месту поступления в магистратуру. Первый курс обучения магистрант проходит в вузе, который определяется «штаб-квартирой» в РУДН,

на второй курс возвращается в магистратуру Славянского университета. Планы обучения согласованы. Магистерскую диссертацию, тема которой также согласуется, студенты пишут под патронатом научных руководителей из двух вузов. Выпускные государственные экзамены сдаются один раз, не дублируются и процедура защиты диссертации.

Впрочем, возможна и другая схема: первый год магистранты обучаются в своем «домашнем» университете, а следующий год – в зарубежном вузе.

По завершении обучения выпускники получают два магистерских диплома: один национального университета, и второй – вуза-партнера.

В 2012 году состоялся первый выпуск магистров Сетевого университета. Тогда успешно завершили обучение по совместным образовательным программам 139 человек из разных стран СНГ. Среди них – два представителя Славянского университета.

Диссертации были успешно защищены в Славянском университете. В состав Государственной аккредитационной комиссии входил заведующий кафедрой методики преподавания русского языка РУДН академик В.М. Шаклеин.

В последующие годы апробировались другие схемы организации выпускных экзаменов. Проверялся, например, режим видеоконференции, когда члены ГАК, находясь в Кишиневе, виртуально присутствовали на защите в Санкт-Петербургском университете и участвовали в обсуждении. Или, как в последний год в РУДН, защита проходила в присутствии члена комиссии из Славянского университета.

За прошедшие годы (выпуски 2012, 2013 и 2014 гг.) по линии Сетевого университета магистерские дипломы престижных российских вузов – РУДН и Санкт-Петербургского государственного университета –

получили девять человек. Большая часть из них – это питомцы Славянского университета: Павел Пекарский, Надежда Гумениченко, Виктор Крачун, Ирина Подлеснова и Наталья Лепилова. Но принцип академической мобильности позволил поступить в магистратуру Славянского университета и выпускникам других вузов Молдовы: Ирина Петик – из МолдГУ, Татьяна Гроздева и Мария Гытя – из КГПУ им. И.Крянгэ, Ирина Евдокименко – из Бельцкого государственного университета.

На фото: Обсуждение результатов защиты диссертаций магистров Сетевого университета в РУДН, 2014 г. Диссертация **Ирины Петик** (1 ряд слева) «Россия в поэзии Георгия Иванова» оценена на «отлично»

Оценки в зачетках – и приложениях к дипломам – отличные. Практика показывает, что такие специалисты востребованы и в Молдове, и в России.

«Наши люди» учатся в РУДН и сейчас, две студентки выпускного курса готовятся к поступлению.

Но диплом (и, естественно, знания) – это не все, что дает Сетевой университет. Здесь молодые люди познают Россию, дружат со сверстниками из стран СНГ, участвуют

в международных научных и культурных мероприятиях – этому уделяется очень большое внимание.

В одном из интервью ректор РУДН Владимир Филиппов сказал:

«Участниками Сетевого университета стали ведущие вузы стран СНГ. Любой университет такого уровня должен ставить перед собой задачу быть основой межкультурного взаимодействия между странами. Просто так привлекать студентов, молодёжь, сажать их за стол и говорить: давайте будем дружить, давайте заниматься этнокультурным воспитанием без создания одновременно базы образования – это невозможно. И это образование является той основой, которая сохраняет дружбу между нашими странами».

**ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ЖУРНАЛЕ «СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Приглашаем вас к сотрудничеству в журнале «Славянские чтения», который решением Национального Совета по аттестации и аккредитации Республики Молдова № 146 от 27 июня 2013 года зарегистрирован в качестве научно-теоретического издания по проблемам филологии, культурологии, философии, искусствоведения и педагогики (категория «С»).

Журнал издается Славянским университетом и освещает исследовательскую деятельность преподавателей вуза по аккредитованному научному направлению «Славянские культуры в Республике Молдова», консолидирует специалистов Молдовы и зарубежных стран, научные интересы которых связаны со славистикой.

Сложившиеся тематические традиции журнала отражены в названиях разделов:

«Взаимодействие языков и культур в полиэтничном обществе»;

«Славянские языки: теория и поэтика»;

«Литературоведение: переключки литератур и полилог научных концепций»;

«Методологическая стратегия и дидактические тактики образования и воспитания в поликультурном обществе».

Особый раздел посвящается истории русской филологической науки в Республике Молдова.

Редколлегия журнала будет благодарна также за полезные информационные материалы, рецензии на новые издания и т.п.

Периодичность журнала – два номера в год. Для того, чтобы ваш материал попал в очередной номер, следует прислать его до 1 октября или до 1 марта по указанным электронным адресам.

К публикации принимаются материалы на русском и других распространенных в Республике Молдова славянских языках, румынском языке.

*Редакционная коллегия
научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»*

Следите за информацией на сайте Славянского университета
<http://www.surm.md>

Наш адрес: Республика Молдова, MD 2068, Кишинев,
ул. Флорилор, 28/1, Славянский университет

Факс: (+37322) 022-43-03-81

Телефоны: (+37322) 022-22-47-50

(+37322) 022-43-03-81

E-mail: surm@starnet.md

irionova@mail.ru Ионова Ирина Александровна,
ответственный редактор

К сведению авторов научно-теоретического журнала
«Славянские чтения»

- Материал, представляемый в печать, должен быть оригинальной и ранее не публиковавшейся работой автора.
- Работа должна быть структурирована согласно требованиям, предъявляемым к научным статьям: необходимо обозначить проблему, объект исследования, основания постановки и решения проблемы, выводы, заключение.
- К публикации принимаются статьи, рецензии на научные и методические издания (объемом до 2 страниц), обзоры, информационные и другие материалы.
- Текст для публикации представляется в электронном варианте по указанным адресам.
- Стоимость публикации: объем статьи до 6 стр. – 200 леев (15 \$), более 6 стр. – 300 леев (20 \$). Материалы докторов habilitation (докторов наук) публикуются бесплатно.

Основные требования к техническому оформлению материалов

- Текстовый редактор Microsoft Word.
- Формат листа А4 (21 x 14,8 см).
- Поля страницы – по 2 см со всех сторон.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Красная строка (абзацный отступ) – 1 см.
- Шрифт – Times New Roman, кегль 12.
- Примеры из художественной литературы, цитаты из научных

источников набираются курсивом, выделяемые в них фрагменты – жирным курсивом.

- Примеры и цитаты заключаются в «косые кавычки»; закавычивание внутри цитат производится “лапками”: «... “...”...».
- Упущенные фрагменты цитируемых текстов обозначаются <...>.
- Стихотворные тексты набираются курсивом с абзаца, стихотворные строки разделяются двумя косыми скобками. Например:

«А теперь в бесприютном краю, // уж давно не снимая котомки, // качаю — ловлю я, качаю — ловлю // строки о русской речонке...<...>»
(В. Набоков, «Река») [7, 33].

- Тире и дефис различаются.
- Таблицы, схемы, иллюстрации, фотографии с подписями – внедрены в текст, шириной не более 10 см.
- Название статьи набирается заглавными буквами (12 кегль), полужирным шрифтом, по центру. Справа под заголовком указываются Фамилия, Имя, Отчество, ученая степень, должность, в скобках – город, страна.
- Через отступ от информации об авторе помещаются аннотации на русском и английском языках, до 50 слов; шесть ключевых слов. Авторы из Республики Молдова дают аннотацию также на государственном языке страны. Аннотации предваряются переводом названия статьи на язык аннотации (заглавными буквами, 9-й кегль).
- В конце статьи помещается в алфавитно-хронологическом порядке список использованной литературы (Литература) с указанием данных источника. Образец: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. Бацевич Ф.С. Функционально-семантические исследования глагольной лексики. // Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. Львов, 1997.
- В список литературы включаются только те работы, которые цитируются в статье или на которые ссылается автор.
- Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, с указанием номера источника в списке, далее через запятую номер страницы, например, [1, 13].
- Если источник многотомный, номер тома отделяется от номера источника двоеточием, например: [5: 2, 48]. Если источников несколько, между ними ставится точка с запятой. Например: [6,

Приглашение к сотрудничеству в журнале

213; 4:1, 60]. Название издательства не указывается.

- Там, где это необходимо, используются примечания внизу страницы с автоматической нумерацией. Постраничные примечания набираются курсивом (10 кегль).

Материал, предлагаемый к публикации, сопровождается справкой следующего содержания.

- Фамилия, имя, отчество автора.
- Ученая степень, звание.
- Адреса для связи: страна, индекс, город, улица, телефоны, факс, e-mail.

НАШИ АВТОРЫ

Батыр Татьяна Борисовна, доктор философии, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Врачу Марина, доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры славистики Ясского университета «Александру Иоан Куза»; Румыния.

Вэрау Анка Елена, магистрант; кафедры славистики Ясского университета «Александру Иоан Куза»; Румыния.

Гарусова Ольга Андреевна, научный сотрудник Отдела этнологии Института культурного наследия АН Молдовы; Кишинев, Республика Молдова.

Демченко Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы в начальной школе Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко.

Друмь Луминица Харлампиевна, доктор филологии, старший научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы; Кишинев, Республика Молдова.

Дубровский Анатолий Дмитриевич, доктор истории, конференциар университетар, декан гуманитарного факультета, заведующий кафедрой журналистики Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Жаравина Лариса Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета; Россия.

Зайковская Татьяна Викторовна, доктор филологии, ведущий научный сотрудник Института культурного наследия АН Молдовы; Кишинев, Республика Молдова.

Ионова Ирина Александровна, доктор хабилитат филологии, профессор университетар, заведующий кафедрой славянской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Карча Валентина Георгиевна, доктор педагогики, конференциар университетар КГПУ им. Иона Крянгэ; Кишинев, Республика Молдова.

Кобылэ Оана, магистр филологии; кафедра славистики Ясского университета «Александру Иоан Куза»; Румыния.

Колесник Любовь Анатольевна, доктор педагогики, конференциар университар КГПУ им. Иона Крянгэ; Кишинев, Республика Молдова.

Леонтьева Елена Александровна, преподаватель ИЯИЛ Тираспольского ГУ им. Т.Г. Шевченко.

Млечко Татьяна Петровна, доктор хабилитат филологии, профессор университар, ректор Славянского университета, председатель МОПРЯЛ, член Президиума МАПРЯЛ; Кишинев, Республика Молдова.

Мухаметшин Фарит Мубаракшевич, доктор политических наук, профессор; Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Молдова.

Репида Вячеслав Борисович, доктор истории, профессор университар, проректор Славянского университета по учебной работе; Кишинев, Ресаублика Молдова.

Руднева Людмила Николаевна, доктор филологии, конференциар университар кафедры славянской филологии Славянского университета; Кишинев, Республика Молдова.

Рудь Анна, магистрант; кафедра славистики Ясского университета «Александру Иоан Куза»; Румыния.

Скоробогатова Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды; Украина.

Судец Наталья Анатольевна, аспирант; Каменец-Подольск, Украина.

Устиян Иван Григорьевич, доктор хабилитат экономики, конференциар университар кафедры «Экономическое мышление, демография и экономическая география» Молдавской Экономической Академии; Кишинев, Республика Молдова.

**СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

**СЛАВЯНСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

**НАУЧНО – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
№ 5 (11)**

Aprobat spre tipar: 24.04.2015

Hartie ofset. Tipar ofset

Coli editoriale 19,76

Coli de tipar conv. 18,81

Format A5

Tirajul: 200 ex.

Comanda nr.2 din

23.04.2015

Tipografia Asociației lucrătorilor instituțiilor de învățămînt
slavone din Republica Moldova – 2068, Chișinău, Florilor, 28/1,
Universitatea Slavonă
Tel./fax (+373 22) 43 03 81
surm@starnet.md